

ФАЛЬШИВЫЙ БЛЕСК НА ГИБЛОМ МЕСТЕ

Недавно вернулся из Когалыма. Этот город ещё называют неофициальной столицей богатейшей нефтяной компании «ЛУКОЙЛ». А на языке хантов Когалым — это всего лишь гиблое место. Так что же теперь символизирует этот город: несметные богатства или чёрные дыры?

Чисто внешне Когалым просто блестит. Не город, а прямо-таки красавец, который вот-вот готов утонуть в роскоши. Но что скрывается за этим блеском? Похоже, одна пустота.

Начну с того, что зашёл я в центральную городскую библиотеку. И что же? Там не оказалось не то что ни одного «толстого» журнала, даже сверхпопулярной «Комсомольской правды». Причина одна: нет денег. И это в нефтяной столице?! Куда же утекают миллиарды рублей?

К слову: в Когалым я летал не из праздного интереса. Там отмечалось 65-летие одного из лучших писателей страны — Еремея Айпина, который представляет небольшой хантыйский народ. По этому поводу в нефтяной столице со всей Югры собрались преподаватели хантыйского языка. И о чём они говорили? О начавшемся в Югре процессе упразднения национальных школ, исчезновении из школьных программ уроков культуры малочисленных народов, невозможности приобрести книги национальных авторов, закрытии научных лабораторий, занимавшихся проблемами хантов, выдавливании национальных кадров из сферы науки и образования.

Ещё раз напомню о том, где всё это говорилось — в столице «ЛУКОЙла», руководство которой не жалеет миллиарды на покупку зарубежных игроков для футбольной команды «Спартак». Неужто нефтяные генералы решились возвратиться к истокам и вернуть Когалыму первоначальный смысл: гиблое место?

А что же губернатор Югры Наталья Комарова? Она что, ничего об этом не знает? Скорее другое — ей всё до фонаря.

Вячеслав ОТРЫЗКО

КОГАЛЫМ — МОСКВА

МИР СЕВЕРА

№ 4 (86), 2013

Этнополитический и литературно-художественный журнал

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Роман СЕНЧИН

Исполнительный директор
Александр ДОРОФЕЕВ

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Евгений БОГАЧКОВ (Москва),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Галина БУТЫРЕВА (Сыктывкар),
Александр ВАЩЕНКО (Москва),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Максим ЛАВРЕНТЬЕВ (Москва),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск),
Анатолий ОМЕЛЬЧУК (Тюмень)

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Ольга ПЕЛЕНКОВА

Обложка:
В оформлении 1и 3 страницы использованы работы художника Азата МИННЕКАЕВА;
2 страница - фрагмент полотна когалымской художницы ГАЙНАНОВОЙ Л.Н.

Подписано в печать 20 августа 2013 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Свидетельство о регистрации № 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1200 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65,
Факс: 8 (495) 694-50-10
E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано
в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП ПИК «ВИНИТИ»-«Наука»,
140014, Московская обл., г. Люберцы,
Октябрьский пр-т, д. 403.
Тел./факс: 554-21-86, 554-25-97,
974-69-76.

Заказ 914

«Русской словесности вообще присуще название «богатая, русская». Однако более пристальное изучение открывает богатство дарований и некоторую узость её очертаний и пределов.<...>
Из отдельных мест ею воспет Кавказ, но не Урал и Сибирь с Амуром, с его самыми древними преданиями о прошлом людей (орочоны)».

Велимир Хлебников, «О расширении пределов русской словесности», 1913

СОДЕРЖАНИЕ

3 О чём тревожимся
Лариса МИНЕЕВА. Почему в школах Югры не изучают культуру хантов
Александр ПУРЫШЕВ. Право на право

11 Мы – один мир
Лииса ВИЙТАНЕН. У саамов и хантов общая проблема – алкоголь**.** Беседу вёл Вячеслав ОГРЫЗКО
Каталин НАДЬ. Пока ещё жива душа
Катрин ЛЕ РУ. Я такого не знала
Доминик САМСОН. От права сильного до равноправия

30 Неоконченная борьба
Вячеслав ОГРЫЗКО. Бунт номинального советника
Вячеслав ОГРЫЗКО. Я согласен быть Вороном

37 Драма
Анатоли ОМЕЛЬЧУК. Странница бытия

41 Слово о маме
Ольга ЗЕЛЕНИНА. Мне не хватает тебя

45 Рассказы бывалого человека
Представляем почётного полярника: Сергей СПИРИН
Сергей СПИРИН. Мне другой жизни не надо

54 Извлечено из архива
Василий ЛЕДКОВ. Я живу в преддверье чуда. Беседу вёл Сергей ДОМОРОЩЕНОВ

59 Фантасмагория
Алина ЧАДАЕВА. Вхождение в Мангбо

68 Мой друг уехал в Магадан
Игорь КОХАНОВСКИЙ. Если и менять профессию, то в Магадане. Беседу вела Любовь ГОРДЕЕВА

74 Что пьём?
Леонид БАБАНИН. Под щучку

79 Поэзия
Велимир ХЛЕБНИКОВ. Шаман и Венера. Вступительная статья Максима ЛАВРЕНТЬЕВА

Лариса МИНЕЕВА

ПОЧЕМУ В ШКОЛАХ ЮГРЫ НЕ ИЗУЧАЮТ КУЛЬТУРУ ХАНТОВ

По национальности я русская и не знаю языка хантыйского народа. На моём профессиональном пути географа знакомство с культурой ханты и манси произошло благодаря введению в школах округа в 1998 году регионального компонента. Тогда пришёл приказ ввести в школах предметы, связанные с историей края. Мне как географу было предложено вести краеведение. Первая проблема, с которой сталкивается учитель, это что и как преподавать. Помню своё отчаяние и растерянность перед предстоящим учебным годом. Больше всего меня мучил вопрос: а имею ли я право преподавать незнакомую мне культуру, без какой либо подготовки и знаний.

Первая проблема, с которой сталкивается учитель, это что и как преподавать.

Но самое главное – я понимала, что не имею морального права искажать культуру, приводить несуществующие факты и примеры, придумывать, что-то своё. Обращаясь к словам Ювана Шесталова «Слово поэта – сила, которая мощнее любого вида оружия», хочется добавить слово «учитель» и слово учителя является сильным для его учеников. В.А. Сухомлинский сказал: «Слово учителя – ничем не заменимый инструмент воздействия на душу воспитанника, особенно, если оно правдиво». А добавьте ко всему авторитет учителя, и всё сказанное им будет восприниматься за истину. С этого момента я взяла на себя обязательство изучить культуру обских угров, донести её ученикам так, чтобы они гордились тем, что живут на земле ханты и манси.

Тогда, пятнадцать лет назад, не было интернета, соответствующая литература либо отсутствовала,

либо была в небольшом количестве в библиотеке.

Первое, куда я обратилась за помощью – это был Лангепасский краеведческий музей. Там на полках я нашла программу В.И. Сподиной «Материальная и духовная культура народа ханты» за 1993 год. Радость моя была недолгой, так как, прочитав названия тем уроков, я поняла, что ничего из предложенного материала я не знаю. Почему я рассказываю предысторию своего опыта? Хочу сразу обозначить проблему: наличие учебно-методического комплекса должно быть обязательным при изучении предмета, особенно, если он является новым и для учителя и для учеников.

Проблема появляется и в том, что учителя, не знающие национальную культуру, порой не в силах дать оценку ситуации с точки зрения ценностных ориентаций традиционной культуры. Важно понимать, что для того чтобы формировать в своих воспитанниках этническое самосознание, чувство патриотизма, целостное мировоззрение, нужно самому педагогу знать особенности и уникальность национальной северной культуры. Поиск ориентиров преподавания, с учётом традиционных ценностей, – важный вопрос для многих педагогов.

В моём случае освоить югорскую культуру, мне помогли свойства характера и ответственное отношение к работе. Я нашла несколько источников знаний: научные статьи, которые надо было адаптировать к обучающимся 6-го класса. Художественные произведения хантыйских и мансийских писателей и поэтов (в текстах я находила описание предметов быта, одежды, особенности жизни коренных народов). Настольными книгами для меня стали книги Еремея Айпина

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

и Ювана Шесталова. И наконец, люди, хорошо знающие свой язык и культуру. Работая в городе Лангепасе, судьба свела меня с Евдокией Александровной Белкиной. Она стала моим первым учителем культуры. Ей тогда было 80 лет, но памятью обладала уникальной.

Удивительным был и тот факт, что она была русской по национальности. Родители были репрессированными и сосланы в Сибирь, в посёлок Аган. Тогда ей было три года. Росла она вместе с хантыйскими детьми, познавая их язык и культуру. Первые уроки краеведения я проводила с ней. Она, одетая в хантыйскую одежду, рассказывала о коренном народе. В её глазах и голосе звучала любовь к этим людям, я видела горящие глаза детей и понимала, что именно так они должны воспринимать культуру. А чтобы добиться этого, мне нужно самой изучить и полюбить эту культуру.

С этого момента началась моя учёба. Анализируя, спустя многие годы то время, понимаю, что судьба дарила мне встречи с людьми, которые помогали мне освоить культуру, поддерживали в минуты отчаяния, когда, казалось, я делаю что-то не так. Поддержку и помощь от коллег, преподающих краеведение, я не получила, так как они выбрали лёгкий путь ведения уроков: чтение журнала «Югра», чтение сказок и легенд народов Севера. Основным аргументом у них было отсутствие учебно-методического комплекса по предмету. Надо отдать им должное, преподавать таким образом предмет они соглашались недолго. И постепенно предмет краеведение во многих школах города перестал существовать. Его успешно заменили математикой и английским языком.

Мне же удалось составить учебное пособие «Духовная культура народа ханты». А появлению на свет данного пособия я обязана Еремею Даниловичу Айпину. Чтобы пособие напечатали, нужны были рецензенты. И я обратилась с этой просьбой к Еремею Даниловичу. Он согласился посмотреть работу скорей из опасения за свою культуру, ведь до сих пор для обучающихся школ такого пособия не было, а когда он узнал, что я по национальности русская, опасения его удвоились. Радости моей не было предела, когда Еремей Данилович позвонил и сказал, что его приятно удивила работа, и дал ей положительный отзыв.

Вскоре школы округа получают УМК по предметам «География Ханты-Мансийского автономного округа» для учащихся 8–9 классов, УМК по «Истории Ханты-Мансийского автономного округа» для учащихся 10–11 классов, УМК «Мы дети природы», для учащихся 1–3 классов. Казалось бы, хорошее начало в вопросах изучения округа. Но постепенно картина меняется.

Замена или отсутствие предметов регионального компонента стало возможным тогда, когда школам было дано указание вести данные предметы на усмотрение администрации школы. А так как в городе детей коренной национальности было 1–2 человека на школу, то и вести такие предметы, в общем, и не обязательно.

Так постепенно ушла возможность у обучающихся подробно узнать историю и культуру своего округа.

Какие же проблемы стоят в области педагогических условий? Педагогические условия необходимы для эффективной учебной и воспитательной работы. Приведу пример педагогических условий из опыта работы в Лангепасской школе на момент введения регионального компонента. Для справки: 900 учеников различных национальностей, коренной – 1 человек.

В 1999 году в школе под моим руководством создаётся творческое объединение «Звуки земли Югорской». Целью объединения являлось изучение, возрождение и пропаганда культуры народов Севера.

Задачи:

– организовать дополнительное образование с использованием краеведческого материала;

– комплектовать фонды источниками информации отражающие культуру родного края;

– изготовить экспонаты руками детей для пополнения фонда школьного этнографического центра;

проводить занятия творческих лабораторий и встречи с интересными людьми и местными коренными жителями;

– организовать научно-исследовательскую деятельность.

Всех нас объединяла любовь к культуре и уважение к народу, чья земля гостеприимно приняла людей разных национальностей.

Результатами тринадцатилетней работы объединения стали исследовательские работы по этнографии, которые занимали призовые места на различного рода конкурсах. Созданный этнографический центр славился экспонатами, выполненными руками ребят, изучающих краеведение. Изучать народные промыслы Югры помогали мастера из посёлка Аган. Картины Геннадия Райшева вдохновляли ребят на создание картин в технике вышивка. Экспедиции на родовые угодья ханты приносили новые знания и созданные фильмы.

Созданные педагогические условия дали свои результаты. В конце изучения курса «Краеведения», обучающиеся пишут итоговое сочинение на тему «Этот удивительный народ ханты». Выдержки из сочинений говорят сами за себя: «...Я рад, что узнал много нового о народе, хозяине этой земли. Я не мог представить, насколько уникальна его культура...», «...Если бы я был хантом, я бы многое умел, умел бы выжить в тайге, построить дом и лобазы, смастерить облаз и другой промысловый инструмент. Почему я не ханты...», «...Меня удивила народная педагогика, отношения между родителями и детьми. Они не кричали на детей. Я себе такого не представляю», «...Я научилась плести циновку, работать с берестой, плести корень кедра. А ещё мне понравились хантыйские мастерицы. Как у них хватало терпения с нами работать, ведь мы ничего такого не умеем, а они нас терпеливо учили. Спасибо им». Таких высказываний можно привести огромное количество. Всех их объединяет одно – любовь и уважение к культуре и к коренному народу. Читая такие строки, думаешь – вот оно духовно -нравственное воспитание подрастающего поколения не на словах, а на деле. Казалось бы, выполняются все требования учебных и воспитательных целей, в этот же период начинается большая работа по созданию учебно-методического комплекса по предмету «Культура народов Севера».

Все годы, работая учителем краеведения, я доказывала нужность этого предмета, ведь это были уроки нравственности, творчества, исследования, так необходимые для наших ребят. Но два года назад прозвучала фраза: «Этот предмет не нужен. Культура никому не нужна. В школе нет детей коренной национальности». А разве только им она нужна? Почему мы забываем, что своим благополучием мы обязаны этой земле, земле ханты и манси!

Сегодня всех нас не может не тревожить духовное и нравственное состояние нашего общества. Национальная доктрина образования Российской Федерации, определяющая стратегические цели и задачи воспитания и обучения до 2025 года, нацеливает систему образования на преодоление духовного кризиса, создание условий для воспитания молодого поколения в духе высокой нравственности. Концепция предполагает более полно использовать нравственный потенциал национального искусства и культуры как средства формирования и развития этических принципов и идеалов в целях духовного развития личности. Включение учебного предмета «Культура обско-угорских народов» в учебный план является одним из средств реализации поставленных концепцией задач. Но все доводы были напрасны.

Я не смогла смириться с тем, что предмет больше не ведётся и сменила место работы. И снова подарок судьбы. Я работаю в школе в национальном посёлке Аган, выпускниками которой были Еремей Айпин и Юрий Вэлла. За время двухлетней работы в посёлке под моим руководством создаётся

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

школьный литературно-краеведческий музей, который поставил задачу собрать материалы об истории посёлка и школы, поместить материалы о его жителях и выпускниках.

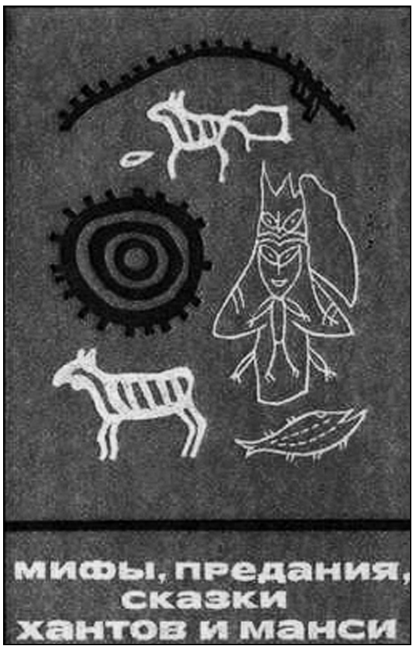
На базе школы начинает работу эксперимент по теме «Создание учебно-методического комплекта по предмету «Культура обско-угорских народов». Создаётся комплект совместно с Макаровой Майей Ефимовной, она является научным руководителем экспериментальной площадки, старшим преподавателем кафедры филологического образования Института развития образования, носитель культуры народа манси, прекрасно знающий родной язык. Идеальное сочетание для создания подобного комплекса: учитель плюс наука плюс представитель коренного населения.

В результате экспериментальной работы создаётся и, благодаря депутатским средствам печатается небольшим тиражом учебно-методический комплект по предмету «Культура обско-угорских народов» для обучающихся 5 классов. Комплект состоит из «Бумажного ядра», включающего программу по предмету «Культура обско-угорских народов», рабочую тетрадь, методическое пособие (поурочное планирование) и комплект наглядного дидактического материала.

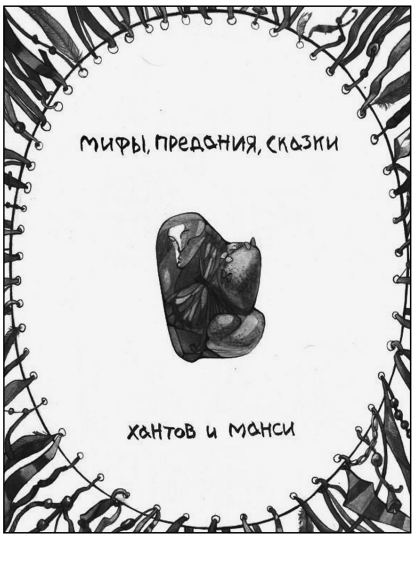
Авторская программа предусматривает изучение Культуры обско-угорских народов на основе единых подходов, исторически сложившихся в системе школьного образования и воспитания. В основе содержания Программы положен принцип историзма, что обусловлено необходимостью осмысления истоков возникновения традиционной культуры северных народов, длительного пути их развития. Принцип вариативности предусматривает возможность реализации различных подходов с учётом конкретных задач и направленности класса, что напрямую зависит от типа школы с русским как родным языком обучения и русским как не родным языком обучения. Для школ первого типа предполагается дать представление о культуре народов ханты и манси, для школ же второго типа рамки предъявляемых знаний расширяются и углубляются, исходя из социолингвистической ситуации и территориальной расположенности школы. Учителям предоставляется право вносить изменения в изучении отдельных тем (сокращать или увеличивать), выделять крупные тематические блоки, намечать последовательность их изучения. Вместе с этим выбор методического решения не должен разрушать логики и общей образовательной концепции программы. Принцип интеграции предполагает рассмотрение курса по культуре обско-угорских народов в общей системе предметов эстетического и этнического цикла, т.к. программа раскрывает близость различных видов искусства и её практическую направленность. Наполнение содержания программы основано на принципе вариативности, и носит рекомендательный характер. Количество часов также не может быть строго регламентировано и зависит от реальных возможностей организации учебного процесса. В программе дано примерное распределение учебного времени из расчёта один час в неделю, 35 часов в год.

Новизна концепции программы «Культура обско-угорских народов» заключается в том, что в содержание включён доступный фольклорный материал: легенды, предания, мифы народов Югры, что облегчает усвоения учащимися учебного материала. Содержание программы строится на разнообразной эмоционально-художественной базе – стихов поэтов Ханты-Мансийского автономного округа, художественно-публицистической литературе.

Методическое пособие для учителей по данному курсу содержит методические

рекомендации к урокам, согласно авторской программе и составленной «Рабочей программе». Пособие содержит теоретический материал к уроку, а так же фольклорные материалы, позволяющие учащимся не только легко усвоить учебный материал, но и оценить богатство и уникальность хантыйского и мансийского фольклора. Уроки носят рекомендательный характер. Любой учитель вправе построить урок с учётом индивидуальности учащихся и творческого подхода.

Особенностью «Рабочей тетради для 5 класса по предмету «Культура обско-угорских народов» состоит в том, что весь материал в ней построен на мировоззренческой основе. Задания носят проверочный, творческий и исследовательский характер.

В составлении «Рабочей тетради» использовался материал, выполненный детьми (рисунки, кроссворды). В качестве заданий для обучающихся предлагаются кроссворды, викторины, тесты, игры, стимулирующие интерес школьника к изучаемым темам. Задания на уроках и во внеурочное время направлены на развитие творческих способностей учащихся, на познавательную сферу личности.

Так как созданный учебно-методический комплект должен соответствовать новейшим требованиям образования, мы разработали уроки с применением интерактивной доски. Ребята легко владеют интерактивной доской и выполняют различные виды заданий: от игр до проверочных тестов.

Учебно-методический комплект для 6 класса готов к научно-методической экспертизе. Но дальше этого шага он не пойдёт. Мы обращались к одному из депутатов Югры с просьбой выделить средства на издание учебно-методического комплекта для обучающихся 6 класса. Нам обещали найти средства, если будет письмо из Департамента образования и науки о том, что учебно-методический комплект нужен школам округа. Но Департамент такого письма не даёт, ссылаясь на то, что в школах округа такой предмет ведётся далеко не везде. А учителя не ведут предмет из-за отсутствия учебно-методического комплекта.

Таким образом, проблемы обусловлены противоречиями между углублением интереса к духовно-нравственным аспектам воспитания и образования и отсутствием предметов, которые наиболее полно предполагают использовать нравственный потенциал искусства и культуры как средства формирования и развития этических принципов и идеалов в целях духовного развития личности.

Я вспоминаю, как бережно относились ребята к учебному пособию по духовной культуре народа ханты. Ведь оно было напечатано на тонкой газетной бумаге с пружинным переплётом. Это был их первый учебник о коренном народе, учебник, из которого они узнавали много нового для себя, после чего меняли своё отношение к югорскому народу.

Сегодня мы говорим о толерантности, духовности и нравственности. Но единичными классными часами мы не добьёмся желаемого результата. Необходима система в работе.

пос. АГАН,
Ханты-Мансийский автономный
округ – Югра

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

Сохранение традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей является фундаментальной основой по сохранению их языка и фольклорного наследия. Представляю вашему вниманию информацию по правовому обеспечению территорий традиционного природопользования, как формы по сохранению традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

ПРАВО НА ПРАВО

Александр ПУРЫШЕВ

Законодательство Российской Федерации по сохранению традиционного образа жизни основывается на соответствующих нормах Конституции Российской Федерации и состоит из федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

В Конституции особо оговорено, что Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (статья 69).

Статья 72 Конституции Российской Федерации и статья 15 Устава (Основного закона) Ханты-Мансийского автономного округа – Югры предусматривают, что в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся вопросы защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей, а также природопользование, охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности, особо охраняемые природные территории.

Законом Ханты-Мансийского АО – Югры от 28 декабря 2006 г. № 145-оз «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» предусмотрено, что территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре – особо охраняемые природные территории регионального значения, образованные для ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера субъектами права традиционного природопользования.

Субъекты права традиционного природопользования – лица (относящиеся к малочисленным народам физические лица, общины малочисленных народов, в интересах которых ранее в соответствии с Положением о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе были образованы родовые угодья), сведения о которых включены в Реестр территорий традиционного природопользования.

Согласно пункту 1 статьи 95 Земельного кодекса Российской Федерации территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации отнесены к землям особо охраняемых природных территорий, наряду с землями государственных природных заповедников, памятников природы и т.д.

В Федеральном Законе 33-ФЗ от 14 марта 1995 г. «Об особо охраняемых природных территориях» предусмотрено 7 категорий ООПТ, а именно: государственные природные заповедники, в том числе биосферные; национальные, природные парки; государственные природные заказники; памятники природы; дендрологические парки и ботанические сады; лечебно-оздоровительные местности и курорты.

При этом Правительство РФ, органы исполнительной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления могут устанавливать и иные категории ООПТ.

Кроме указанных в вышеуказанном законе категорий, в ХМАО – Югре имеется ещё два вида ООПТ – это водно-болотные угодья международного значения и территории традиционного природопользования регионального значения.

В границах ХМАО – Югры расположено два водно-болотных угодья международного значения «Верхнее Двуобье» и «Нижнее Двуобье», общей площадью 790 000 га. Обеспечивают охрану водно-болотных угодий международного значения специально уполномоченные государственные органы и службы государственных заказников, входящих в состав этих угодий.

На территории ХМАО – Югры образованы 475 территорий традиционного природопользования регионального значения.

Правовой режим ООПТ ХМАО – Югры разный – от самого жёсткого (государственные природные заповедники), где фактически запрещена любая хозяйственная деятельность и изъятие каких-либо природных ресурсов, до слабого (территории традиционного природопользования), где по согласованию теоретически возможно всё. Субъекты права традиционного природопользования не вправе распоряжаться ТТП.

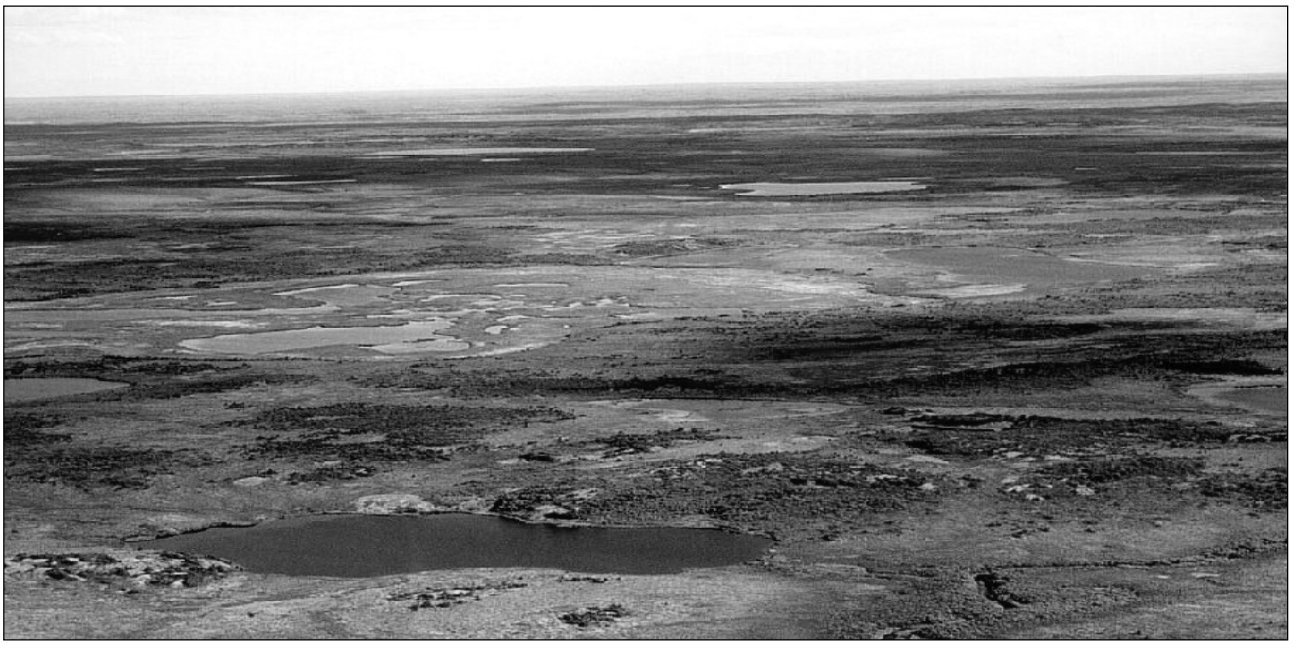
Несмотря на существующую законодательную базу территории традиционного природопользования регионального значения не включены в реестр ООПТ регионального значения.

В настоящее время отсутствуют какие-либо положения о конкретных ТТП, поэтому сейчас нельзя использовать в полном объёме природоохранные возможности этих ООПТ.

Интенсивное промышленное освоение территории автономного округа ведёт к изменению границ осуществления традиционных форм хозяйствования: оленьих пастбищ, рыбопромысловых, охотничьих угодий, мест сбора дикорастущих растений.

В статье 12 закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» предусмотрено, что при разработке проектной документации хозяйственной деятельности схема размещения промышленных объектов, в том числе буровых скважин и иных сооружений временного и постоянного характера, подлежит согласованию с субъектами права традиционного природопользования.

А при отрицательном согласовании схемы размещения объектов либо отказе в её согласовании субъектами права традиционного природопользования варианты месторасположения и условия размещения промышленных и иных сопутствующих объектов рассматриваются Комиссией по вопросам территорий традиционного природопользования, которая готовит

соответствующие рекомендации Правительству автономного округа. Правительство автономного округа с учётом рекомендаций Комиссии может принять решение о согласовании либо об отказе в согласовании схемы размещения объектов в границах территории традиционного природопользования.

Постановлением Правительства Ханты-Мансийского АО от 10 апреля 2002 г. № 192-п «О территориях традиционного природопользования» утверждён состав комиссии по вопросам территорий традиционного природопользования.

В составе данной комиссии нет ни одного представителя коренных малочисленных народов Севера, субъекта права традиционного природопользования, соответственно данный орган фактически не является коллегиальным и данное обстоятельство может использоваться для упрощения доступа к ресурсам, снижению издержек без учёта интересов субъектов права традиционного природопользования.

Многочисленные обращения граждан, субъектов права традиционного природопользования, в адрес депутатов, членов Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера Думы автономного округа, по вопросам размещения производственных объектов свидетельствуют о необходимости совершенствования государственного регулирования и контроля осуществления деятельности в границах территорий традиционного природопользования.

Помимо этого, на основании статьи 6 закона Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 8 ноября 2005 г. № 92-оз «О святилищах коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» к полномочиям Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в области сохранения, использования и охраны святилищ коренных малочисленных народов относится создание правовых, организационных, материально-финансовых и иных условий для сохранения, использования и охраны святилищ коренных малочисленных народов.

Под святилищем коренных малочисленных народов в целях вышеуказанного закона понимается элемент природного ландшафта, считающийся священным местом в силу его значимости для религии и для отправления религиозных обрядов данных народов.

При этом святилище коренных малочисленных народов в соответствии с законодательством должно быть признано выявленным объектом культурного наследия автономного округа или включённым в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия автономного округа. Как правило, данные объекты находятся на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера.

Соответственно, отсутствие согласования схемы размещения производственных объектов в границах территорий традиционного природопользования с уполномоченным органом исполнительной власти и отсутствие святилища в реестре объектов культурного наследия Российской Федерации может привести к их утрате.

г. ХАНТЫ-МАНСИЙСК

Александр Михайлович ПУРЫШЕВ родился 24 августа 1979 года в Тюмени. Окончил Тюменский университет. Работает в аппарате Думы Ханты-Мансийского округа – Югра. Занимается боксом, горными лыжами, северным многоборьем.

Лииса ВИЙТАНЕН

У СААМОВ И ХАНТОВ ОБЩАЯ ПРОБЛЕМА – АЛКОГОЛЬ

Лииса Вийтанен стала в Финляндии первой переводить Еремея Айпина. Началось всё с романа «Ханты, или Звезда Утренней Зари».

Лииса Вайтанен обменивается впечатлениями с Еремеем Айпиным

– Я не могу сказать, – признаётся она, – что это был именно мой выбор. Инициатива исходила в 1991 году от общества российско-финской дружбы. Я до этого работала в основном с технической литературой, да ещё перевела пять документальных книг. В другом случае я бы ещё подумала, стоило ли браться за этот заказ. Но меня заинтересовала уже сама тема. Я ведь родом из Лапландии и поэтому понимала, что такое Север. А тут мне представилась возможность вникнуть в традиции другого северного народа – хантов. Конечно, роман Айпина потребовал от меня более детального изучения Сибири. Но я об этом ничуть не жалею.

– *Вам интересно было переводить Айпина?*

– «Утренняя заря» была потрясающей книгой для меня, в том числе и из-за того, что вроде бы далеко живём друг от друга (имею в виду финны и ханты), но проблемы такие схожие. Мы-то тоже боролись в то время и до сих пор боремся против загрязнения окружающей среды. У нас нефти нет, зато у нас деревообрабатывающая промышленность имела долго право вывести все отходы в наши водоёмы, которые, как правило, не очень глубокие и поэтому быстро портятся. А сейчас у нас подобные проблемы с некоторыми шахтами. В Лапландии туризм и оленеводство часто сталкиваются друг с другом. Другая общая проблема – это алкоголь. Именно в то время, когда вышла «Утренняя заря», у нас много говорили об этой проблеме среди наших саамов. Но это, пожалуй, ещё большая проблема среди коренных финнов. Правда, у нас обычно не пропивают последнего оленя, зато есть много историй о том, как родители пропили свой дом или, можно сказать, будущее своих детей.

Одна из самых впечатляющих черт книги – описание природы. Еремей так красиво описывает сибирские ландшафты, реку, снег, богатство и суровость природы. Кроме того, он удачно сочетает сюжетом о судьбе Демьяна традиции хантов, старинные мифы и ритуалы, историю всего народа.

При переводе пришлось много думать о том, как далеко можно отойти от оригинального текста, чтобы текст звучал по-фински и был легко читаемым, и я решила взять в этом отношении

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ МР

довольно большую свободу. Но, естественно, важно было сохранить в переводе стиль Еремея и его эстетические решения, ведь речь идёт всё-таки о художественной литературе. Еремей пишет часто короткие предложения, почти лаконичным языком, но я не всегда сохранила строение данных предложений, а иногда соединила их и делала из них сложные. В переводе важно было использовать т.н. локализацию таким образом, чтобы культура и история хантов стали как можно более ясными и понятными для финских читателей (особенно для тех, кто всю жизнь живёт, например, в Хельсинки). Так как большинство финнов мало знают о жизни и быте не только хантов, но и вообще северных народов, в том числе и наших саамов, пришлось много думать о том, как эти вещи открываются читателям.

Иногда язык Еремея был настолько лаконичным, что вызывал уже раздражённость.

Это касается нынешней прозы Еремея, (тут могу говорить только о книге «Божья матерь в кровавых снегах», так как других, к сожалению, не читала), то мне кажется, он в форме мифического рассказа пишет реалистическим, почти натуралистическим стилем о тяжелейших делах, о которых раньше молчали совсем. Он не боится преподнести читателям вопросы, которые могут вызывать боль. Тем не менее, Еремей является прежде всего учителем, который передаёт будущим читателям традиции и ритуалы, связанные с религией и ежедневной жизнью хантов. Больше прежнего подчёркивается значение святых мест, земли, природы и собственного традиционного ремесла.

Две подруги: Марьё Мяенпяа и Лииса Вайтанен

***

В Финляндии перевод Вийтанен получил хорошую прессу, и издатели поспешили к ней с новыми заказами. В нулевые годы неожиданно для себя она стала в стране суоми чуть ли не главным специалистом по Александре Марининой.

– У нас уже издали семь романов Марининой, – говорит Вийтанен. – Из них пять вышло в моём переводе. Но я не могу говорить, что лично я – большая поклонница Марининой. Эта писательница – разная. Я, когда получала от издателей новые заказы, каждый раз старалась найти у неё такую книгу, в которой женщина не была бы ни проституткой, ни бандиткой.

– А как же феминизм?

– Феминизм тут ни при чём. Причина была другая, менее красивая. В то время у нас в Финляндии много шумели о русских женщинах, которые приезжали к нам на «заработки»,

то есть заниматься проституцией, и мя не хотели ещё усиливать такое представление о русских женщинах.

***

К сожалению, переводчик не всегда волен выбирать то, что ему нравится. Деньги ведь платит издатель. Именно поэтому Вийтанен продолжает много переводить работ по трудовому праву и законодательству по защите детей. Эти темы для Финляндии сейчас очень актуальны.

А чем она занимается для души?

– Я несколько лет назад влюбилась в Армению, – признаётся Лииса. – Уже свозила туда две туристические группы. А недавно мне посоветовали почитать роман-реквием азербайджанского писателя Акрама Айлисли «Каменные сны» об Армении. Потрясающая вещь. Но из-за того, что писатель позволил себе публично высказать свои симпатии к Армении, у него на родине возникли проблемы. Это неправильно.

Две финских подруги на берегу реки Аган

– Чем поразил вас роман Айлисли?

– Книга «Каменные сны» поразила меня своей искренностью и откровенностью. Думаю, что нелегко было писать о тех жестоких событиях, которые произошли в Баку. Может быть, это влияло на меня так сильно ещё и потому, что я в начале 90-х годов встречалась здесь у нас с одной старенькой армянкой, которая стала жертвой той ненависти в Баку и приехала в Финляндию просить убежище. Я её до сих пор так хорошо помню, наверно, потому, что она была первым человеком, тяжелейший рассказ которого мне пришлось переводить. (Так, между нами: я с тех пор работаю более менее регулярно переводчиком в Кризисном центре для иностранцев, так что много всего пришлось слушать.) Но, тем не менее, больше всего мне в той книге понравилась та часть, где идёт речь о селе Айлисли, о том, как армяне и азербайджанцы жили там. Если финны мало знают о жизни хантов, то можно сказать, что многие даже не представляют себе, что такое Армения, Азербайджан, Карабах или Нахичевань, или где они находятся. Если с «Утренней зарёй» у меня была мысль хоть бы что-нибудь рассказать финнам о народе ханты, то с идей переводить «Каменные сны» у меня связано желание рассказать нашим читателям о ситуации в тех, между прочим, удивительно красивых краях. Я считаю, что «Каменные сны» – это пример того, к чему надо стремиться: признать те ошибки и несправедливости, которые были совершены, и после этого искать путь решения существующих проблем. (Это касается всех сторон данных конфликтов, я не такая наивная, чтобы не понимала: каждая ссора имеет два участника. И это при моей большой любви к Армении…)

– Вы будете и дальше заниматься литературами Закавказья?

– Да. Хотя мне пока непонятно, почему ни в России, ни в Ереване я не могу найти знатоков современной армянской литературы. Мне всё время называют имена, связанные с советской эпохой: Сильву Капутикян, Гранта Матевосяна, Геворга Эмина… А что, сейчас всё угасло? Не верю. Поэтому буду искать знающих консультантов.

– А как же Айпин?

– Меня уже опередили. Второй роман Айпина – «Божья Матерь в кровавых снегах» перевела Кристина Лехмус. Поэтому буду ждать от Айпина новой вещи. Этот писатель стоит того, чтобы его знал весь мир.

Беседовал Вячеслав ОГРЫЗКО

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ МР

ПОКА ЕЩЁ ЖИВА ДУША

Каталин НАДЬ

Зимой 1996 года в Салехарде я приняла участие в Международной конференции писателей народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, на которую меня пригласил Еремей Айпин по рекомендации мансийского писателя Ювана Шесталова. Тогда я впервые участвовала в международной конференции, которая послужила началом моей литературной карьеры как в Венгрии, так и за рубежом.

В Салехарде я познакомилась с представителями разных коренных народов. Они выступали с докладами, некоторые исполняли свои народные песни, танцы, демонстрировали свои духовные сокровища. Культурное, языковое и духовное богатство, радость и боль этих народов захватили меня. После встречи с участниками конференции и пребывания на родной земле коренных народов я поняла, что отныне и я несу ответственность перед коренными народами, которые способны осмыслить свою жизнь и осознать себя как нация со своим мировоззрением, мировосприятием. Я несу ответственность перед ними, перед теми, кто создал глобальные человеческие ценности, перед их литературой, писателями и поэтами. Чувство ответственности придало мне силы и явилось толчком для перевода более ста произведений северных авторов, в том числе эвенкийского писателя Алитета Немтушкина, писателя-ханты Еремея Айпина, 16 книг и сборников некоторых других талантливых авторов.

Первым произведением, которое я перевела, был роман Еремея Айпина «У гаснущего очага». Эта книга была издана в Венгрии раньше, чем на русском языке на родине Айпина. Появление «У гаснущего очага» стало историческим событием, потому что в Венгрии произведения финно-угорских авторов, за исключением манси Ювана Шесталова, финнов и эстонцев, издавались только в коллективных сборниках или журналах. Произведения Айпина по форме и по содержанию отличались от других произведений «советской литературы», которые в те годы издавались у нас на венгерском языке. Его творчество было словно «озоновым родником» среди произведений соцреализма. Вместо социалистической осанны оно источало скромность, искренность, красоту и боль. В 1998 году появилась книга «Маленький тундровый человек» Марии Вагатовой в моём переводе. Эти две книги («У гаснущего очага» и «Маленький тундровый человек») и мой художественный перевод оценили настолько высоко, что я была принята в Союз венгерских писателей и Секцию переводчиков художественной литературы.

По моей рекомендации Союз венгерских писателей и Венгерская национальная организация Всемирного конгресса финно-угорских народов пригласили в Венгрию манси Ювана Шесталова, Светлану Динисламову, ханты Еремея Айпина, Марию Вагатову, вепса Николая Абрамова и писателей других народов Севера на презентацию книг в моём переводе. Я организовала для них разные программы: например, посещение Этнографического музея, поездку на пароходе по Дунаю с венгерскими поэтами, писателями, представителями издательств, экскурсию по г. Будапешту, посещение Будапештского университета им. Этвеша Лоранда, Института языкознания Венгерской академии наук, Парламента Венгерской Республики, встречи с президентом Венгерской Республики, президентом Комиссии по культуре и прессы Венгерского парламента и т.д. В 2004 году я стала инициатором события, имеющего историческое и литературное значение. Я, кандидат литературоведения (PhD), переводчик художественной литературы, член Правлений Союза писателей Венгрии и Союза финно-угорских писателей при моральной поддержке Союза писателей Венгрии и Венгерской национальной организации Всемирного конгресса финно-угорских народов внесла предложение на IV Всемирном конгрессе финно-угорских народов (г. Таллин) и VIII Конгрессе финно-угорских писателей (г. Ханты-Мансийск) о выдвижении кандидатуры писателя Еремея Айпина на получение Нобелевской премии по литературе. Оба конгресса приняли моё предложение. После этого я выслала все нужные документы в г. Стокгольм для рассмотрения нобелевской комиссии. Шведская Академия отправила мне подтверждение получения документов. Я знаю, что присвоение Нобелевской премии зависит не только от художественного и литературного воплощения, но и от политической ситуации. И всё же я надеюсь на то, что одарённый сын хантыйского народа Еремей Айпин получит Нобелевскую премию в будущем.

Перевод художественной литературы – разрушение коммуникативных преград. Переводчик художественной литературы является медиатором (посредником) между эпохами, континентами, народами, культурами. Только с его помощью можно расширить временные, пространственные, языковые и другие коммуникативные пределы.

В своей работе я использую метод немецкого искусствоведа Эрвина Пановски (1892 Hannover – 1962 New York), который анализировал семантику картин. Он разработал

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

трёхступенчатую программу интерпретации художественного произведения.

Первая ступень – преиконографический анализ. При этом анализе интерпретатор трактует, описывает то, что он видит на картине. Объект интерпретации – первичный, настоящий денотат (предмет, предметное значение). Для этого необходим практический опыт: знание предметов и событий. По мнению Пановски, абориген Австралии, который не знает Библию и евангелистов, на фреске Леонардо да Винчи «Тайная вечеря» видит только застольную компанию, мужчин вокруг стола, которые разговаривают или горячо спорят.

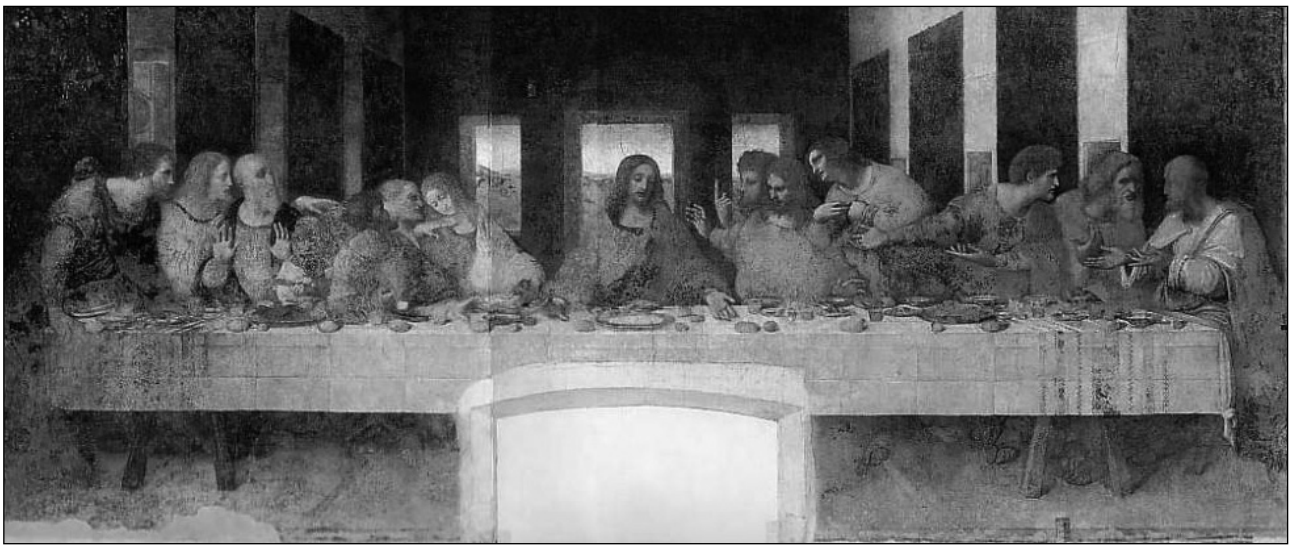
Отмечу, что когда я смотрела картины, рисунки эвенкийских художников Прокопия Абрамова, Надежды Яковлевой, Петра Трынкина; селькупов Александра Ижимбина, Тобольжина, Степана Чидигезова; хантов Кузьмы Натускина, Кирилла Маремьянина, Геннадия Райшева; ненцев Константина Панкова, Матвея Яднэ, Ульяны Ледковой, Матрёны Терен-тьевой; чукчи Василия Сироткина; нанайцев Василия Узы и Бориса Ходжера; кета Петра Хамзарова; якутки Агриппины Кондаковой; манси Елены Бабкиной; удэгейца Кимонко; коряка Ульгувье и т.д., то я чувствовала себя аборигеном Австралии до тех пор, пока мои знания культуры этих северных народов, их литературы, мифологии, истории, быта были поверхностными. Я также чувствовала себя аборигеном Австралии, когда читала произведения Вагатовой, Айпина, Шесталова, Молдановой, Юрия Вэллы, Анны Неркаги и других.

Вторая ступень – иконографический анализ. Для того чтобы абориген Австралии осознавал, что на фреске Леонардо да Винчи «Тайная вечеря» изображена не простая застольная компания, а последний ужин Христа с учениками, ему надо глубоко знать Библию. Ему необходимо знать литературные, исторические источники, не только конкретные предметы, денотаты:

(20) Когда же настал вечер, Он возлёг с двенадцатью учениками (21) и когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. (22) Они весьма опечалились и начали говорить Ему, каждый из них: не я ли, Господи? (23) Он же сказал в ответ: опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня; (24) впрочем Сын Человеческий идёт, как писано о Нём, но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предаётся: лучше было бы этому человеку не родиться. (25) При сём и Иуда, предающий Его, сказал: не я ли, Равви? Иисус говорит ему: ты сказал.

(26) И когда они сели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: приимите, ядите: сие есть Тело Моё. (27) И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из неё все, (28) ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов. (29) Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего. (Мф. 26:20–29).

Таким образом, мы должны иметь полное представление об авторе, его эпохе. Пановски воспринимал картины художников как литературные, мифологические, культурно-исторические тексты. Зритель должен понять то, чего не изображено на картине, но что скрывается, таится за ней. Учёный, переводчик художественной литературы должен разгадать эту загадку и раскрыть тайну.

Известный итальянский историк Карло Гинзбург сравнивал такого учёного с известным литературным героем, сыщиком Шерлоком Холмсом. Детектив, сыщик – это одна из ипостасей моей профессии переводчика. Конечная цель переводчика – расследовать и раскрыть сущность тайны, которая кроется за буквами.

Третья ступень – иконологический анализ. Для этого необходимо знать сущностные тенденции человеческой мысли. На этой ступени главенствует синтетическая интуиция, обусловленная личностной психологической установкой и мировоззрением интерпретатора.

Таким образом, олень для меня не просто животное, без которого не могут жить в Сибири, но и мифологическое существо, сын Торума, который может подниматься Вверх: «И вожак сделал первый шаг, и шаг этот был в небо, и караван, ведомый им, неспешно, по наклонной, словно в гору, стал подниматься Вверх. И лайка направила за хозяином стадо оленей, и оно тоже двинулось Вверх по невидимому в лучах утреннего солнца следу». (Е.Айпин 1990: 6). Олень, который может сосать грудь ненецкой женщины Некочи вместо своей погибшей матери-оленихи: «Некочи привязала его у постели, приготовила уху и … поднесла ему миску с едой. Но есть Темуйко не стал… Когда в стойбище стало тихо, она снова принялась кормить маленького упрямца, и опять напрасно. Тогда женщина опустилась рядом с ним, сбросила ягушку, расстегнула ворот платья. Закрыла ладонью глаза оленёнку…. Да, Некочи поднесла ему грудь, он вздрогнул, затем, помочив слюной

сосок, втянул в себя молоко… Темуйко, непризнанный сын стада, сосал грудь, упёршись ножками в пол…» (А.Неркаги 1996: 325–326).

Если я вижу стойбище на картинах или читаю это слово, я вспоминаю Казымское восстание 1930-х годов и Анну из Маланги: «По стойбищу бродили вооружённые люди, осматривали грузовые нарты, выискивали оружие, съестные припасы, пушнину, меховые одежды и обувь. Всё сбрасывалось в кучу. А на нартах, с опущенными головами, сидели связанные по двое знакомые ханты. Из соседнего чума вытолкнули его хозяина, связали в пару с мужем Анны, усадили на нарты». (Т.Молданова 1993: 65).

Если я вижу чум на картинах или читаю это слово, я вспоминаю остяцкий бунт и трагическую судьбу Матери Детей у Айпина, которая остановила упряжку и рванула дверь ближайшего чума: «Стол посреди чума обрызган сгустками побуревшей крови и облеплен ошмётками слегка пожелтевшего головного мозга. Стенки чума в крови. Лежанки в крови. Посуда в крови. Одежда в крови. Весь дом в крови. Все неподвижные. Все уснули вечным сном. Только младенец с высоты своей люльки, наклонившись вперёд, прижав подбородок к груди, с удивлением вглядывался в неподвижные лица своих сородичей… раскрыв ротик, он ещё с большим нетерпением стал высматривать внизу свою молодую и красивую маму… Младенец поседел. Стал белым как снег. От плача он охрип и смолк. Притих. Только подвесной ремень его люльки, вращаясь, жалобно постанывал.» (Е.Айпин 2002: 166–167).

Читая или видя изображение стойбища и чума на картине, я вспоминаю стихотворение «Старый муравейник»: «Вижу площадки, где дети играли, // Громкий смех и детский голос – // Дразнил в лесу невидимый глазу человек (эхо). // Вот и сосна. И её сильный и толстый сук, // Через который была переброшена верёвка, // На которой качались дети. // И этот сук бы качал детей… // Вижу места, где старые ханты мастерили из дерева, // Корней, коры свои прекрасные, очень нужные для жизни вещи // С помощью топора и ножа. // Узнаю эти заветные места по почерневшим

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ МР

щепкам и стружкам. // Здесь вёсла, лодки делали, // Плели морды, обрабатывали корни деревьев, // Из них делали прочные нити для сшивания частей лодок, // Изделий домашнего обихода (лэрйингал, туйс, корянек)... // Всё это я вижу здесь, // Хотя никто уже не делает их...» (М. Вагатова, 1996: 36–37)

У Юрия Вэллы тоже трагические картины: «По Ватьёгану плывёт // Нефть, нефть, нефть. // Лодку, сети и весло // Пропитала нефть. // Щуку вспорешь – // Нож в нефти. // За водой для чайника // Некуда идти. // Ноги у оленей // Пропитались нефтью – // От соседей прибежали // С бедственною вестью. // Даже у вороны // Брюхо пожирнело. // Облако на небе // Тоже почернело. // На подоле чума // Масляные кляксы. // Лес мой перечёркнут // Чёрной полосой... // Оленёнок детства, // Что так горько плачешь? // Я твой нос чумазый // Вымою росой.» (Юрий Вэлла: Белые крики. – Сургут, 1996. – 93 стр.)

Не буду приводить другие примеры. Самое главное – мы должны не только видеть картины, читать произведения, но и расследовать, раскрывать тайну, факты, семантику, которые скрыты за картинами, словами.

Я как посторонний человек не имею права вмешиваться в чужие дела, в вопросы жизни и смерти. Моя миссия другая. Я стараюсь пропустить через себя все мысли, чувства, проблемы, волнующие автора, и, надеюсь, что это помогает мне взрастить плодородную почву для моей литературной и переводческой работы. С помощью переводов произведений писателей коренных малочисленных народов Севера: Анны Коньковой, Ювана Шесталова, Андрея Тарханова, Светланы Динисламовой, Марии Вагатовой, Леонтия Тарагупты, Еремея Айпина, Татьяны Молдановой, Анны Неркаги, Юрия Вэллы и других, я хотела бы показать миру, что все цивилизации равноправны, что литература коренных народов жива, сильна, современна, и в то же время уходит своими корнями глубоко в древность. Литература коренных народов Севера, их история, духовная культура и образ жизни служат примером для нас, европейцев: примером того, как надо и как можно выжить в экстремальных условиях. Моя задача – с помощью моих переводов обеспечить мировую известность творцам малочисленных народов, создающим глобальные человеческие ценности, – и через них их народам, не имеющим самостоятельной государственности, – а также стать инициатором международного признания писателей малочисленных народов.

В наши дни во всём мире преобладает больше печали, чем радости. Поэтому я прошу моего Бога и богов коренных народов дать моему народу и всем народам, проживающим в Сибири, силы работать и творить, сохранять свой родной язык, культуру, беречь сакральные, духовные ценности, а также всколыхнуть глубину сознания коренных народов.

Я призываю уважаемых законодателей, политиков доходить до третьей ступени (иконологический анализ). Попробуйте откровенно вскрыть причинные связи, которые тянутся за фактами. Старайтесь постоянно вести диалог с действительностью (с коренными народами, принимая во внимание их обычаи и традиции, географическую, биологическую, общественную и культурную среду), и в этом постоянном диалоге попробуйте понимать и осознавать мысли, душу и сердце коренных народов. И если всем этим владеете, помогите им законами, решениями. Прошу вас беречь всеобщие ценности, сокровища этих народов, потому что если эти сокровища пропадут, не только вы будете беднее, но и весь мир.

Пока ещё жива душа!

г. БУДАПЕШТ,
Венгрия

Катрин Ле Ру

Я такого не знала

Шемановский: поразительное открытие

Сразу скажу, что я познакомилась с Шемановским почти случайно.

Когда мне было восемнадцать лет, я увлекалась русской литературой и поступила на факультет русского языка в Сорбонне. В лекциях о Сибири нам рассказывали о географии и о колонизации, но сибирским народам уделялось мало внимания. Сибирь оставалась для меня далёким, суровым и таинственным краем. Всё, что я знала, это то, что там текут четыре огромные реки: Амур, Обь, Енисей и Лена.

Затем, когда я прочитала Достоевского, Солженицына, Шаламова, я узнала другое лицо Сибири – Сибирь царской каторги и сталинских лагерей.

Потом моё понимание Сибири расширилось благодаря сибирской литературе: Валентину Распутину, Еремею Айпину, Юрию Вэлле, Юрию Рытхэу, Татьяне Молдановой, Роману Ругину…

И вот три года тому назад я почти случайно познакомилась с Евой Тулуз, доцентом французского Института восточных языков и культур ИНАЛКО. Она мне предложила перевести статьи Шемановского, опубликованные в начале двадцатого века в журнале «Православный Благовестник».

Это и было началом большого пути (если так можно сказать)!

Читая и переводя Шемановского, я открыла для себя обширный мир, на первый взгляд очень далёкий от моего, но очень скоро я поняла, что тематика и вопросы, поставленные Шемановским, выходят за грани сибирского и миссионерского мира и имеют отношение и к западному европейскому миру. Я поняла, что его очерки представляют интерес не только для исследователей, интересующихся Сибирью, но и для более широкой публики.

Что особенно привлекло моё внимание?

Две французские исследовательницы: Ева Тулуз и Катрин Ле Ру в Когалыме

– Обдорский край (сегодня Салехардский край), природа, климат:

– инородцы, живущие в этом краю;

– сам Шемановский – этот человек произвёл на меня большое впечатление.

Во-первых, передо мной открылся Обдорский край

– Обдорский край – это суровая природа, жестокий климат, «крепкий, страшный мороз полярной зимы», шторм на Оби, буран в тундре, свист ветра, комары…

– Суровая природа влияет на характер инородцев:

Ах, как воплотилась в остяках природа Севера, как слились они с нею! Как своей неподвижностью и вялостью, обычным отсутствием во взорах мысли, они напоминают полярную природу, безжизненную, мёртвую…» (Православный Благовестник, На Оби)

– Она относится к ним «как мачеха» но они умеют побеждать её.

Полярная природа – это также чудесная природа: грандиозность Севера, чудная гармония в сочетании цветов, сияние солнца на закате, сказочная заснеженная ёлка в ночном лесу и т.д. «Все ветви ёлки, покрытые толстым слоем самого чистого снега, искрились мириадами огоньков. Волшебница-луна украсила её ими. Снежинки на ней блистали бриллиантами, перемешанными с зелёным изумрудом, переливались в лилово-нежные аметисты, сверкали красными, как кровь, рубинами. Я не мог налюбоваться её красотой, красотой величественной и могучей, художником которой могла быть только одна природа». (Ёлка, «Православный Благовестник», 1910, № 7, стр. 310–322)

– У Шемановского бросается в глаза разница в стилистике между тем, как он описывает суровую и страшную природу и тем, как он любуется её красотой.

Описывая страшную природу, он почти всегда подчёркивает её влияние на характер и образ жизни инородцев. Слова и выражения у него – конкретные и точные, обычно без пафоса.

Когда же он описывает грандиозную природу, всё резко меняется: он чаще всего один в этой чудной обстановке, его стиль становится лиричным. Такие описания бывают у него очень длинными (две страницы о закате и восходе солнца на Оби!).

Мне кажется, что разница стиля в его описании враждебной и прекрасной природы отражает изменения его психического состояния: его лиризм служит противовесом тяжести мира, в котором он живёт. Перед красотой мира он расслабляется, он один, он ни за что ни перед кем не отвечает, он может безудержно предаваться восторгу. Физическое, умственное, психическое и – если так можно сказать – стилистическое напряжение ослабляется.

Во-вторых, благодаря Шемановскому, я многое узнала об инородцах Обдорского края

Благодаря его этнографическому исследованию, я узнала о разных аспектах их жизни.

Я узнала:

– об остяках, самоедах, зырянах и об их взаимоотношениях;

– об их образе жизни: о кочевниках, промышленниках, торговцах, оленеводах;

– о верованиях, об уважении к шаманам, об отношении к христианской вере, о «двоеверии»;

– об обрядах таких как: крещение, свадьба и похищение невесты до свадьбы, оплата «калыма», похороны в лодке или в «халмерах»;

– о борьбе с природой;

– а также о постоянной грязи, о вонючем воздухе в жалких лачугах, о пьянстве…

Позже я к этому вернусь, когда буду рассказывать о таланте этнографа и рассказчика Шемановского, который всё это очень живо описывает.

В-третьих, я познакомилась с Шемановским как человеком, и он произвёл на меня сильное впечатление

Во-первых, Шемановский миссионер.

– Он глубоко верующий человек и он верит в свою миссию: «вносить свет духовного просвещения в тёмные массы остяков» (Шаман, ПБ, 9, 1909, стр. 403 – 410); «исправлять души людей, направлять их от тьмы к свету, от лжи к истине» (Отпевание покойника «Православный Благовестник», номер 1, 1905, стр. 27–31).

– Он старается разобраться в отношении инородцев к христианству, понять, что таится за внешними знаками религиозности. Как понять «обеты Русскому Богу», моления перед образом святого Николая тех людей, которые «не гнушаются шаманских молений» («Похороны в лодке»).

– Он старается сочетать старинные языческие традиции и православные обряды. Например, по просьбе мужа покойницы он служит литургию и совершает православный обряд отпевания, разрешив оставить покойницу в лодке, а затем он провожает на кладбище труп на нартах с лежащими на ней лыжами.

– Он глубоко убеждён в том, что миссионер должен знать и уважать тех, среди кого он живёт.

– Шемановский – страстный защитник культуры и образования. Для него приобщение инородцев к культуре является приоритетом, это его постоянная забота. Он глубоко убеждён, что: «Успех распространения среди этих полудикарей христианства и приобщения их к культуре тесно связан со степенью развития среди них грамотности». (Пансион для инородческих мальчиков, 1903)

Он спрашивает: «Чем помочь Самоедам, как приобщить их к культуре, сделать людьми сознательными, мыслящими?» (Буран, «Православный Благовестник», номер 20, 1903, стр. 167–178).

Стоит подчеркнуть, что его самая большая гордость (по крайней мере в тех очерках, которые я прочла) – это не увеличение числа крещений или количества ходящих в церковь, нет: это развитие грамотности среди детей.

При этом он стремится к тому, чтобы дети, обученные по-русски, «всё же остались самоедами и остяками, остались самими собой, верными заветам своих отцов и дедов» (Ёлка, «Православный Благовестник», номер 7, 1910, стр. 310–322).

Шемановский – этнограф

– Шемановский очень внимательно и тонко наблюдает за бытом и нравами окружающих людей. У него нет никакой предвзятости, он просто описывает то, что видит.

– Он усердно старается понять жизнь инородцев: Когда происходит что-то новое, он долго размышляет, и на помощь ему приходят как сообственные воспоминания, так и знание истории; и когда, наконец, ему удаётся понять, он чувствует себя лучше. Например, в эпизоде похорон в лодке, когда муж покойницы попросил похоронить жену в лодке, он «с грустью» начинает размышлять о двоеверии инородцев «Затем «стали мне припоминаться первые мои поездки к крещёным остякам (…) Длинной вереницей потянулись эти воспоминания». Всё это «беспокоило, встревожило, потрясло (…)» Осознав, что двоеверие инородцев является следствием пренебрежительного отношения русских к ним, Шемановский понимает, что он должен проявить уважение к мужу покойницы и не противиться его просьбе. Сразу же он чувствсует себя лучше: «Душевный гнёт меня разом оставил, и у меня на сердце легко» (Похороны в лодке, «ПВ», 17.1903. стр. 36–42 стр. 16).

– он прилагает все силы, чтобы как можно глубже исследовать быт и нравы, инородцев, даже когда это его желание сталкивается с серъёзными трудностями. Например, ему очень хотелось быть на самоедских похоронах. И он уточняет «как бы ни обошлось всё это дорого» (стр. 44). Самоеды противились изо всех сил , но он настоял на своём требовании, хотя ясно понимал, что обижает их. Он не только присутствовал на похоронах, но даже провёл всю ночь около покойника, пока испуганные инородцы стояли за дверью. (Халмеры, стр. 47).

– Его описания очень точны: пёстрая одежда промышленников и торговцев на ярмарке, куклы самоедских девочек, еда в

остяцкой юрте («бурлук» и рыбный суп в деревянной «начовке») а также все уголки долины Надыма и извилины малейших притоков.

– Описания очень точны, и то же самое можно сказать о его рассуждениях: он всегда обосновывает свои выводы. Это касается и пристрастия инородцев к вину, и уважения к Николаю Чудотворцу, и вымирания школьников-инородцев. Каждый раз он рассматривает вопрос со всех возможных точек зрения, размышляет, спорит сам с собой и с противниками, обсуждает аргументы за и против, исторические и современные аспекты вопроса.

Самоѣды.

– Он способен также наблюдать непонятные ему явления, не судя их. Например, у шамана сначала они со спутниками шутят, даже «смеются» но постепенно Шемановский чувствует, как растёт в нём волнение. «Мне стало не по себе». «Чувство неловкости у меня стало увеличиваться». «Мои нервы были потрясены». По дороге обратно все молчат. Нет осуждения, нет обсуждения, есть только точное наблюдение.

Шемановский является также прекрасным рассказчиком:

– Вот пёстрая картина обдорской ярмарки: «Белые мохнатые гуси Самоедов мешаются с дорогими и нарядными парками богачей-кочевников, с расшитыми узорами из меха ягушками инородок (…). Всюду слышатся зазывания торгующих, громкий торг, резкие крики, грубая брань и песни пьяных инородцев.»

– Вот Андрей, который украл жену: в ужасную непогоду он внезапно появляется у Шемановскоко, он не может заплатить калым за невесту и поэтому он её украл: «Батюшка, времени нет, идём скорее в церковь, повенчай меня сейчас… Я жену украл, за мной погоня, идём скорее» (История с гусиным пером», ПБ, 8, 1905, стр. 365–368) (Стр. 24).

Шемановский не только прекрасный рассказчик, он обладает к тому же большим чувством юмора.

– Например, он смеётся над собой, когда в долине Надыма он спит около костра, чтобы избавиться от комаров… и вот он чувствует нестерпимый жар в ногах и к ужасу своему видит, что его ряса тлеет.

– И вот ещё: он хочет войти в землянку обдорского городка: «Вас обдаёт такой спёртый и вонючий воздух, что захватывает ваше дыхание, и вы останавливаетесь в серьёзной нерешимости – входить в это обиталище бедности и нужды или нет? Превозмогши отвращение, вы геройски решаетесь войти. В недоумении вы снова останавливаетесь. Наконец, обдумав, вы просовываете в дверь одну ногу, согнувши в три погибели свой корпус, проводите в жилище свою голову и делаете попытку перенести сюда же другую ногу, чтобы всем существом своим очутиться в землянке. В это время совершенно неожиданно к вашему лицу подскакивает с злым ворчанием собака. Вы инстинктивно откидываете от собаки назад голову, ударяетесь ею в дверной косяк, от сильной боли непроизвольно отшатываете голову обратно в землянку и своим лицом ударяетесь в мягкую собачью морду. Собака с лаем отпрыгивает от вас, чтобы сейчас же сделать на вас новое нападение. Соображая это, вы стремительно передвигаете свою вторую ногу в землянку и выпрямляетесь». (В обдорском городке, ПБ,2. 1910. Стр. 71–77 (стр. 69).

Шемановский – Человек с большой буквы

Шемановский – Человек, который не боится показать свои чувства, страхи, страсти, энтузиазм или уныние:

– он не скрывает ни своего восторга от ёлки «осыпанной драгоценными каменьями», ни своего страдания в одиночестве ночью в темноте в тундре во время бурана, ни своего отчаяния когда он рыдает у себя в комнате осенью. На дворе, дождь, снег, ветёр, буран, собачий вой: «И начинаешь от бессилия стонать, благо один, и никто тебя не слышит. Вот-вот разрыдаешься… (…) И тогда задаёшь себе вопросы: «Для чего живёшь в этой глуши, когда мог бы устроиться в другом, не таком гиблом месте». (Осенью в Обдорске,

«Православный Благовестник», номер 5, 1911, стр. 224-226).

– Шемановский не скрывает и смешанных чувств, которые ему внушают инородцы: это смесь надежды и печали, душевной горечи и разочарования, и он постоянно переходит от одного чувства к другому. Послушайте его:

«Как уберечь детей полудиких аборигенов крайнего северо-запада Сибири, спасти их от частой смерти, злой и страшной? И этот вопрос иногда подолгу сверлит мой ум и щемит моё сердце. (…) Думаешь долго, беспомощно… Как-то глухо проскользнёт тогда в сознании мысль, что спасение – в приобщении инородцев к культуре, и сердце забьётся трепетно, радостно, светлее на душе станет… Но пройдёт минута, другая – отрадные мысли рассеются как дым, исчезнут, и снова поникнешь головой пред другим вопросом, грозным и страшным: как, каким путём приобщить дикарей-инородцев Крайнего Севера к культуре и возможно ли это сделать? («Православный благовестник», номер 19, 1907, стр. 118-122)

Шемановский – Человек, который задаёт себе вопросы, выходящие за пределы его собственного опыта. (Я подчеркну его основные вопросы, опираясь на его текст.)

– Что дала инородцам колонизация?

«Вся история колонизации остяцкого края в 18-м столетии усеяна фактами вопиющих притеснений инородцев пришлыми людьми». (Похороны в лодке, «Православный Благовестник», номер 17, 1903, стр. 36–42)

«Что же Обдорск дал инородцам? Привил антикультурные привычки употребления спиртных напитков, курения табака, а ещё что? Приучил организм инородцев к хлебу, который не может произрастать в голой и холодной тундре. Обдорск, следовательно, поставил инородцев в некоторую зависимость от русских». (Буран, «Православный благовестник», номер 20, 1907, стр. 167–178)

– Разве мы правы, когда считаем, что русская культура высокая, а остяцкая – низкая, что русская нация здоровая – а остяцкая больная?

«Скажи им это, и они рассмеются мне в глаза. Не тебе, скажут, учить нас, советовать и наставлять, когда ты в испытанном буране чуть не замёрз, не умер. Наш герой-малыш жизнеспособнее тебя, ему жизнь, удаль впереди, а не тебе… Ты у него учись жить, а мы от тебя не станем…» (Буран, «Православный благовестник», номер 20, 1907, стр. 167–178)

Послушаем старого остяка: «Оставьте нас со своими советами и опекой в покое. Мы в вас не нуждаемся. Если бы вы не вмешивались в нашу жизнь раньше, она, быть может, текла бы теперь иным руслом. Руслом здоровым, способствовавшим нашему развитию, которое вы, неопытные опекуны, затормозили. Задержали на многие и долгие годы. Но в нас ещё имеется сила. Вы утверждаете, что мы, остяки, вымираем, гибнем. Это неправда. Мы жизнеспособны. (…). Вы стараетесь свою опеку над нами обосновать утверждением, что сильный поборет слабого, культура высшая поглощает низшую, нация здоровая – больную. Но мы, слабые, осторожны с вами, свою низшую оберегаем от вашей высшей культуры. Если мы больны, то и вас нельзя признать здоровыми. Мы мертвецы, но не для себя, а для вас с вашей культурой. Оставьте нас, дайте передохнуть от ваших забот о нас, и мы оправимся» (У старого остяка, «Православный Благовестник», номер 3, 1910, стр. 130–134)

Эти вопросы и следующий ответ Шемановского не касаются только народов, среди которых он живёт, их значение – гораздо шире.

Вот ответ Шемановского: «Не нужна над инородцами постоянная опека, нужно развитие их, чтобы они имели полную возможность самостоятельно противостоять всем ухищрениям пришлого люда. Нужны

для этого школы и обучение в них инородцев, мальчиков и девочек». К вопросу об организации школьного дела среди кочевников инородцев Крайнего Севера».

Шемановский до такой степени убеждён в необходимости обучения инородцев, что он готов насильно отправлять детей в школы. «Нужно девочками наполнять школы. (…) Сам акт некоторого насилия над свободой инородцев в данном случае оправдывается будущей их пользой.

Это утверждение подводит нас к более глобальному размышлению об оправдании насилия в благих целях.

Я хочу подчеркнуть, что эти размышления Шемановского имеют тем большее значение, что они предназначались для публикации в журнале «Православный Благовестник». Каков бы ни был тираж журнала, это значит, что Шемановский не писал для самого себя, но хотел поделиться с читателями вопросами о русской колонизации и о будущем инородцев.

В заключение скажу, что чтение Шемановского и перевод его очерков стали для меня открытием, как в интеллектуальном, так и личном плане.

В интеллектуальном плане: мне пришлось преодолеть разнообразные трудности:

а) Лексические трудности:

– этнические термины, характерные для описанных народов: Халмеры, чувал, одежда (гусь, парка, малица…), еда (бурдук, варка);

– термины, точность которых связана со спецификой страны: например, разные типы лис (песец, чернобурая лиса, лисица красная, крестоватик, сиводушка), как передать разнообразие буранов, цветовые нюансы снега?

б) Географические трудности. Как трудно было переводить рассказ о путешествии в долину Надыма: исчезнувшие юрты, мельчайшие притоки, которых не найти ни в старом атласе ни в интернете!

в) Трудности, связанные со стилем Шемановского.

– Пока я не поняла, почему природа у него занимает такое место, я испытывала какое-то раздражение: зачем такие длинные и пафосные описания природы, когда речь идёт об инородцах и о миссионерстве? Каким образом остаться верной автору, не надоедая французскому читателю, у которого, как правило, культ природы не так силён?

– К тому же, Шемановский переходит от аргументированных размышлений и всестороннего анализа вопроса к умилению при виде нежной луны. Стиль его богат, но часто тяжёл, он повторяется, а французский читатель привык к более сжатому стилю.

Но важнее всего для меня, это то, что:

– Я открыла для себя край, людей, природу

– Я открыла для себя человека, испытывающего трогающие меня эмоции и задающего вопросы, касающиеся нас всех:

– Положительны ли итоги колонизации?

– Что касается взаимоотношений культур: можно ли сказать, что некоторые выше других?

– Обучение детей-инородцев: это в первую очередь отчуждение детей от родной семьи и предков или же надежда на лучшее будущее?

– Как отстаивать свои личные убеждения, будучи открытым к убеждениям других?

И, наконец, у меня возникло

– желание познакомить французских читателей с Шемановским. Мы с Евой Тулуз находимся в контакте с разными издателями и надеемся, что это получится, так как во Франции тоже есть издатели, заботящиеся о сохранении свидетельств о прошлом;

– и желание также увидеть своими глазами этот край, эти народы.

г. ПАРИЖ,
Франция

Доминик САМСОН НОРМАН ДЕ ШАМБУР

ОТ ПРАВА СИЛЬНОГО ДО РАВНОПРАВИЯ

Посвящается Аксинье Меровой (1932–2011 гг.)

Вуща вэлаты, Паща олэн, Торова, уважаемые друзья!

Обычно говорят о коренных народах как о беспрестанно агонизирующих или окончательно застывших. Тем не менее я знаю мужчин и женщин, проявляющих «умение жить», которое позволяет их народам на протяжении веков отвечать на право сильного.

На 2010 год численность тундровых и лесных ненцев составляет 44 640 человек, ханты – 30 943, манси – 12 269. В Зауралье эти народы являются первичными народами Субарктики. География расселения предопределила их давнюю способность к интеграции в новой среде, или скорее, к сделке с ней, а также к размышлениям о хаосе для последующего его толкования. Во внешнем навязанном процессе, которым, по сути, является колонизация, осуществлённая либо путём евангелизации во времена Российской империи, либо атеистического активизма молодого Советского Союза, путь коренных народов к себе уже давно проходит через Другое. Пусть 15-летний юбилей Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера напомнит миру о вкладе коренных народов в развитие России, заключающемся в следующем.

Во-первых, Россия волей-неволей живёт по «коренному времени» Севера, Сибири и Дальнего Востока: упоминания о таёжниках и тундровиках в облике фантастических существ появляются в средневековых хрониках и рассказах новгородских купцов, озабоченных защитой своей торговли «мягким золотом»; большие таланты оленеводов и охотников-рыбаков раскрылись во времена первых научных русских этнографических экспедиций XVII века; туземный мир стал экзотикой русского романтизма XIX века, обогащённого фольклором народов, не имеющих письменности; «вымирающие» общества проявляли неожиданную жизнеспособность, сопротивляясь советизации и адаптируясь к советской утопии новой общины в XX веке; и, наконец, коренные культуры бросают вызов настойчивому развитию промышленного освоения Российской Федерации в начале XXI века.

Не играют ли эти малочисленные народы, составляющие около 0,2% от общей численности населения Российской Федерации, историческую роль в формировании русского пространства и совести?

Во-вторых, коренное население опровергает предположение учёных как Российской империи, так и Советского Союза о неминуемости своей гибели. По общему мнению, у охотников-рыбаков и оленеводов не было

Два друга : Еремей Айпин и Доминик Самсон

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

иного будущего, кроме как вымирание или ассимиляция. Такое предположение высказал единственный фельдшер, работающий со всем населением бассейна реки Конды, Иван Петрович весной 1892 года: «Но раз этот дикий народ сталкивается в борьбе за существование с более культурным народом, он рано или поздно непременно будет стёрт последним с лица земли. Для всех наших охотничьих инородцев остаётся один только исход: слиться с нами, русскими. Вне этого условия для них нет спасения...».

1) Вопреки всем предположениям коренные народы выжили.

Они продуктивно переосмыслили свою историю мира и богов, обратив древний охотничий культ предков Пупи Яка в хитроумное средство борьбы против политического и духовного господства русского силача. Таким образом, с помощью Медвежьих игрищ таёжники исказили смысл как своей присяги в верности царской короне, так и православных Святок. На берегах Оби появилось понятие о некоем третьем свете, где люди, по остяцким представлениям, не знали ни болезней, ни ясака, ни русских

2) и по ненецким – святой Николай, живший уединённо, далеко, где солнце садится, однажды решил посмотреть Север, показать свои чудеса и устроиться к Нуму на службу.

Таким образом, не отрекаясь от самих себя и не воспроизводя машинально древние мифы и ритуалы, ненцы, ханты и манси плодотворно адаптировались к праву сильного. Они сформировались самостоятельно вопреки влиянию русского мира, но и отчасти принимая его. И то, что казалось поражением, обернулось для коренных народов волнующей победой.

В-третьих, ненцы, ханты и манси боролись за права, превознесённые поэтом Григорием Лазаревым

3) Когда «солнце счастья», окрасившее в красный цвет небо, землю и души, стало погребальной маской революции, таёжники и тундровики бросили вызов Новой Жизни. Им в ответ была объявлена война безумных лиственничных дубин, забивающих до смерти всякого, кто попадался на пути. Однако из семей оленеводов и охотников-рыболовов вышли те, кого ожидала Советская власть: депутаты, писатели, преподаватели. И даже та, скрываемая от чужих цивилизованных глаз, которая до сих пор снится женщинам-информантам Ямала:

«Стригут волосы. На пол падают молодые тёмно-тёмно-каштановые волосы. Густые, длинные, льются нескончаемым потоком. Я любуюсь ими, подбрасываю вверх. Лёгкие, пушистые. А они падают-падают, как снег в новогоднюю ночь и нет им конца. Откуда столько волос?

Повернула голову, хочу посмотреть, откуда этот нескончаемый поток. Шевельнулась и стала пробуждаться. Не хочу просыпаться, пусть ещё длится этот волшебный миг. Это мои волосы. Почему мне стригут волосы? С чего? И память подсказала, что сон пришёл из детства. Меня привели учиться в интернат. По-русски не понимаю. Первый раз внутри деревянного дома, очень душно. Дети бегают, их шум отдаётся в стенах, мне кажется, что скоро рухнут стены от этого грохота. Такие же малыши рядом со мной. Все девочки одеты в одинаковые платья, у мальчиков одежда, как у близнецов. Стоим в очереди на стрижку волос.

Воспитательница усадила на стул. Он такой высокий, что ноги мои болтаются где-то на середине ножек. С моих маленьких ног выскользнули не по размеру выданные валенки, хотя всеми силами коленками прижимаю большую обувь друг другу. Мои валенки валяются под ногами. Ноги не достают до них. Голову закрыла

руками. Воспитательница грубо отдёрнула ладони, опустила на колени. Тупые ножницы не могут справиться с туго заплетёнными косами, противно скрипят по волосам. И потом, всю мою жизнь, этот скрипучий звук будет преследовать меня. На полу лежат небрежно брошенные две косы. Сползла с высокого стула. Хочу поднять безжизненные косы. Но воспитательница ногой отпихнула их в сторону. Холод лезвия ножниц доходит до самого сердца, пронзает меня до пяток. Начала зябнуть. Меня уже всю колотит. Волос ещё много. Голова кружится, близка к обмороку, холодный пот заливает лицо и теперь совсем не жалко волос, а только жду, скорей бы закончили стрижку.

Я пошла к зеркалу, на меня глянула седая женщина. Откуда она? Кто? Пытаюсь разглядеть-обнаружить следы медноволосости у этой старухи. Ничего нет. Где и кто ты, медноволосая девочка? Взяла портняжные ножницы, выстригла на полголовы рассмешившую меня уродливую чёлку.

– Ты что наделала? – спрашивает семья.

– Я хочу быть модной.

Не стриженные насильно никогда не поймут меня

4.) Итак, очевидно, что ханты, манси и ненцы играли активную роль в сложном процессе диалога культур. Они написали историю России, которая стала более ценной и тонкой, т.к. она свидетельствует о мрачной действительности местной обстановки и дополняет леденящие страницы официальной истории, трактовавшейся во многом поверхностно, демонстрирующей чаще всего мелочную

горделивость и огромное тщеславие власти. Коренные народы искусно переместили границы цивилизации и децивилизации. Цивилизации, как и народы, тоже умирают. Достаточно было ненецкому герою Сэротэтту обозреть труп, чтобы заключить: «Ты большой, а поддался! Если бы я был такого роста, я не умер бы»

5) Российская империя пала, Советский Союз пал, а мир туземный жив. Искалеченный, возможно, поруганный, но живой.

В начале 1990-х гг. после длительного периода давления советской идеологии, в противоречии с собственным мировоззрением ненцы, ханты и манси столкнулись с русским обществом, находящемся во власти больших перемен. Что же нам говорят в эпоху конца государственной монополии и появления частных нефтяных компаний коренные народы Севера, которым божества с незапамятных времён доверили вполне жизнеспособный мир?

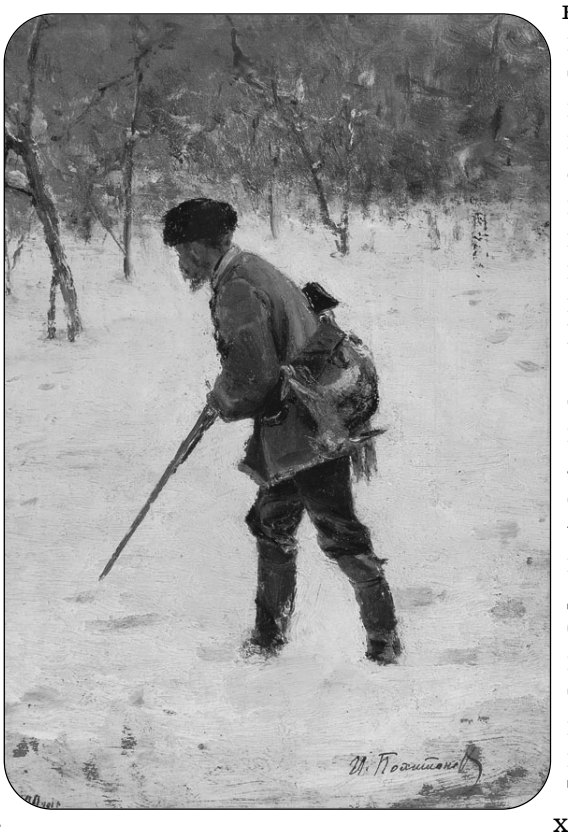
Умудрённые опытом они нам говорят, что тайга, подобно человеку, дышит, живёт и умирает. На Севере человек никогда не бывает один. Пространство заполнено людьми, животными, духами, сверхъестественными существами, душами мёртвых, живущими в мудром согласии друг с другом с тех пор, как оленеводы, охотники-рыбаки пришли сюда и пользуются «умением жить», которое даётся им богами, и благодаря передаваемому из поколения в поколение опыту. Нашествие бездушных машин и преобладание промышленной культуры стирает коллективную и индивидуальную память, постепенно уничтожая души и традиционные знания. По какому праву? Ведь интенсивный сбор дикоросов в тайге и в связи с этим обесценивание подобного рода труда представляет собой два недостатка (атм вер) согласно своеобразной хантыйской этике. Ведь ненецкая этика гласит в назидание детям с первых лет их жизни: «Не делай дыр в земле, а то из них выползут огромные черви, всю землю заполонят, людям места не останется».

Коренные народы объясняют нам, что тайга – общее достояние. Ненцы, ханты и манси знают тундру и тайгу изнутри, т.к. не одно их поколение формировалось

здесь на протяжении веков. Поэтому отец Иринарх из миссии Обдорска ничуть не удивлялся, что туземцы, освоившие эти заполярные территории, принимают русских за дикарей.

Коренные народы пытаются влиять на современные процессы, в которые они вовлечены, через литературу, «полевые работы» (запросы, петиции, письма в адрес органов власти), территориальные отделения общественной организации «Спасение Югры», Ассамблею представителей коренных малочисленных народов Севера, Думы автономного округа. Так, Еремей Айпин, когда пишет свои книги, подобные ранам-татуировкам на ладонях собственных рук, и проекты законов, подобные зеркалам, протянутым современному русскому обществу, привлекает внимание мира. В своей мудрости находчивый Дон-Кихот с мальчишеской улыбкой, вооружённый книгами и законами, бравировал Смертью, чтобы народы Севера взяли свою судьбу в свои руки, и мир вновь открыл его красоту, и каждый на своём месте дополнял Вселенную. В противовес натюрмортам промышленной культуры пуповина, связывающая землю с коренными народами Севера, свидетельствует о человеческом опыте, имеющем смысл для всех. Каждый раз, когда это возможно, следует отдавать предпочтение политике справедливых договоров.

Туземный мир нам говорит, что тайга кормит человека. Нужно ли такое государство, которое не гарантирует благополучие человека? Ханты, манси и ненцы предлагают человечеству пересмотреть отношение к окружающей среде в свете имеющегося у них опыта, подтверждаемого их адаптацией к этой «богатой», но суровой среде. В этом смысле они не противостоят использованию природных

ресурсов, потому что видят себя в этой перспективе, как любое другое живое существо леса и тундры. Они находятся лишь в оппозиции к системе соотношения сил, сложившейся как для тайги, так и для них самих: помимо того, что система им чужда, она в их глазах вредит общим интересам. Взять просто так – это воровство, потому что жизнь иссякает без возможности возрождения, то, что взято, должно быть хотя бы символично возвращено на своё место. Этот взгляд на равный им мир свойствен таёжнику и тундровику. К сожалению, во многих случаях чувства превосходства цивилизации над ними было достаточно, чтобы узаконить варварство. Например, пожары, повергшие во второй половине XX века в траур всех жителей бассейна реки Пим, не изменили ли они ход жизни местных общин? То, что Россия сделала своими народами и гражданами представителей туземных общин, населяющих её территорию, ставит её перед лицом ответственности в отношении оленеводов и охотников-рыбаков северо-западной Сибири. Они поднимают вопрос равенства прав граждан Российской Федерации.

Коренные народы насчитывают около 370 миллионов человек в более чем 70 странах, что составляет 6% от общего числа жителей земного шара. С момента распада Советского Союза сибирские народы пытаются налаживать контакты с народами-родственниками, проживающими по всему свету. Так, в 2005 году мы с хантыйским писателем-депутатом Еремеем Айпиным, мансийскими депутатами Надеждой Алексеевой, Татьяной Гоголевой приняли участие в XI рабочей сессии ООН в Женеве (Швейцария), посвящённой разработке Декларации прав коренных народов. В итоге, Россия не ратифицировала эту Декларацию, утверждённую ООН в 2007 году, предпочитая реализовывать собственную политику в отношении коренного мира. Правительством РФ была утверждена Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (от 4 февраля 2009 года № 132-р). Пришло время не бояться коренные

народы, а приветствовать их ценное существование на территории России и проявлять к ним доверие.

Мы все знаем, что человек – несовершенное существо, и следовательно, его законы могут быть несовершенными. Несмотря на официальные речи и документы ситуация остаётся нестабильной: с одной стороны, коррупция местных органов, закостенелых или безразличных, отсутствие контроля и, с другой стороны, отчаяние от размеров финансовых и материальных компенсаций, подписи на согласовательных документах, полученные с помощью алкоголя или запугивания. Подчас трудно быть услышанным, если твой голос доносится из селения или стойбища, трудно решать разные вопросы (получение пенсии, медицинской помощи и т.п.). Вот почему Ассамблея со своими достоинствами и недостатками должна стать привилегированным пространством, чтобы позволить своим народам, населяющим тайгу, сёла и города, быть равными и одновременно отличными от других, то есть самими собой. Искренне надеюсь, что представители Ассамблеи, по мере своей возможности, смогут добиться извлечения пользы как из гарантируемого Конституцией РФ равенства прав, так и партнёрства с федеральными органами власти. Это огромная, неблагодарная, мучительная, опасная задача не оказаться теми, которые увидят исчезновение своих, которые окажутся «последними».

Эти думы навели меня на мысль о недарме

6) Нельзя допустить, чтобы прервалась эта дорога, у которой нет ни начала, ни конца. Потому что люди всё время идут по ней со своими упряжками, стадами, потому что здесь рождаются и умирают бесконечно. Как каждая ненецкая мать кладёт овальный камушек на дно колыбели для того, чтобы новорождённый не ломал спину земли, мы все должны почувствовать себя ответственными за снежную колыбель, на которую бросают отныне грозную тень буровые вышки и их факелы, совершенно чуждые советам матери Анастасии Лапсуй: «Доченька, веди себя хорошо. Ты всего-навсего здесь кратковременный гость. Разве можно себя в гостях плохо вести? Ты пришла и потом уйдёшь».

История свидетельствует в пользу прав хантов, манси и ненцев. История подтверждает, что наступило время перейти от права сильного к равноправию, что России пора посмотреть коренным народам прямо в лицо.

Я не специалист по праву. Но иногда литература может говорить о праве. Поэтому в заключение, я хочу оказать честь северным культурам, посвятив им короткий текстпение с пожеланием удачи на правовой охоте:

Облака мчались над старым селением,
Преследуя ночь лёгкую, как воздушный змей,
Заслонивший собою ещё оглушённое солнцем небо,
И незаметно под мрачной бородой ночи
Наши тяжёлые лица увенчали пустоту, словно белые острова,
Готовые расплакаться, словно земли, алчущие игры.
Этот праздник был нашим, и наши души, сидящие днём
В тени щупальцев машин, стоят до пробуждения зари
Среди пения и танцев нашего мира с кукольным лицом.
Наши ночи ещё принадлежат нам, наш язык освобождается,
Ускользая от ваших тюрем и государственных интересов,
От собственного безразличия к смерти.
Нарс-юх обращается к созвездию наших Бессмертных,
Чага очищает наши тела, колонизированные страхом;
Наши руки отбивают такт тихого взлёта.
Подобно развёрнутой карте наших рек,
Наши пальцы сплетаются в непобедимую цепь,
Колыбелью подвешенную между южным и северным ветрами,
Между небом и землёй во имя прихода Дитя-Бога.
Наши ноги отныне лишь слегка касаются отяжелевшей спины земли.
Мы танцуем, опираясь на мир,
Мы поём, срывая с неба звёзды.
И ночь приручает наши глаза,
Как будто им никогда не будет дано увидеть день.

г. ПАРИЖ,
Франция

1 Инфантьев. Путешествие в страну вогулов. – С.-Петербург, 1910. – С. 187.

2 Поляков. Путешествие в долину р. Оби, Мандр и Ка. – Тюмень, 2005. – С. 64.

3 «Солнцем счастья и свободы / Светит Родина моя, / Русский, ханты – все народы дружны, как одна семья. / Русский, ханты, ненец – братья, / Мы в правах своих равны / Все мы счастливы в объятиях нашей матери-страны». Г.Лазарев. «Дети одной семьи», Литература Югры (1930–2000). Поэзия. Антология, ч. 1, Унисерв, – С. 22.

4 Мне сообщила о сне ненка Анастасия Лапсуй (7 декабря 2005 г.)

5 Куприянова, Эпические песни ненцев. – Москва: Наука. – С. 555.

6 В переводе с ненецкого языка – большая-большая дорога, которая никогда не бывает ой, как и человеческая жизнь.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

Вячеслав ОГРЫЗКО

БУНТ номинального советника

Вторая половина лихих девяностых годов оказалась для Еремея Айпина одной из самых трудных в его жизни. В декабре 1995 года власти Ханты-Мансийского округа всё сделали для того, чтобы не пустить писателя на новые выборы в Госдуму. Ему чётко дали понять, что надежд регионального начальства он не оправдал. Во-первых, в первом созыве Госдумы Айпин, по мнению окружения губернатора Югры, записался не в ту фракцию. А во-вторых, он далеко не всегда прислушивался к рекомендациям властей. Поэтому перед новыми выборами окружное руководство сделало ставку не на него, а на бывшего директора профтехучилища Александра Лоторева, успевшего послужить чиновником а Нефтеюганске. Правда, социологи предупредили людей из команды губернатора, что Лоторева избиратели Югры почти не знают, в народе попрежнему популярен в основном благодаря своим книгам Айпин. Но это чиновников не остановило. Они дали команду окризбиркому под надуманным предлогом снять Айпина с дистанции и попросту не допустить писателя до выборов. Айпин попробовал обратиться в суд, но там он ничего не доказал.

Лишившись депутатского мандата, Айпин сосредоточился на работе в Ассоциации коренных малочисленных народов Севера России, президентом которой его избрали ещё в конце 1993 года. Но у Ассоциации не было ни одной копейки. В девяностые годы Ельцину внушили, что общественные организации в нашей стране должны сами вертеться. Доступ к бюджету для большинства из них был закрыт. А только на общественных началах много не наработаешь.

Айпин больше года ходил с протянутой рукой по нефтяным компаниям. Кое-что ему с барского плеча подкинул РИТЭК, которым управлял близкий к «ЛУКОЙЛУ» Валерий Грайфер. Но этого хватило лишь на оплату бухгалтера.

Самыми щедрыми оказались канадцы и, кажется, датчане вместе с гренландцами. Понятно, что просто так никто денег не давал. Но какие намерения были у зарубежных спонсоров Айпина, никто в точности не знал.

В это же самое время немалые средства пообещал журналу «Северные просторы» русский американец Олег Егоров. О нём много что говорили. Я знаю, что в детстве он жил на Восточной Чукотке. Его отец – Юрий Сергеевич Егоров – был одним из первых председателей колхоза в чукотском селе Лорино и считался правоверным коммунистом. Мало кто при этом знал, что в своё время родители Юрия Сергеевича были репрессированы, а сам он постоянно боялся, как бы не возвратился 37-й год. Поэтому при первой же возможности Юрий Сергеевич, воспользовавшись декларацией о воссоединении семей, отправил сына в Америку к своему родственнику, а сам перевёлся в Мурманск. Он думал, что так будет лучше. А родственник тот вскоре умер, и Олег Егоров остался в Америке один. Олег Егоров уже в 1993 году рассказывал журналистам Чукотки: «Работал на всяких невозбуждающих воображение работах. И в то же время пошёл в университет, зная, что образование мне необходимо. Работал по ночам. В одно время охранником на свалке Нью-Йорка. Был шофёром лимузина, водил «Ролсройс». Работал в журнале, пришлось бывать и официантом. Потом я закончил университет, затем киношколу и стал работать в кино. Делал всё – и свет, и механиком был, и ассистентом. Потом продал первый сценарий, стал членом писательской гильдии Америки. Будучи режиссёром, снимал художественные фильмы. Став продюсером, хотел снять фильм о Лорино, о Чукотке, о чукчах. Но приехав сюда, я увидел, что моя родина и люди нуждаются в гораздо большей помощи, чем

фильм о них. Я бросил всё и стал работать с ООН, с центром по защите прав человека и теперь представляю интересы советов старейшин Лорино, Лаврентия, Уэлена и т.д. Делаю всё, чтобы привлечь внимание мира к тому месту, которое раньше было невидимым. К чукотским сёлам».

Впоследствии, как я слышал, Олег Егоров оказался в Праге, где через первого заместителя председателя Госкомсевера Павла Зайфудима получил визу в Москву и потом объявился в журнале «Северные просторы». Никто не мог понять, кто ему дал очень большие деньги.

В Москве Егоров сразу оговорил, что конкретно журнал поддерживать он не будет, но готов через непонятные международные саамские фонды финансировать создание информационного центра при «Северных просторах». Потом выяснилось, что официально зарегистрировать информцентр будет сложно. И тогда Егоров придумал компьютерные курсы для молодёжи из числа коренных народов Севера, причём не под крышей какой-то конторы, а под эгидой администрации Ельцина. Он разработал критерии отбора конкурсантов. На курсы могли попасть только энергичные молодые ребята, обладавшие неплохими знаниями о современном мире, имевшие организаторский дар и главное – настрой на карьерный рост. Учил же Егоров конкурсантов не столько работе на компьютере, сколько именно стравливать коренных жителей Севера с приезжими и ведению потом судебных тяжб.

Лишь через несколько лет выяснилось, что за Егоровым вроде бы стояли некие западные спецслужбы. Но когда уже наша Лубянка поставила вопрос о том, в чьих же интересах столько лет вещал при редакции «Северных просторов» информцентр, Егорова продолжил с пеной у рта защищать не кто-нибудь, а первый заместитель председателя Госкомсевера России Павел Зайфудим, который в советское время работал в комсомольском штабе на строительстве БАМа. Все гадали: неужели зарубежные фонды сумели в 90-е годы купить часть нашего правительства.

Понятно, что Айпина впрямую никто не пытался подкупать. Но не исключено, что когда ему канадцы давали под политический проект деньги, делался расчёт на будущее. Вполне возможно, что от него ждали лоббирование чьих-то интересов.

А дальше случилось самое интересное. Айпина просто не допустили к распределению выделенных средств. Весной 1997 года на третьем съезде народов Севера опытные политтехнологи успешно разыграли национальную карту и столкнули лбами две самые влиятельные делегации: ненцев и хантов. Ненцев оказалось большинство, и они при поддержке других делегатов провели в президенты вполне управляемого чиновника Сергея Харючи. После чего на добытые Айпиным деньги нанятые Харючи в аппарат Ассоциации люди быстро купили в Москве шикарную квартиру. А Айпин, как всегда, остался у разбитого корыта.

Писатель оказался перед сложным выбором: окончательно перейти на творческую работу, которая в постсоветскую эру практически никак не оплачивалась, или попроситься в Администрацию Ельцина, где он числился до своего депутатства. Думы о благополучии семьи заставили его решиться на последнее. Но тут возникла новая закавыка. Прежняя должность Айпина – представителя президента России в Хаты-Мансийском округе – была уже занята. По рекомендации местных начальников этот пост ещё в 1994 году занял некий Владимир Куриков, который в советское время отвечал в окрисполкоме за обеспечение руководства авиабилетами.

В отличие от Айпина, Куриков не имел больших амбиций и всегда умел ладить с нужными людьми. Он сразу понял: Москва далеко, а Ханты-Мансийск рядом, и случись что, никто в столице

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

защищать его не будет, а вот местные бонзы могут сожрать в любую минуту. Куриков, став по должности представителем Ельцина, решил довольствоваться малым. Он стал искать выходы на учёных Екатеринбурга, которые помогли бы ему написать и защитить ни много ни мало докторскую диссертацию.

Естественно, убирать такого удобного для власти человека никто не стал. Айпину предложили пост пониже – всего лишь советника Курикова по Нижневартовскому региону, в который входили Мегион, Радужный и некоторые другие города нефтяников.

Надо сказать, что в нефтянке тогда начался новый передел. Почти в каждую крупную нефтяную компанию пришли московские олигархи. Так «Нефтеюганскнефтегаз» оказался, как говорили с подачи нефтяного генерала Муравленко-младшего, под властью контролируемых Ходорковским и Невзлиным «Юкоса». В Нижневартовск рвалась, если не ошибаюсь, Альфа-групп. Мегион вроде облюбовал влиятельный ингушский бизнесмен Гуцериев. В Радужный устремились известные чеченские предприниматели братья Бажановы. И только, по-моему, «ЛУКОЙЛ» и «Сургутнефтегаз» оставались в руках профессиональных нефтяников.

Передел в нефтянке проходил очень болезненно. И ладно, если б всё ограничилось полосканием грязного белья в прессе. Начались таинственные смерти, покушения, громкие убийства.

Понятно было, что нефтяники и олигархи цивилизованно не договорятся. Все ждали, когда своё веское слово скажет власть. Но Кремль молчал, всё, видимо, отдав на откуп семибанкирщине.

Губернатор Югры Филипенко вынужден был лавировать. Он понимал, что одного победителя в переделе нефтянки не будет. Значит, следовало искать подходы ко всем крупным игрокам и со всеми пытаться договориться. Что-либо диктовать от имени государства Филипенко не рискнул. Он боялся, что в этом случае его бы элементарно прихлопнули.

По идее советник представителя Ельцина по Нижневартовскому региону должен был обеспечивать Кремль и губернатора проверенной информацией о положении дел и помочь найти выход и тупика. Но это по идее. Филипенко прекрасно понимал, что ни администрация Нижневартовска, ни генералы из «Нижневартовскнефтегаза», ни рвавшиеся к самотлорской нефти московские олигархи и близко Айпина не подпустят к своим делам. Лишние глаза теневым хозяевам Нижневартовска были не нужны. Поэтому в реальности Айпину изначально отводилась роль свадебного генерала без каких-либо серьёзных полномочий.

Первый гром грянул 18 апреля 1998 года, когда в подъезде собственного дома чуть не разбили голову мэру Нижневартовска Юрию Тимошкову. Милиция попыталась выдать это происшествие за семейные разборки: мол, сын мэра – наркоман, давно не ладил с отцом и в порыве злости нанёс человеку тяжёлую травму. Но что случилось на самом деле, никто в точности не знал. Айпина о ходе расследования никто информировать тоже не стал. Всё так и осталось покрыто страшной тайной.

Второй звоночек прозвенел в день 50-летия Айпина – 27 июня 1998 года, когда расстреляли мэра Нефтеюганска Владимира Петухова. В городе считали, что за убийством стояло руководство «ЮКОСа». Но по горячим следам дело расследовать не удалось. Правда, и слухи о причастности Ходорковского к устранению Петухова никто особо в Югре не развеивал.

Следующее ЧП случилось 2 сентября 1998 года: под машиной вернувшегося из Германии с лечения Тимошкова сработала радиоуправляемая бомба, и мэр оказался тяжело ранен в голову.

Но теперь это покушение уже нельзя было списать на сына-наркомана.

В Нижневартовске все гадали: кому выгодно устранение Тимошкова. Многие считали, что мэр был неугоден Тюменской нефтяной компании, которая сумела-таки прибрать к своим рукам «Нижневартовскнефтегаз» и сильно потеснить амбициозного нефтяного генерала Виктора Палея.

Но Айпина вновь никто и близко не допустил до материалов расследования. Получалось, что городом попрежнему управляла какая-то мафия, но не законные представители законной власти. Имея кучу разных красивых корочек, Айпин оказался в положении всего лишь созерцателя. А на кого-либо жаловаться было бесполезно.

После второго покушения многие думали, что Тимошков во власть уже больше никогда не вернётся. Он почти полгода провёл в клинике. Вместо него всеми делами в городе формально рулил его многолетний первый заместитель Грабовский, а реально всё диктовала Тюменская нефтяная компания.

И вдруг в конце мая 1999 года Тимошков, ещё не окрепший, появился на работе в мэрии. Никто ничего не мог понять: то ли он собирался окончательно передать все дела преемнику, то ли всерьёз хотел ещё поуправлять городским хозяйством. Я вскоре встретился с ним (приём организовал как раз Айпин). День только начинался, все его помощники были бодры, а он, полчаса просидев с бумагами, уже устал. Разговор не склеился. Мэр так и не понял, о чём я его спрашивал; он позвал на помощь свою давнюю сотрудницу из пресс-службы, а та сразу в присутствии мэра заявила, что человек болен и серьёзные проблемы обсуждать не намерен, и указала на дверь. Но если человек болен, зачем он вышел на работу. И главное – кто за него будет принимать важные решения? Этот вопрос я тогда же задал Айпину, но он не смог ответить. Айпин честно признал, что хорошего работника из Тимошкова уже не будет. И он не понимал, кто же заставил больного человека вновь выйти на работу и мучиться. Кстати, тогда же один из руководителей города попытался совершить суицид (видимо, не все были готовы к возвращению Тимошкова в прежнее кресло).

Странности на этом не закончились. Вскоре в Нижневартовск из Тюмени вернулся опытный пиарщик Александр Новопашин. Зачем?

Экс-мэр Нижневартовска Юрий Тимошков

Вряд ли он прельстился должностью руководителя одного из городских департаментов. Как оказалось, ему поручили предстоящие выборы. Новопашину поставили задачу любой ценой провести Тимошкова в мэры на новый срок. Но ведь народ в городе знал, что Тимошков тяжело болен. И тогда Новопашин придумал ловкий ход: он во время встреч с избирателями заставлял Тимошкова периодически подниматься с кресла и бодро прохаживаться по залу, демонстрируя свою якобы отличную физическую форму. И ради чего этот обман затевался? Кому это было выгодно? Кстати, вскоре после победы Тимошкова на выборах Новопашин скоропалительно улетел в Тюмень, где он вскоре оказался обладателем шикарной квартиры в элитном доме и обалденной дачи в престижном районе.

Айпина, конечно, всё это очень злило. Его не только никуда не допускали. Он боялся, как бы некие силы не стали его использовать втёмную. Надо было что-то делать. Но что?

После долгих раздумий Айпин повёл свою игру, но уже на своём поле. Он сосредоточился на проблемах районной ассоциации народов Севера. Местные олигархи этому очень обрадовались и даже пообещали ему какие-то подачки. Но писатель, воспользовавшись ситуацией, пошёл дальше: раз так, давайте переходить на договорные формы отношений с коренными жителями. А это значило: давайте принимать соответствующие законы.

В Нижневартовске Айпин в очередной раз убедился в том, что систему просто так не прошибить. Нужна кропотливая работа. Нужны конкретные полномочия. Нужна реальная власть.

Не желая быть декларативным советником, писатель решил вернуться в законодатели и в начале 2001 года стал депутатом регионального парламента. Выиграла ли от этого хантыйская литература – это пока вопрос. Но народы Севера хоть что-то уже всё-таки получили: я имею в виду нужные им законы и механизмы для защиты своих интересов.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

Сколько знаю Юрия Вэллу (а знакомы мы с ним ещё с середины восьмидесятых годов прошлого века), он, романтик по натуре, всегда в борьбе. Я помню одну из первых его акций против нефтяников, которые ещё в советское время хотели проложить через его родной посёлок Варьёган кратчайшую дорогу к своим объектам. Силы были неравны. На стороне нефтяников была чётко отлаженная система, в которой многое решал даже не закон, а «позвоночное» право. Партийная и советская власти фактически обслуживали интересы нефтяных генералов. А кто был Вэлла? Какой-то поэт, даже без единой книжки стихов и билета члена Союза писателей. Всё, что он имел – мандат председателя поселкового совета, который ни на что не влиял. Ни денег, ни реальной власти у него не было. Вэлла владел только одной печатью. По тогдашней логике, бюрократическая машина должна была его безжалостно раздавить. А он совершил невозможное: заставил нефтяников отступить, учесть интересы коренных жителей и построить дорогу в объезд. За эту невероятную победу земляки, по идее, должны были носить его на руках. Но многие соплеменники обиделись. Они испугались, что, пойдя раз на уступку, нефтяники обязательно отомстят и напакостят во много раз больше. И поэтому на очередных выборах в поселковый совет Вэллу «прокатили». А потом в стране грянула очередная революция.

Я СОГЛАСЕН БЫТЬ ВОРОНОМ

За два с лишним постсоветских десятилетия на родине Вэллы многое изменилось. Сородичи, кажется, наконец поняли, кто настоящий защитник их интересов. Теперь далеко не все готовы бегать на поклон к нефтяникам. Люди готовы биться за свои права. Юра рассказал о последнем конфликте земляков с нефтяниками. На этот раз нефтяная компания «ЛУКОЙЛ» начала наступление на угодья, где испокон веков пасли своих оленей ханты из рода Айпина. В частности, компания без согласования с этим родом самовольно пустила по одному из таёжных участков тяжёлую технику. Охотники, постеснявшись побеспокоить своего влиятельного родственника – писателя Еремея Айпина, разыскали Вэллу. Первая мысль, которая была у них, устроить на дороге пикет. А у Вэллы уже имелся многолетний опыт решения конфликтов с «ЛУКОЙЛом». Он сразу сказал: только не нужно самодеятельности. Не надо зарвавшимся нефтяным генералам давать повод для преследования оленеводов. Облюбованный нефтяниками таёжный участок – это межпоселенческая территория. Значит, разрешение на пикет надо получить не в Нижневартовске

или Когалыме, а следует обращаться к региональным властям – в Ханты-Мансийск. Но большое начальство вряд ли пойдёт навстречу охотникам. Вэлла подсказал другой путь. Он установил, что таёжный участок, на который покусился «ЛУКОЙЛ», находится не просто на территории родового угодья, а граничит со святым для хантов местом. Вэлла посоветовал провести не прямо на дороге, а возле – где-нибудь на обочине древний обряд и принести в жертву оленя, и тем самым показать власти, что целый хантыйский род протестует против того, чтобы нефтяники столь бесцеремонно задевали их чувства. Охотники так и поступили. Только после этого их сразу услышали и в Ханты-Мансийске, и в «ЛУКОЙЛе» и тут же внесли коррективы в транспортную схему по доставке грузов к нефтяникам.

Я, кстати, потом попросил прокомментировать конфликты с участием Вэллы главного маркшейдера «ЛУКОЙЛа» Константина Беляева, отвечающего в этой компании также за сотрудничество с народами Севера. И знаете, что услышал? Мол, у «ЛУКОЙЛа» есть чёткая позиция – не вмешиваться в политику. А всё, что связано с Вэллой, Беляев считает чистейшей политикой. Но, по-моему, это лукавство. «ЛУКОЙЛ» никогда не ограничивался только экономикой, а всегда лез и в политику. Примеры? Пожалуйста. Скажите, зачем в 2003 году «ЛУКОЙЛ» организовывал для депутатов Госдумы спецборт и катал избранников народа на самолёте по своим объектам в Усинке и Когалыме? А с какой целью на прошлых выборах «ЛУКОЙЛ» выдвинул в Госдуму своего влиятельного чиновника – господина Василенко?

Понятно, что Вэлла для «ЛУКОЙЛа» – страшный раздражитель. Но кто мешает крупнейшей нефтяной компании искать точки сближения с представителями коренных народов Севера?

Последние годы Вэлла увлечён топонимикой бассейна реки Аган, который так притягивает нефтяников. Зачем ему это понадобилось? Он отвечает:

– А это нужно не только мне. В топонимике зашифрован характер Агана и всех маленьких ручейков-живунов. Каждое название несёт в себе дополнительную информацию: как вести себя на берегу, что можно делать, что категорически запрещено, что тут находится и чего нет. Вот Пев. Я, отталкиваясь только от названия, могу создать целую картину. Рядом находится ягельник; есть сосновая шишка, а это значит, что можно белковать. Или возьмём Йихыл (Игол). Мне ясно: там почва глинистая, наносной грунт ледникового периода и смешанный лес.

Вэлла издал уже три тома своего топонимического словаря. Но из последнего он в какой-то момент изъял главу о святилищах. Почему?

– Я, часто присутствуя на наших праздниках, которые проводятся не для туристов или этнографов, а для самих себя, и где отсутствуют любопытные, однажды обратил внимание на то, что во время молитв имена наших богов произносятся или полушёпотом, или скороговоркой. Внятно они не звучат. Почему? С годами я понял: те люди, к которым обращены песнопения, всё и так знают. Просто наши старики не хотят, чтобы имена богов затирались частым повторе-нием. Иначе теряется сакральный смысл молитвы.

В назидание Вэлла рассказал мне о трагической судьбе русского этнографа Раисы Митусовой, сводной сестры белого русского генерала Кутепова, которая в двадцатых годах дважды путешествовала по Агану. Митусова считала, что служит только науке, и поэтому пренебрегла неписанными правилами хантов и лесных ненцев. Первый раз она нарушила табу, выбирая маршрут для своей экспедиции, отправилась в путешествие как бы не по часовой стрелке, а против солнца. Когда она добралась до Агана и изъявила желание посетить наши святилища, случился гром. Боги словно предупреждали: не стоит спешить. Но Митусовой не терпелось собрать для Русского музея необычные экспонаты. Она искала Богиню лесных ненцев. И тогда гром ударил во второй раз. Однако исследовательница и этому предостережению не вняла. У неё появилась маниакальная идея – во что бы то ни стало найти лабаз и залезть в него, что женщинам делать не полагалось. Но вместо лабаза она обнаружила под одним из деревьев нашего божка. Видимо, во время очередного жертвоприношения, когда умер кто-то из охотников, его неизвестный сородич одного божка забрал с собой, а взамен вырубил и оставил в лесу другого. У нас это называется «человек, работающий в другую сторону». Однако чужим людям, посторонним притрагиваться, а тем более засовывать этого божка за пазуху ни в коем случае нельзя. Последовал третий удар грома. Больше никто знаков ей не

посылал. А в 1937 году Митусову арестовали и расстреляли.

– *Возможно*, – говорит Вэлла, – *это было наказание за незаконное вторжение в чужую среду, не терпящую бесцеремонного вмешательства.*

А по каким принципам живёт и творит сам Вэлла? Кто внимательно следит за его книгами, тот заметил, что ещё в начале «нулевых» годов поэт полюбил форму диалога. То у него целая поэма выстроилась в виде диалога с поэтом из города нефтяников Мегион Татьяной Юргенсон. Потом последовал диалог с матушкой из одного монастыря на Волге. Затем был поэтический диалог с индейским мыслителем Н.Скоттом Момадэем.

– *Любая беседа*, – утверждает Вэлла, – *даёт повод выйти на новый уровень. Это прибавляет всем нам мудрости.*

– А как ты нашёл собеседницу из православного монастыря?

– *Это не моя заслуга. В своё время я сочинил азбуку оленевода. Но её даже у нас на Севере поначалу никто не заметил. А спустя несколько лет я неожиданно получил с Волги листочек бумаги с компьютерным текстом. Оказалось, эта азбука очень тронула одну монахиню. Она поделилась своими мыслями. Я захотел ответить. Так возникла переписка, из которой потом выросла поэма «Этот совершенный мир: О тебе и обо мне». В какой-то момент я решил пообщаться с матушкой хотя бы по телефону. Это оказалось очень сложной задачей. Матушка сначала и слышать не желала о том, чтобы я её письма из монастыря предал огласке, пусть и в форме поэмы. А я вспомнил свою бабушку, которая не раз мне говорила: «Мы – люди, живущие на двух берегах одной реки». Она призывала к почтению богов иной веры. Кажется, эти мои воспоминания легли на душу и матушке. Мы продолжили обмен мнениями. При этом мы ни разу с матушкой не спорили о том, что совершенней – язычество или христианство. Зачем? Мы оба знали, что друг друга не переделаем. Мы размышляли о другом – о мироздании, о жизни, о любви... И в какой-то момент матушка дала согласие на публикацию нашего диалога. Но ни какую личную информацию о себе она так и не сообщила. Может, и правильно сделала.*

Юра знает, что я дружу с его земляком Еремеем Айпиным. Они оба писатели и оба вышли из одного посёлка Варьёган. Это тот самый случай, о котором у нас говорят: в одной деревне не может быть двух поэтов. Короче, Юра и Еремей – друзья-соперники. И, наверное, Юре обидно, что я до сих пор в его стойбище ни разу не побывал, а к Еремею ездил уже трижды. Но он всё понимает, и никаких упрёков я от него никогда не слышал. В последний раз Юра только поинтересовался у меня, кого я застал на стойбище у Еремея. Я ответил: Павла Янчевича Айваседу.

– *А знаешь*, – сказал Юра, – *его отец был шаманом. Когда я родился, он, камлая, предсказал, что меня увезёт красная лодка. Да, я потом стал секретарём комсомольской организации, да, я возглавлял поселковый совет. Но я не стыжусь этих страниц в своей биографии. Я никогда не отгораживался от своих сородичей. Я всегда, как мог, боролся против любой несправедливости. Обидно другое: менялись власти, разные партии приходили, но порядка до сих пор нет. Не за свои кошельки надо бороться, а за простых людей. Хватит держать нас в дураках.*

У меня есть почти все книги Вэллы, начиная с его самого первого сборника «Вести из стойбища», изданного в 1990 году в типографии города нефтяников Радужный. Но одну книгу я всё-таки упустил: «Нити родства», вышедшую в 2010 году и навеянную поездкой к американским индейцам. Юра подарил мне её совсем недавно. Она открывает новые штрихи в творчестве этого бескомпромиссного бойца. Вэлла пишет: «*Человек – без ошибок, с полным счастьем и достатком – это в моём понимании – Робот. Ой, как не хочу быть роботом!.. Я согласен быть Вороном – преданным другом, чтоб даже после смерти, оставаясь бобылём, сопровождать друга своего по белому свету, куда бы его ни занесла судьба, и хотя бы изредка просыпаться вместе с ним в его шальных эмоциях... Или уж лучше быть Медведем, чтоб меня, спустившегося с Водораздела, на тропе подстрелил Охотник; чтоб отец Охотника, их дети и внуки совершили надо мной обряд Медвежьего Игрища; а потом целый год вспоминали и ещё и ещё раз переживали каждую сцену, каждую деталь, каждую фразу, услышанную на празднестве*».

Мы все в этом мире дети природы и близкие родственники. Но сможем ли мы когда-либо вернуться к своим истокам?

Вячеслав ОГРЫЗКО

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

СТРАНИЦА БЫТИЯ

«Невеста человечества»

Ксения Некрасова нашла ли окончательные слова, чтобы рассказать об увиденной ею (только ею!) красоте мира? Но искала.

Пожалуй, и мы не найдём слов, чтобы рассказать о ней (она – несказанные слова). Но, благословясь, поищем.

Глагол «жизнь» сильнее глагола «любить». Любить землю (страну), – скорее, неуместно. Жить!

Что мы ищем? Что хотели бы открыть? Что важно и существенно?

Что же мы открыли для себя? Ксения не исчезла в этом мире. Не исчезли её слова. И звучит её завет:

– *я полоскала облако в реке...*

нет – небо в речке

– *я полоскала небо в речке*

Она наша землячка. От Ирбитских Вершин – её родины – до Тюмени всего-то сотня вёрст с небольшим, и были – в некрасовские времена – годы, когда неприметная захолустная Тюмень и Вершины жили под одной административной крышей в Уральской области.

Ирбитские Вершины. Само имя настроит вас, что всё здесь не так-то просто, и если вам повезёт, вы окунётесь в сакральные такты спокойных холмов местности, где Урал плавно перетекает в Сибирь, или Сибирь плавно поднимается на Урал – если мы идём по солнцу.

Это важно: Ксения родилась на равнине, которая поднимается в гору.

Прекраснодушный ксенофил, доктор литературы Леонид Быков в здешних сухоложских золотоносных местах в детстве пас коров. С удовольствием вспоминает первую встречу с Алтынаем. Семилетним пацаном перегонял отсюда в Сухой Лог купленную корову, которая ещё долго поила-кормила большую семью. Профессор тщательно собрал и издал полную Ксению Некрасову – в Екатеринбурге вышел замечательный томик её стихов и неутраченных писем.

Быков по-нобелевски её прокомментировал:

– На мой взгляд Ксюша, – признаётся исследователь-земляк, – писала с таким чувством, что она – первой на этой земле – стала поэтом. Первая не по рангу, не по значимости, а первая – по происхождению. Не было на земле поэтов, и вот появилась она... Первая из тех, кто почувствовал себя поэтом...

– На нашем белом свете?

– На белом свете Ирбитских Вершин.

– Я у Адама первая? Ева русской поэзии?

Земляки не догадываются о странностях своей великой однодеревницы.

Что может быть странным в её поэзии и творчестве? Она, как и они – произведение этих Ирбитских Вершин.

Я не знаю и не скажу точно: Алтынай – где это? Это ещё Европа или уже Азия?

Но именно эта земля – перекрёсток континентов – и могла родить столь естественного поэта. Ксения Некрасова, скорее, не явление литературы. Поэт Ксюша – явление природы.

Она, как дождь, собрала в свои горсти слова, которые породили этот свет – этот воздух.

В её родной деревне мы не отыщем её сверстников, людей, знавших её, живую.

Но ищущих её и помнящих о ней – отыщем.

Анна Прокопьевна – не просто хорошая читательница. Идеальная. Мечта писателя. Читательская классика.

Она не просто звонко помнит Ксюшины слова. Может быть, в её нелёгкой жизни, они были для неё, как посох. Поддерживали, давали опору.

– Её стихи – моя жизнь.

Старожительницу Анну Прокопьевну Брылину в Алтынае по местной легенде

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

Анна Прокопьевна Бурылина

считают, что уж она-то Ксюшу видывала.

Сухонькая старушка на последнем десятке перед первой сотней лет, одиноко коротающая долгие деньки в скромном (на одну русскую печку) домике – женщина честная:

– Не видывались с Ксений Александровной. Нет, не видела. Не привелось. Но вот её стихи – вся моя жизнь.

История простая. Ксения Некрасова умерла в 1958 году. А Анну Прокопьевну – рабочую деревенскую активистку – в 1950-м определили в председатели здешнего сельсовета. Впервые о замечательной землячке Анна Прокопьевна услышала, когда в сельсовет пришло письмо из Союза писателей: писатели союзно просили просветить подробности рождения Ксении Александровны. Брылина пылко взялась за писательское поручение, но мало чего узнала. Опрашивала старожилов, и Васильковых, и Пауковых, Брылина Порфирия Ильича, но те мало что могли и умели сказать. Порфирий Ильич знавал в былые времена горного инженера Александра Некрасова. Но был ли инженер истинным отцом? либо принял девочку в свою семью – запамятовал. Адмирал Колчак в гражданские годы забрил горного инженера в свою армию (около местной церкви шли страшенные бои!), а некрасовская семья неведомо куда-то подалась.

Запутавшись в родовых истоках великой землячки, Анна Прокопьевна открыла для себя главные жизненные стихи своего бытия.

БАБУШКИН РЕЧИТАТИВ

Мои стихи добры и... они хорошего желают и домам... и кланяются первыми при встрече с людьми рабочими. Мои стихи как ученики стоят на страже поэзии моей, когда сограждане идут в поля, ведут машины. Мой стих слышит, как корни в почве собирают влагу, а потом из корневищ над землёю встают могучие сады. Вот это её стихотворение. Дальше – она любила природу, воду, речку, на берегу речки или озера. Вот озеро, лесное озеро с обрывистыми берегами, где часто толпились зелёные берёзки, а клёны, а сосны и клёны, как железные, стоят, обвитые хмелем до самого верха. Шёл человек берегом из лесу – в больших болотных сапогах, в дублённом коричневом кожухе, а на плече и на спине на кожаном ремне, как лоскут осени, лиса висела. Я друга из окошка увидала и, простоволосая, выскочила к нему на крылечко. Он долго целовал мне руки, шею, плечи. Плечи. И мне казалось, что сам могучий клён ласкает меня своими листьями. Долго мы стояли на крылечке. И, колебля хвойными крылами, стоял Урал на мощных лапах.

У читателя есть священное право – искажать. Он так услышал. Это его право. Читатель конгениален автору. По-другому быть не может.

– А Ирбитка существует, речка?

– Да мы возле неё сидим.

– *Развесила небо сушиться, а потом мы овечьи шубы надели. И сели в телегу, и с плугом поехали в поле сеять. Один брат ноги свесил с телеги, и взбалмошный воздух, как слитки в глаза другого, в тележние щели глазели. Ну а я, а я, посреди телеги, как в деревянной сказке сидела. Вот так. Вдруг посыпал снег из туч. И вдруг зари багровый луч поверхность мглистую задел. Сугроб в тиши зарозовел. Старинным серебром отяжелели... Ну вот, забыла... На бурю брёвна шапки крыш, а небеса, как вздох весны, вдруг синим цветом зацвели. А могучие деревья поднимались из снегов, пронзая плахами сучков обледеневшие сосульки. И мой взор заликовал, но испуг и тихий ропот защемили в висках и стало больно. И хотелось плакать или писать стихи. Народ, рождённый в бурях и метелях, возник. И вот с младенческих мгновений – до седины в висках – прожил чуждой жизнью. Храните родину мою! Её берёз не забывайте, её снегов не покидайте. Не плачьте, мои стихи, не плачьте. Надень на плечи рюкзак, русскую палку в руки возьми, иди по неведомым звёздам дорог, себя людям неси.*

– Спасибо, Ксения Александровна, спасибо тебе, – благодарит почти столетия гражданка России.

Простая деревенская работящая женщина, всю жизнь которой осенили простые истины поэзии.

Писатели всего мира! Позавидуйте поэту Ксюше. Полвека читательской верности, на излёте женской жизни – но: навсегда. Есть ли у Вас такая читательница?

Ведь читатели даже существеннее, чем Ваш шедевр? Или не так?

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ КСЕНИИ

Ксюша – сибирский феномен, азиатское явление. Явленная Азия – как культ радости и природного счастья.

В чём природное счастье? Природа счастья – и природа, и счастье.

Если в России и есть поэт (поэты – вам известно? – не умирают), достойный честной Нобелевской премии – то это Ксения Некрасова. Умеет ли Бог говорить? Могли бы мы услышать от него русскую речь?

Есть подозрение, если бы он заговорил – мы бы услышали речь, похожую на строки Ксении.

Так ясно, что – никогда не догадаться.

Хочется определиться: безыскусные, бесхитростные, незатейливые строки.

Всё не то...

У простых слов, произносимых, произнесённых Ксенией, невероятная глубина.

Океан подозревает о своей глубине?

А она – казалось бы – скромное озерко? Жемчужина – озеро.

Среди редких тех, кто странницу бытия и невесту человечества понимал и привечал – Анна Ахматова.

Но...

Великая Анна (незакатное солнце женской рифмы) чётко, по-женски цепко, беспощадно трезво вывела для себя:

– Я – великая, а она – чудо.

И привкус этой обиды (на кого? – на себя? на природу?) наверняка – Я не чудо! – не позволял беззаветно принимать эту странную современницу с дальних Ирбитских Вершин.

И, впадая в ахматовскую логику, вдруг осознаешь и поймёшь:

– Это чудо!

Русская литература – это чудо!

Не искусство ремесла и мастерства.

Чудо.

Могло не быть, но – случилось.

И для примера.

Чудо «Тихий Дон». Ну не мог двадцатидвухлетний молокосос написать! Но – написал.

Чудо «Конёк-Горбунок». Ну не могла девятнадцатилетняя провинциальная деревенщина на такое сподобиться. Но Ершов – сподобился.

Чудо Андрей Платонов.

И она, Ксения Некрасова. Чудо Ирбитских Вершин.

Явленные чудеса русской литературы. Самой, как чуда.

Надо ли искать в ней то, чего в ней нет?

а хочется

трагическая фигура... не трагический поэт и, может быть – самый радостный урок вселенской радости

Урок радостного бытия.

Она, Ксения – страдалица.

Но поэтесса Некрасова не пересекается с собой, страдалицей Ксенией.

В её строках выстрадано иное: радость, близкая счастью.

Счастливый человек – среди несчастных – среди тех, кто хотел бы считать себя несчастным. Счастливая среди несчастных сограждан.

Несчастные её не поймут, но захотят сделать её – своей.

Если бы Нобелевскую премию давали за истинную божественную поэзию, полагаю, у Ксении Некрасовой русских конкурентов оказалось бы немного.

На мой, сугубо субъективный взгляд: для острастки, себе – для понимания: всё творчество нобелевского лауреата Иосифа Бродского, сказать бы, не стоит одной строчки блаженной Ксюши.

Ксюша – истинна.

Подлинна.

Она – настоящая.

Только одна Ахматова это бездонно поняла. Но не переварила.

Заметили? Когда знатоки хотят определить творчество Ксении Некрасовой, то не находят подходящих слов в русском языке.

космизм... примитивизм... наив...

Михаил Пришвин, ища слова, про неё сказал: «невзрачная, нелепая, необразованная, неумеющая, но умная и почти что мудрая».

Может, действительно Ксения Некрасова выпадает из русской традиции? Из русского строя – строя русского языка?

Понятно, нет.

Но её действительно не просто определить. Она – не явление литературы.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

Анатолий Омельчук берёт интервью

Она – явление природы.

Она настоящая, истинная, естественная. Подлинная.

Кто-то сказал: всё прочее – литература...

И не надо её вписывать в литературный канон. Она – живая. Всегда живущая. Её слова проросли. Они родились в ней.

Она почему застенчиво и бесстыдно позировала Роберту Фальку обнажённой? Она – мать своих слов. Она их родила. Посмотрите, вот я – мать. Матери стыда не знают и сраму не имут.

Критерий истинного поэта – непереводим.

Непереводимость.

Поэт может состояться только в родном языке. Глубины слова столь бездонны, что с другими глубинами не сопрягаются.

Русскую Ксюшу и не пробовали переводить. Редко. Исключительно. Любой переводчик опустит руки. Это русский язык, русские смыслы, русские образы, которые на иной – не переводятся.

Её можно читать только на русском. И если вам важно постигнуть истины вечного народа, изучайте родной Ксюшин язык.

Она бесстрашно прыгнула в глубины русского слова, как – в солнце, чтобы оно раскрылось в своей подлинной солнечной сущности.

Она ли произносила эти сокровенные слова?

Слова ли говорили ею?

И что Россия хотела сказать своей Ксюшей?

Её не знали при жизни. Мало знали. Это не хорошо и не плохо.

Сегодня её помнят только те, кому это благословлено: помнить. Это надо заслужить:

– Помнить слово Ксении.

Она и сама знала чудо:

– Слова происходят.

Это ремесло, к которому она стремилась:

– Слова прорастают

Мы её ищем? Или это она ищет нас?

Она к нам приходит?

На фоне сибирско-уральских алтынайских ландшафтов звучат стихи Ксении.

Стихи читают:

– девочка Настя из Алтыная

– Ксюшин современники Илья Глазунов

– библиотекарша из Ирбита

– старушка Анна Брылина

– последний рыцарь русской классики Дмитрий Шеваров

– умелый пастух алтынайских коров профессор Леонид Быков

Я вижу как по алтынайскому лугу, по ирбитскому полю, по этой сухоложской опушке летают, прыгают, бегают, играют в догонялки, перегоняя друг друга, зависая на листьях травы её простые великие строки.

Изящная каллиграфия! Наша, исконная, будет покрасивше хвалёной китайской.

Занявшись ею, что мы открыли? Узнали?

Боюсь, это она открыла нас.

Открыла нас – для себя.

Мы вошли в её мир. Простой. Божий.

Мы вошли в её мир как – в радость.

И уже ничто не помешает жить – радоваться.

Ведь сами строки вряд ли имеют определяющее значение. Главное – впечатление глаз и ощущение в гортани, которые они оставляют на вкус, читающих их.

Что произошло?

Что случилось в мире?

Дождь пролился. Трава зеленеет. Гроза прошла окаёмом. Течёт скромная речка Ирбитка. А на Ирбитских Вершинах млеют на летней жаре уральские сосны.

И пришла в этот мир местная девочка Ксюша, Ксения.

Ей был дан дар слова. Живого природного слова.

И она угодила природе. Она своё слово сказала.

Это и произошло.

А это кто-то другой произнёс:

– Невеста человечества.

Вы хотели бы радоваться жизни?

Не получается? Не сразу получается.

Ксения Некрасова – честное слово! – вам поможет:

я полоскала небо в речке.

АЛТЫНАЙ – ИРБИТСКИЕ ВЕРШИНЫ – СУХОЙ ЛОГ – ЁЛКИНО

Ольга ЗЕЛЕНИНА

МНЕ НЕ ХВАТАЕТ ТЕБЯ...

Я хочу рассказать о маме – Талигиной Марии Гавриловне. Человеке, давшем мне самое дорогое, что есть на свете – жизнь. У меня была самая прекрасная мама. Самый гениальный человек на свете, но, к сожалению, рано ушедшая из жизни. Я очень об этом жалею...

Летом я сдала выпускные экзамены в педагогическое училище, и на этой же неделе сдала вступительные экзамены в НГПИ. Мы с сестрой решили съездить домой после сессии, на «Метеоре» добрались до Азово. Наш путь до родного села Овгорт продолжился на моторной лодке.

Наконец приехали домой через несколько часов. Ворота открыты. Нас никто не встречает. Только дверь скрипит... Как-то совсем непривычно. Нас мама встречала всегда, но мы же её не предупредили, о том, что мы приедем. Подошли к своему дому, я посмотрела в сторону окна. Вдруг я раньше смогу увидеть свою мать через окно. Стучаться в дверь не стала, чтобы не испугать её. Открыла входную дверь, вошла... потом мать нас увидела. Я прошла на свет в комнату. Тут мама кинулась... встречать. Она нас обняла, как положено по-хантыйски. С трудом сдерживали вдруг подступившие слёзы. Тот день был счастливейший в жизни.

Мы за месяц сделали ремонт в родительском доме. Рубили дрова для школы. На двух плотах сплавляли лес вниз по течению в сторону посёлка. Как только в июле сдали дрова, отправлялись на покос. Тогда нашей маме выдели целый остров. Сено косили для школьной лошади.

Пролетело лето. Мне в конце августа нужно было вернуться в Ханты-Мансийск на учёбу. Мы уезжали. Собираемся на берег ехать обратно. Учёба. Работа. Мама нашла транспорт, чтобы нас увезли в Азово. Мама провожала, как полагается по-хантыйски. Всех поцеловала, обняла и сказала: «Когда вы ещё с большого города вернётесь?» Немного смеялась, шутила с нами и по её щеке катилась слеза, но она улыбалась. И говорила, и говорила. Не хотела, чтобы разговор с детьми вообще прекращался. Мы уже сели в лодку. И время пришло уже лодку отталкивать с берега. Мама держалась за корму лодки, и думает про себя. Ещё раз бы увидеть мимолётные очертания светлой тени любимой внучки. Дети не подозревающие, что их мать с глазами полными слёз, следит за каждым их движением. Затем ей предстоит прощание – в который раз – теперь с дочерьми и внучкой. Она знает это прощание – последнее. Но жизнь уже приучила её к подобным прощаниям. «Не отпущу, я вас!». И в тоже время понимала. Работа. Учёба. Хозяин лодку оттолкнул, и слышно, как галька царапает дно лодки. И волна плещется на берег. А мы машем маме и кричим изо всех сил: «Мы ещё приедем. Прощай!». Мама надвинула платок вперёд. И глаза наполнились тяжёлыми слезами, горло сдавил тугой комок. Мама долго ещё стояла на пустом берегу. Как потом нам наша тётя Настя рассказывала. А наш мотор, как

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

назло, быстро завёлся. И мы помчались по Сынским холодным волнам. Тёмное пятно в последний раз промелькнуло перед нашими глазами, но скоро оно совсем скрылось из виду. В одно мгновение посёлок остался за поворотом. На поверхности реки можно было разглядеть лишь вспененные буруны от винта.

Прошёл месяц. Но вот теперь я уже студентка вуза. Сидела на лекциях, мне принесли телеграмму, и я радостная побежала к двери, чтобы заполучить её. Откуда? Мне хотелось узнать, какой текст? «Умерла мама, приезжайте!». Дата: 6 октября 1998 год.

С сестрой купили авиабилеты до Салехарда. Мы узнали от дяди Лёни, он заведующий травматолог, что в его больнице двух женщин привезли на санрейсе из Овгорта. Мы сразу побежали в больницу. Пытаемся узнать в их палате, присаживаемся к кровати от одной женщины к другой. Спрашиваем, что всё-таки произошло? Тётю Настю, которую привезли на вертолёте. Оказывается, она узнала страшную весть, ей сообщили люди поселковые, что умерла Талигина Мария Гавриловна – моя мама. Услышав весть, она встала и пошла к двери. А возле двери мотор был поставлен её сыновьями. «Вихрь -30». Тётя Настя решила пойти сразу в дом Марии, моей мамы. У неё закружилась голова, в глазах всё потемнело. Нащупывая выход, наткнулась на мотор. Он упал на неё и продавил ей голову. Вызвали вертолёт в деревню, её доставили в Салехард. А рядом в кровати – соседка, тоже из Овгорта, и ей оторвало руку, доставили первым рейсом, тётю Настю – вторым. Какой-то странный и ужасный день. Самая близкая подруга моей мамы – Акулина. Мы спрашиваем: «Что случилось с нашей мамой?» Она не может выговорить слов, потому что боли и страдания, нет подруги, нет самой лучшей подруги – Талигиной Марии Гавриловны.

Она рассказывает сквозь слёзы. «Что Ваша мама, Мария, ценой собственной жизни спасла мою жизнь. Она всё время пыталась меня защитить. Она меня спасла. Она закрыла телом, прикрывала всё время и закрывала меня. Она жертвовала собой, возможно, думала о том, как защитила другого человека». И только что мой дядя травматолог ей закрепил руку с помощью спицы, а потом в будущем рука стала полностью рабочей. Одна моя тётя Настя – с продавленной головой, вторая мамина подруга Акулина – с оторванной рукой, истерзанная зверем, попали в одну больницу, в одну палату.

Оказывается, моя мама с подругой Акулиной пошли в лес. Каждый год ходили по ягоды, а заодно нарвать травы-осоки, которая подходит для стелек. Особенность травы-осоки в том, что её собирают осенью, после первого снега. Уникальность травы в том, что осока сушится и обувь сушит. Вот эту траву-осоку уникальную они и ходили собирать. Сухую траву использовали вместо стелек, круглый год хранили в амбарах, сараях, в прохладном месте. Ноги всегда были сухие, в тепле, независимо от любой влажной или холодной погоды. Так вот, они с Акулиной всегда ходили в лес по ягоды, а на этот раз вместе пошли срезать осоку. Акулина и моя мама. В лес пошли, за союм (так по-хантыйски называет маленькую речку). Мама и Акулина. И на них напал медведь-шатун. А моя мама пояс с узорчатым ножном всегда брала в лес, который завязывает на платье. Медведь напал на них. Зверь кувыркается, то к Марии, то к Акулине… Чуть позже Акулина пыталась спрятаться в обрыв. Может, там в обрыве, хищник не найдёт её, и потихонечку она отползёт по песку, хочет подняться и бежать, но нет сил. Как людей позвать на помощь? Акулина плачет, надо потихоньку отползать, пока медведь не стал рвать на куски, в сторону посёлка. И слышит стоны моей мамы.

Неожиданно медведь развернулся и длинными прыжками устремился в лес. Сил нет громко кричать. «Мы здесь! Мы здесь! Приходите к нам на помощь!» Рыдает Акулина! Но нас никто не слышит. Я кричу, но нас слышно только на метров десять. Теперь важно лишь одно – сохранить силы до последнего часа. И чуть слышно стоны моей матери. Они утихали часом, минутой всё тише и тише. Несчастная, смертельно усталая, истекающая кровью. Теперь ей, осталось жить считанные секунды... Ни один человек не умирает по-настоящему, пока по-настоящему любим хотя бы одним человеком на земле.

Кое-как Акулина доползла до берега с оторванной рукой, которая болталась. У меня был самый тяжёлый день в жизни... и было в этой жизни у каждого из наших героев в три короба радости. Вот так мечется человек, как окаянный, а сделать ничего не может. «Кричу на весь лес. Кричу на весь лес. Мы здесь... Как-то они меня всё-таки услышали и пришли» Потом они их вместе двоих несли на носилках по лесу до самой деревни. Так две женщины оказались в окружной Салехардской больнице.

А моя мама была похоронена без нас с сестрой. Нам родственники передали похоронные фотографии. Мы из Салехарда не могли вылететь в родной посёлок. Ездили в аэропорт 15 раз, туда-сюда, и всё время отменяли рейс. Мы каждый день ходили к тёте и подруге мамы Акулине в травматологию. И каждый день они рассказывали нам о нашей маме. Как они жили все вместе. Последние годы, месяцы, недели, дни, часы и минуты... Наконец-то мы сели на наш долгожданный рейс. Мы прилетели, а наши сёстры из других городов уже простились с мамой. Успевали только обняться также по-хантыйски, и поцеловаться. Над нами крутились лопасти вертолёта, с трудом разглядывали лица и прижимались друг к другу и прощались.

Только сестра Нэлли, как говорят, ездит в стадах. Осенью все оленеводы возвращались из-за Уральских гор. Они кочуют обратно. И Нэля в это время в пути, со своей бригадой и семьёй каслают каждый день через заснеженные горы в сторону Ямала. Ей передали страшную весть самой последней. Где-то в конце декабря, сильные морозы ударили, ветра сильные подули. Перед бригадой стоял план, вывести всё стадо из-за гор без потерь. Надо во что бы то ни стало бригаде вернуться на Обь на зимние пастбища. Директор совхоза Степан Семяшкин всем оленеводам этой бригады сообщил по рации. «Умерла Талигина, мать Нэлли... Приём. Семье Нэлли не сообщать страшную весть, её беспокоить нельзя!»

Она знала, что где-то в деревне её мама ждёт, которая большой семье шьёт кисы, малицу и ягушки. А Нэля уже приготовила и лапы и шкуры, потому что они так договорились с мамой перед отъездом на Урал. И долгими

вечерами мама всегда пела песни и шила, потому что только так, быстро пролетает время, в трудах.

В течение трёх месяцев Нэлли не знала бригадирской тайны. Вспоминала каждый день маму, и говорила всё про маму. Не знала почему никто из женщин не разговаривает. И всё время мучилась... весь ноябрь, декабрь месяц. Люба, её свояченица, повысила голос и говорит: «Ты, Нэлли, заметила, что каждый день ты говоришь про свою маму. Ты не заметила, что каждый день вспоминаешь, и все молчат, никто обратно не отвечает». И молчание. Нэлли вспоминает, что говорила, что дарила, так обычно говорят о людях, которых нет с нами, которых нет в живых. По обычаю, о несчастье надо говорить всегда вовремя. Она в положении. Урал перешли, выехали за продуктами. Ей хотели сказать в первом селе. И все присутствующие сделали вид, что как будто несчастье произошло совсем недавно. Все коллеги и родственники и близкие берегли её. Они не могли сказать просто, твоя мама умерла.

Наконец-то всей бригадой преодолели эту границу. Нэлли, как всегда, собиралась домой, запрягла передовиком оленя, которого подарили родители. Пенгкие – так называла мама ласкового своего белого оленя. Они ехали домой на нескольких «Буранах». А муж Валера тоже не знал ничего о смерти матери своей жены. Ещё трёх оленей поймал, чтобы по традиции провести обряд – ведь долго они не виделись, почти шесть месяцев. И не знали о смерти матери, что их уже давно, ещё в октябре ждали все родственники, ещё в октябре месяце. Не было связи телефонной, могли только по рации передать, узнать, кто как себя чувствует. Так как она ждала прибавления в семье, и ей не было возможности выехать, поэтому и не сообщали.

Нэля собралась домой в деревню. Накупила детям сладости, потому что с весны до самого лета они ели сухари да и мясо сушёное. И наконец-то скоро исполнится всё, что хотела сказать родной, с чем не поделишься самым сокровенным с другими женщинами. Что ей снилось. Спросить, почему так? Увидит свою маму, но не знала главного... Что происходит с окружающими её людьми, они знали, что уже её не обмануть. Но вот пришло время, когда-то узнать страшную весть. Она уже едет в посёлок, так и никто не осмелился сказать. Ей снится сон о маме.

Нэлли с мужем и детьми приехали в деревню. Все знали, что люди на «Буранах». съезжались в этот дом, в котором уже больше не идёт дым из трубы три последних месяца. Собаки не лают три последних месяца. Едет та дочь, которую ждал весь посёлок. Которая и сегодня бы была жива, если бы она не была такой заботливой и трудолюбивой, не ходила туда, за союм, собирать траву-осоку. В голове любимой дочери не укладывалось, так не бывает... Она чувствовала... что-то с мамой. Нэлли упала в обморок.

А мы пришли к дому, ворота открыты. Нас уже никто не встречает.

Только та же дверь скрипит... Как-то совсем непривычно. Нас мама встречала и провожала всегда, так же было месяц назад. Нас встречала мама, и мы от радости смеялись и плакали... А тут только родственница Зинаида сказала: «Давайте я вас хоть поцелую». И обняла, как положено, по-хантыйски, вместе с нами плакала от горя. И мы до сих пор не могли поверить. Теперь родительский дом пуст.

г. ХАНТЫ-МАНСИЙСК

Ольга Владимировна Зеленина (Талигина) родилась в селе Овгорт Шурышкарского района в семье хантыйского рыбака. Она окончила в 1996 году Ханты-Мансийский педагогический колледж и в 2001 году Ханты-Мансийский филиал Нижневартовского пединститута. В последнее время Ольга работает в телекомпании «Югра».

Рисунки Надежды Талигиной

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ПОЧЁТНОГО ПОЛЯРНИКА: СЕРГЕЙ СПИРИН

Сергей Алексеевич Спирин родился 7 августа 1956 года в городе Новочеркасске Ростовской области. Место проживания семьи определялось местом службы отца, Спирина Алексея Степановича, кадрового военного, танкиста. В 1966 году таким местом стал город Белореченск. После окончания в 1973 году железнодорожной школы № 68 Сергей поступил в Туапсинский морской гидрометеорологический техникум, который закончил в 1976 году. После службы в армии, имея на руках свободный диплом, уехал работать гидрологом на Чукотку в бухту Провидения. Через год, после окончания Учебно-тренировочного отряда при Магаданском управлении гражданской авиации был переведён в город Певек, где продолжил свою трудовую деятельность в качестве гидролога ледовой авиационной разведки.

За годы работы Спирин освоил инструментальные и визуальные виды морских авиационных разведок на разных типах самолётов и вертолётов от Ан-2 и Ми-2 до Ту-134 СХ. Принимал участие в поисках вариантов новых самолётов ледовой разведки, взамен ушедших Ил-14. В составе научно-оперативной группы Штаба морских операций Восточного района Арктики отработал 17 навигаций, практический налёт за эти годы составил около 6000 часов. За вклад в обеспечение плавания судов по трассе Северного морского пути, высокий профессионализм, участие во многих сложных, а порой и уникальных работах по обеспечению доставки грузов и спасению людей в самых труднодоступных пунктах Арктики, Министерством морского флота СССР в 1991 году награждён знаком «Почётному полярнику».

В 1995 году Спирин вернулся на постоянное место жительства в город Белореченск. Спокойная пенсионная жизнь продолжалась до получения приглашения на работу в Антарктиду из Арктического и антарктического научно-исследовательского института в 1999 году. После первой антарктической зимовки на станции Прогресс (1999–2000 г. г.) последовали вторая (2002–2004 г. г.) и третья (2006–2007 г. г.), в перерывах между которыми была работа в Северо-Кавказской военизированной службе по активному воздействию на гидрометеорологические процессы, Белореченском районном узле связи и крестьянском фермерском хозяйстве. Работа в Антарктиде, как и в Арктике, кроме академического имела и прикладное значение. Приходилось решать навигационные задачи, связанные с движением судов во льдах и обеспечением безопасности при прокладке ледовых дорог по припаю и леднику. Всё это происходило в рамках международного сотрудничества. Сложность решаемых задач усугублялась почти полной неизученностью района. В гидрологическом смысле акватория, прилегающая к станции Прогресс, представляла «белое пятно».

Наблюдения, начатые в 1999 году, продолжаются до наших дней, станция из сезонной, неприспособленной для зимовки базы, превратилась в современную полярную станцию, оборудованную по последнему слову техники – форпост российской науки в Антарктиде. В этом есть вклад и участие Сергея Алексеевича Спирина.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

Сергей СПИРИН

МНЕ ДРУГОЙ ЖИЗНИ НЕ НАДО

1. Золотая рыбка

А дело было так: сидим ловим карасей, мешок, в который мы их складывали, переполнился, и я решил отнести добычу в домик, где есть холодильник, и заодно принести новую тару. Мой дружок Вова просит меня прихватить пивка из холодильничка. А пока я ходил, к месту, где мы рыбачили, подошли юные рыбаки и сели рыбачить рядом с Вовой. Очередная подсечка, и Вова вытаскивает золотую рыбку. Местные рыбаки привстали, а Вова и говорит: «Рыбка золотая, надо бы желание загадать». Почесал затылок и с таким видом, как будто ловит золотых рыбок каждый день, заявляет: «Пивасика хочу!» И тут появляюсь я с бутылкой холодного пива. Сказать, что с местными случился столбняк, это не сказать ничего. Немая сцена, как у классика в «Ревизоре»... Рыбку мы, конечно, отпустили. Второй день рыбалки, действующие лица и исполнители те же. Молодёжи явно нужна рыбка, исполняющая желания. Но рыбацкое счастье капризно, а фортуна опять улыбнулась Володе. Снова золотая рыбка в его руках, и, слегка помедлив, он царским жестом дарует ей свободу. Толпа ахнула: «Как... и желание не загадал?» Но после того как Вова поймал подряд штук пятнадцать хорошеньких карасиков, всем стало ясно, что Вовка не так прост и рыбка без заказа не ушла. Проверка на интеллект: какое Вовино желание исполнила рыбка? Вот такие вот дела рыбацкие.

Май 2012 года

2. Славины песни

21 октября 1987 года впервые в истории ледовая разведка по маршруту Певек – Медвежьи острова – Черский для атомохода «Сибирь» не была выполнена из-за чудовищного обледенения. Оно началось на первом галсе у мыса Шелагский. Срывающиеся с кончиков винтов льдинки, ударяясь о фюзеляж ИЛ-14, создавали впечатление сыплющегося на самолёт песка. Это никого не взволновало – такие условия полёта в осенней Арктике не редкость. Кромки крыльев покрылись тонкой корочкой прозрачного льда. На втором галсе после разворота на запад обледенение усилилось и с винтов полетели крупные куски льда, удары которых о фюзеляж напоминали частую барабанную дробь. Сильного беспокойства это тоже не вызвало, антиобледенительная система работала, с кромок крыльев набегающим потоком воздуха периодически срывало лёд. Всё шло как обычно. Рабочая высота 100 метров, видимость под собой. Экипаж и гидрологи при деле. Очередной разворот – легли на третий галс и началось – самолёт стремительно начал обрастать белым ледяным панцирем. Лобовые стёкла замёрзли, и попытка командира очистить их с помощью штурманского транспортира через открытую форточку потерпела крах. Небольшая очищенная поверхность стекла мгновенно покрывалась толстым слоем рыхлого белого льда. Плоскости перестали сбрасывать лёд. Жучки-моторы затряслись, и их необычная вибрация стала ощущаться в кабине. Барабанная дробь усилилась, вероятно, куски льда, бьющие по корпусу всепогодного корабля, стали крупнее. Нужно было принимать решение: продолжать разведку или уходить от обледенения. Конец сомнениям положил первый сильный удар по обшивке. Впечатление было такое, что кто-то снаружи бросил в наш самолёт кирпич. Потом кирпичи стали попадать в наш лайнер всё чаще и чаще. Казалось, что огромные куски льда хотели пробить обшивку и ворваться в салон. Машина отяжелела, вероятно, она набрала не одну тонну льда. Поскольку полёт протекал на небольшой высоте, путь к свободе от ледяных оков лежал только

наверх. Командир корабля прекрасно это понимал, и мы начали набор высоты. С выходом на берег облачность отступила и обледенение прекратилось, с винтов слетели последние кирпичи и ледяные песчинки, а вот на крыльях и фюзеляже лёд сохранился до посадки в Черском. По образному сравнению кого-то из лётчиков, со стороны самолёт выглядел как Дед Мороз. Толщина ледовых образований на внешней кромке крыльев и в носовой части достигала примерно 15–25 сантиметров, а в плоскости вращения винтов на корпусе нашей ласточки после кирпичного обстрела остались глубокие вмятины.

Кто-то из проходящих мимо техников спросил: «Откуда такой?»

Ответили: «С ледовой».

«Заметно», – только и вымолвил любопытный.

Пришли в профилакторий. Встретили Славу Котова. Рассказали ему про наш полёт. Тут же появились пять огромных бутылок портвейна и гитара. Потом к нам присоединились Саша Бутыленков, Крокодил Гена и ещё кто-то, всех не помню. Портвейн на столе обновлялся не раз, закуска была как всегда изысканна, но главное – были Славины песни и не было пьяных...

«Вот такая песня».

Командиром в том полёте был Вова Замараев, гидрологи Илья Ягубов и я, остальных членов экипажа, к сожалению, не помню. Давно это было. А номер нашей ласточки 61762.

14.10.12.

3. Пешком пришёл

Ледовый борт. Десять минут до взлёта. Лётчики пристёгнуты. На своём рабочем месте медленно, как чайник на плите, закипает первый гидролог Анатолий Иванович Кудрявцев. И есть отчего. На вылет опаздывает его напарник – молодой, но уже опытный второй гидролог Илья Ягубов. «Анатолий Иванович, может, задержечку дадим?» – спрашивает командир. «Поехали! Мальчишек учить будем. Пешком пойдёт», – ответил Кудрявцев. И поехали. Самолёт вырулил на полосу, разбежался и улетел, помахав крылышками подъезжающему к аэропорту Илюхе.

Справедливости ради надо сказать, что полёт не имел большого навигационного значения, просто машина вылетала ресурс, её надо было заменить на другую и вернуться в Певек. Полёт предстояло выполнить по чистой воде вдоль берега моря до устья реки Колымы и далее вверх по течению в аэропорт Черский. Чистую воду несложно отметить на карте и без второго гидролога. Но сам факт опоздания к вылету вызывал у Кудрявцева бурю негодования.

Увидев исчезающий в голубом небе самолёт с красными крыльями, Илья растерялся. Но с принятием решения подняться к диспетчерам растерянность прошла, а после встречи со знакомыми пилотами, выполняющими пассажирский рейс по маршруту Певек – Черский на ИЛе, стало ясно, что в пункт назначения он попадёт раньше, чем ледовый борт с Анатолием Ивановичем.

Посадка в Черском всегда приятное событие. Всё дело в том, что здесь есть лес. От Анадыря до Тикси леса нет, а тут есть. Краснокрылая ласточка мягко коснулась бетона полосы и покатила на стоянку под горкой. Распрощавшись с лётчиками, вдыхая лесной аромат, инструктор ледовой разведки Анатолий Иванович Кудрявцев отправился отдыхать в старенький деревянный профилакторий на краю посёлка.

Уютно устроившись в тишине профилактория и предвкушая встречу с Кудрявцевым, Илья Михайлович Ягубов наслаждался покоем и читал свежую газету. Мягкое кресло и сигаретка создавали ему дополнительный комфорт. Скрип деревянных ступеней возвестил о приближении мастера ледовой разведки. Дверь распахнулась, и в полутьме гостиничного холла Анатолий Иванович разглядел Илью с сигаретой в зубах.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ МР

Изумлению его не было предела. Нога, занесённая над гостиничным порогом, так и зависла в воздухе, а отвисшая челюсть чуть не упала на пол. И на приветливую фразу Ильи: «Проходите, Анатолий Иванович, я вот и чаёк уже заварил» – мастер пробормотал что-то нечленораздельное. А когда к нему вернулся дар речи, только и смог произнести: «Уважаю! Как ты добрался?»

«Пешком пришёл», – простодушно ответил Илюха.

Дружба этих людей продолжалась много лет.

22.10.12.

4. Биг хантер

Ольга давно уговаривала мужа взять её на гусиную охоту.

Боря был неумолим: «Баба на охоте? Да ты с ума сошла!»

Пришлось Ольге уламывать завгара и компанию охотников самой. В дело был пущен главный аргумент – пузырь, и не один. В предвкушении незапланированного возлияния охотники вынесли вердикт: «Берём! Ольга – смелая женщина – росомаху из тамбура голыми руками выбросила...» Никто и не догадывался, что, ворующую рыбу росомаху Ольга перепутала с собакой. Схватила её за загривок, вышвырнула из тамбура на свет, а когда увидела, кто это, сама чуть не умерла от страха. Впрочем, зверюга от такого бесцеремонного обращения испугалась не меньше и, долго не раздумывая, рванула в тундру.

К месту сбора супруги шли разными путями. Ольга пришла раньше и первой забралась в вездеход. Подошедший чуть позже Борис был удивлен присутствием жены, но вида не подал. Вездеход тронулся под хохот беспечных охотников.

До места охоты километров пятьдесят – кувыркались по тундре часа четыре. Приехали, разбили лагерь, расставили скрадки. Сутки просидели – нет гуся. Погода гнусная: то туман, то дождь со снегом, а то и снег с дождём. Одним словом, капризная северная весна. Охотники не ропщут, народ бывалый и валить неудачу на женщину не стали. Всякое бывает, и без баб случаются охотничьи неудачи. И вдруг туманчик зашевелился, приподнялся, превратился в облачность, а к полудню следующих суток и облачность рассеялась. Тепло и солнечно стало вокруг. Снег стал подтаивать, тундра ожила, и появился первый гусь. Летел он очень высоко, из ружья не взять. Старый опытный охотник в таком случае и руку к ружью не протянет. Но не такая наша героиня. Сообразив, что мужики почему-то стрелять не станут, а добыча уходит, Ольга в отчаянии схватила карабин и с вытянутых впереди себя рук бабахнула вертикально вверх. Карабин удержать ей не удалось, и он упал на землю – охотники развеселились, но смех мгновенно стих, когда прямо к костру упал огромный гусак... Ко всеобщему удивлению, у него не было головы. Охотники, как зачарованные, глядели на Ольгу.

«Вот это выстрел!» – восхищённо выдохнул кто-то из них.

И гусь пошёл, и была шурпа, и жареная гусиная печёнка. А возвращение с охоты было триумфальным, с богатыми трофеями. И все радовались тому, что полярка надолго обеспечена мясом.

Эту историю мне рассказал Борис Григорьевич Фрейлих в аэропорту города Анадырь, где мы застряли по погоде и ждали рейс на Певек.

16.10.12.

5. Ты же мужчина

«Кроты», – сказала жена.

«Что кроты?», – не понял Николай.

«Губят наш урожай на даче», – пояснила женщина и добавила с упрёком: «Коля, сделай же что-нибудь. Ты же мужчина».

Получив от жены такую вводную, Николай поскрёб огромной мозолистой рукой затылок и призадумался. Последний мужской поступок был совершён им месяц назад, когда они с Катей принесли из магазина новый настенный ковёр. Ковёр был очень красив, а яркие, насыщенные с переливами цвета, придавали ему особое великолепие. Коля выстрогал аккуратненькие чопики, просверлил в стене отверстия и не спеша заколотил туда кусочки дерева. Гвоздики, на которых должен был висеть ковёр, отливали медью и, чтобы от ударов молотка шляпки не потеряли свой цвет, Коля забил их через дощечку. Наконец ковёр был водружён на стену, и в комнате стало светлей и уютней. Жена с благодарностью посмотрела на Колю. Проблема возникла ближе к вечеру, когда Катя решила погладить бельё. Дело в том, что единственная в комнате розетка оказалась под ковром. Вот тогда-то и прозвучало: «Коля, сделай же что-нибудь. Ты же мужчина».

«Завтра», – буркнул озадаченный Николай.

«Завтра» пролетело незаметно, долбить стену для

переноса розетки не хотелось, а до прихода Катерины с работы оставалось не больше получаса. Слово мужчины надо держать. Озарение пришло внезапно, как гром с небес. Мгновение – и в центре ковра на уровне розетки была проделана дыра. Проблема решена, Николай отошёл от стены довольный собой. Вернувшаяся с работы жена только ахнула от «восхищения» широтой технической мысли Николая…

И вот снова: «Коля, сделай же, что-нибудь. Ты же мужчина».

Работа не клеилась, мысль вертелась вокруг кротов, подсказывая самые невероятные способы борьбы с ними, которые через мгновение ей же и отвергались. Напарник Василий с удивлением поглядывал на Колю. Во время очередного перекура Николай не выдержал и поведал коллеге о своей проблеме, которую тот решил почти не задумываясь.

«Карбид в норки, сверху водички, огоньку и никаких проблем», – изрёк он.

На стройке, где работал Коля, недостатка с карбидом не было.

И вот Коля на даче – битва за урожай началась. Кротовые ходы сообщения заполнены карбидом и обильно залиты водой. Немного подождав, когда горючий газ расползётся по подземным коридорам, незадачливый борец с кротами бросил горящую спичку в кротовый тоннель. Бахнуло так, что дрогнули кроны ближайших деревьев. Соседка за забором истошно заорала: «Теракт! Теракт!»

Причинил ли взрыв вред маленьким зверькам – Коля не узнает никогда, а вот урожайность огорода пострадала конкретно.

Приехавшая вечером на дачу жена, была «приятно» удивлена происшедшей здесь метаморфозой…

20.10.12.

6. «Девушка с веслом»

Вездеход мчался по ухабистой тундре, траки клацали на кочках, как зубы молодого дракона. Машина возвращалась в Певек после обследования берегового варианта трассы зимника Певек – Бараниха. Обычно трассу прокладывают по льду Чаунской губы, лёд ровный, скорость движения транспорта как на автобане, а вот по тундре ездить гораздо хуже, того и гляди что-нибудь от машины отвалится. Но крепкие морозы приходить на Чукотку этой осенью не спешили, лёд в Чаунской губе нарастал медленно, а трасса была жизненно необходима. В посёлке Бараниха заканчивался уголь, а без тепла на Севере даже слабый мороз не пережить. Вот и пришлось проложить дорогу по берегу.

Особенность берегового варианта заключается в том, что зимник пересекает множество тундровых речек и речушек, лёд в которых не всегда может выдержать предполагаемую нагрузку. Вот и приглашают дорожники гидрологов для измерения толщины льда и расчёта его грузоподъёмности. В кабине вездехода вместе с водителем Валеркой ехал старый, опытный и всеми уважаемый дорожный мастер Васильевич. Гидролог Володя, как говаривал знаменитый герой из мультика, «мужчина в расцвете сил и энергии», дремал в вездеходном салоне.

Вездеход иногда останавливался, и Валерка с Васильевичем, каждый со своей стороны, осматривали ходовую часть. Вероятность «разуть» вездеход в тундре очень высока. Пальцы, скрепляющие вездеходные траки, имеют неприятное свойство вылезать в самое неподходящее время, и тогда гусеница слетает с катков, обеспечивая мышечную радость беспечному вездеходчику и его пассажирам. И ещё одна важная деталь вездеходной жизни: связь между людьми в салоне и кабине осуществляется с помощью звукового сигнала, кнопка подачи которого находится в салоне. Длинный сигнал «стоп», два коротких «поехали».

Всё шло хорошо – вездеход летел, траки клацали, Вова мирно посапывал во сне.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

Но… несовершенен человек, венец природного творения, и малая нужда внезапно и настойчиво напомнила о себе. «Мужчина в расцвете сил и энергии» проснулся – и в этот момент вездеход как по волшебству остановился. Не теряя ни секунды, Вовка выпрыгнул из вездехода в надежде решить свою проблему и вернуться на своё место до того, как вездеход тронется. О сигнальной кнопке он даже не подумал. Чудесная остановка длилась недолго, траки снова заклацали, и вездеход, помахивая Вове открытой дверью салона, начал удаляться. Порыв бросить шапку через транспортёр, чтобы привлечь внимание водителя падающим перед его носом предметом, Володя пресёк сразу. Мысль опередила действие на долю секунды.

«А вдруг на крышу упадёт», – заботливо подсказала она, и бросок не состоялся. Плохо без шапки в сорокаградусный мороз в тишине полярной ночи.

Валерка лихо дёргал рычаги управления, давил на газ и попыхивал сигареткой, предвкушая скорое возвращение к молодой жене. Домой не только лошади, но и вездеходы быстрей бегут. Довольный работой гидролога и собой, Васильевич попутно проводил контрольный осмотр намеченной трассы. Отмахали километров двадцать.

«Тормозни, ноги разомнём да чайку по стопочке махнём, у гидролога немного осталось», – сказал он Валерию.

Остановились, вышли из вездехода. Васильевич даже несколько раз присел. То, что увидел мастер, обойдя вездеход, бросило в жар. Дверь салона открыта, и сам солон забит снегом. Лоб покрылся испариной, а глаза старого дорожника вылезли из орбит.

«Человека потеряли, потеряли человека», – жалобно запричитал он.

Валеркины эмоции вылились в одно-единственное слово. Одновременно, не сговариваясь, прыгнули в кабину. Вездеход развернулся на месте и рванул по старому следу.

Гидрологи много времени проводят в полевых условиях и испугать их морозом, тишиной полярной ночи, тундровым одиночеством или пешими переходами трудно. Вот и наш герой надел рукавички, надвинул на лоб меховую шапку и, вдохнув полной грудью морозный воздух Чукотки, отправился в путь по вездеходному следу. Полярное сияние и огромные, как горошины, звёзды освещали дорогу незадачливому гидрологу. И всё же одна тревожная мысль не давала Владимиру покоя. Волки, голодные, злобные волки – вот что лишало покоя нашего путника. Положение спасла доска, подобранная Володей в тундре. Это своеобразное оружие придало уверенности в своей непобедимости. И путник бодро зашагал дальше. Кроме того, простая логика подсказывала, что рано или поздно пропажа человека обнаружится и вездеход вернётся назад.

Фигуру гидролога с обмёрзшей бородой и длиннющей доской в руках Валерка с Васильевичем увидели одновременно. Подъехали. Остановились. Нервное напряжение спало, и пришло время шутке.

«Ну что, «девушка с веслом», залазь, домой поедем». – И все трое дружно захохотали.

23.10.12.

7. Бурить только здесь…

Обеспечением безопасности геологических буровых работ на морском льду занимаются морские гидрологи. Как правило, у бурильщиков с ними складываются очень тёплые, доверительные отношения. Вот и сегодняшний контрольный осмотр льда окончился примерно таким диалогом между гидрологом и буровым мастером.

«Приехала кобра, наорала, «бурить только здесь, бурить только здесь», – речь шла о главном геологе, запретившем переезд буровой вышки на новую точку с мягким грунтом. Точка на профиле, где сейчас стояла буровая, пришлась на твёрдые коренные породы, и здесь можно было застрять надолго. Квартал заканчивался, и надежда получить квартальную премию таяла с каждой минутой. До премии бригаде оставалось пройти жалкий десяток метров, а тут коренники.

«Я ей говорю, давайте профиль со второй точки начнём, там грунт мягкий – ил с песком, бурили там. План выполним и даже чуток перевыполним, а главное, бригада премию получит. Потом вернёмся назад и хоть неделю будем коренник протирать. А она «бурить только здесь, бурить только здесь». – Мастер с досадой плюнул на лёд.

«Серёга, выручай, придумай что-нибудь. Время у нас есть, часа полтора, пока она второй бригаде «мозги полощет». Погляди, может, трещину свежую найдёшь, край съехать с первой точки надо», – обратился он к гидрологу.

«Нет там свежих трещин, но поглядеть ещё разок можно», – согласился Серёга.

Повторный осмотр ледового покрова опасных для работы передвижной буровой вышки трещин не выявил.

Вконец расстроенный буровик указал гидрологу на старую, похожую на корытце с высокими краями трещину, которая, извиваясь, уходила под буровую. Трещина была занесена снегом и абсолютно безопасна, образовалась она осенью, а к весне толщина льда в ней почти сравнялась с толщиной окружающего льда.

«Может, эта?» – с надеждой посмотрел он на Серёгу.

Гениальная по своей простоте мысль мгновенно родилась в гидрологической голове.

«Может, и эта, а в «промывке» кипяток есть?» – спросил он.

«Промывка» – это балок, в котором промывали кипятком замёрзшие пробы на олово. В День геолога, традиционно отмечаемый первым апрельским воскресеньем, кипятком из промывочного балка наполняли выдолбленную во льду купель и устраивали в тёплой воде праздничные купания. Такая традиция у чукотских шельфовиков. Старый буровик поймал Серёгину мысль на лету, и работа закипела. Работяги очистили трещину от снега, не нарушив при этом снеговой покров на её краях. Протянули толстый рукав от промывки, прицепили буровую к трактору и стали ждать приезда злобной геологини.

Подъезжая к бригаде, Зоя Ивановна увидела готовую к переезду буровую вышку и неприятно поразилась неисполнительностью бригады. Её острый носик ещё больше заострился, серые глазки стали колючими, губки сузились, а на лбу появилась строгая складочка. Выпрыгнув из вездехода, поправив очочки и, готовая к самым энергичным действиям, она быстрым шагом направилась к стоящим возле трактора мужикам.

«В чём дело, почему не приступили к бурению?» – сурово спросила она.

«Трещина-свежак. Гидролог говорит съезжать надо, пока не булькнули», – сказал кто-то из собравшихся.

«Разве, разве такое бывает?» – растерянно пробормотала суровая геологиня . Желание командовать в сложившейся обстановке у неё почему-то пропало.

«Бывает, мы же не в Крыму, а в Арктике. Морозы рвут лёд прямо на глазах. Пойдёмте, поближе посмотрим», – предложил Серёга.

Издалека трещина действительно выглядела страшно: широкая, наполненная синеватой водой, она простиралась метров на двадцать с обеих сторон от буровой. Клубящийся над ней пар усиливал эффект и без того жуткой картины. Казалось, ещё секунда и буровая повторит судьбу «Титаника».

«И никуда я не пойду! И никуда меня не зовите!! И... и уберите сейчас же буровую!!!» – пугаясь собственного голоса, завизжала Зоя Ивановна.

Звон от её отчаянного визга ещё стоял в ушах буровиков, а вездеход с перепуганным главным геологом уже скрылся за ближайшей торосистой грядой.

До конца сезона Зоя Ивановна не появилась на морском полигоне ни разу, впрочем, следующие за этим семь шельфовых сезонов она также не беспокоила своим присутствием буровые бригады. А премию трудяги-буровики получили, и коренники пробурили на сколько надо, и Серёгу не обидели.

25.10.12.

8. Машенька и медведи

Маленькую Машу вместе с папой и мамой на Чукотку привёз огромный самолёт. Потом они летели на самолёте поменьше и на совсем маленьком вертолёте, который привёз семейство в небольшой посёлок у моря, где мама с папой должны были работать на метеостанции.

К новой жизни девочка привыкла быстро. Печалилась Маша только о том, что где-то далеко, как говорили

взрослые, на материке, остался огромный лохматый Мишка, подаренный ей бабушкой на день рождения. Медведь был белого цвета, тёплый, пушистый и умел ласково и совсем незлобно рычать. Забавную игрушку Маша очень любила, но взять Мишку с собой она не смогла. Папа объяснил, что лететь далеко, вещей много, а медведь слишком огромен и в самолёт с ним не пустят. Маша расстроилась, долго прощалась с Михаилом, но плакать не стала.

На новом месте Маше нравилось всё: не яркое северное солнце, море с бело-голубыми льдинами и даже снег, падающий на зелёную траву в тундре, но самое главное – не надо было ходить в детский сад, а мама всегда была рядом. Кроме того, можно было самостоятельно разгуливать под окнами метеостанции. То, что мама поглядывала за дочкой из окна, не уменьшало её самостоятельности.

Интересная история произошла с Машей через неделю после прибытия на остров. В то утро мама, как обычно, разбудила дочку, расчесала, заплела косички, накормила манной кашей с клубничным вареньем и отправила гулять на улицу.

Медведь появился неожиданно. Он приблизился к Машеньке, стоящей к нему спиной, легонько ткнул её своим носом и шумно втянул воздух. Девочка обернулась и бесстрашно протянула к могучему зверю свои маленькие ручонки. Он не казался ей опасным, он был таким же белым, таким же тёплым и пушистым, как тот, оставленный на материке, только немного больше.

Выглянув в окно и увидев возле дочери медведя, Варя обомлела от ужаса.

«Медведь», – выкрикнула она и бросилась на улицу.

Подбежав к дочери, Варя схватила её в охапку и медленно попятилась к двери метеостанции. Зверь последовал за ними. Неторопливо и осторожно, медведь прихватил зубами поясок на Машиной шубе и потянул её к себе. Мама с дочерью продолжали отступление. Поясок лопнул, и Варя, не помня себя, хлестнула им медведя между глаз. Так и двигались они втроём к станционной двери, а медведь после каждого шага получал очередной безобидный для него удар пояском от шубы.

Станционные мужчины тоже не остались в стороне от развернувшихся событий, но в отличие от Вари

они бросились за оружием и выбежали на улицу чуть позже неё. Выстрелами из карабина и ракетниц зверя отогнали на безопасное расстояние. Мама обняла Машу и заплакала, а папа стоял рядом и рассеяно теребил ремень карабина.

Первым же бортом семейство улетело на материк. В этом не было трусости, никто не осудил их за это. Маленькая Маша так и не поняла, почему взрослые прогнали медведя. А взять его к бабушке было, конечно, нельзя.

«В самолёт-то с ним не пустят», – подумала Машенька и снова не заплакала.

27.10.12.

9. Народ и армия – едины

Мы – в увольнении. Мы – это Юрка, Рома и я – рядовые срочной службы Авиации ПВО страны. Мы просто гуляем в огромном парке у реки. Ранняя осень, сухо, тепло и красиво. И вдруг навстречу нам змей-искуситель в лице широкоплечего, лохматого парня.

«Что, военные, грустим, направо, вниз под горку к речке, там замечательный пивнячок, и патруль там никогда не бывает», – хохотнул он, довольный своим советом.

Решение приняли, не сговариваясь. Разворот со снижением под горку – и мы у цели. Снаружи пивнячок был похож на огромный хрустальный стакан – такой же круглый и прозрачный. Внутри всё было обыкновенно: стойка, много столиков, много людей и табачного дыма. Военных не было. Добросовестно отстояли в очереди и получили по кружке пенного напитка. Уже усаживаясь за столик, увидели в конце очереди офицерскую фуражку с красным общевойсковым околышем. Деваться было некуда, и мы устроились поудобней в надежде, что «красная шапочка» нас не заметит. Нас заметили. Глаза у подполковника округлились, а фурага от негодования подпрыгнула на его лысой голове. Мы не верили глазам своим, подполковник в пивняке с маленькой пятилитровой канистрой. Сон. Сказка. Байка. Чудо. Размахивая канистрой, «чудо» приближалось к нам.

«Встать! Военные билеты сюда», – заорало оно не своим голосом, размахивая перед нашими носами канистрой. Клубы дыма застыли в воздухе, и в зале установилась напряжённая тишина. Встать-то мы встали, а вот с военными билетами медлили.

«Не приставай к ребятам и вали-ка ты отсюда по-хорошему», – раздался твёрдый голос, и за соседним столиком люди начали привставать.

Зал одобрительно загудел. Такого развития событий подполковник не ожидал. Размахивать канистрой дальше ему, явно, расхотелось. Медленно отступая, он шипел, что-то невнятное. Хлопнула дверь, и сквозь стеклянную стену кабачка мы увидели, как удаляется грозный вояка. Клубы табачного дыма снова пришли в движение, вновь возник шум, обычный для кабачка, а с соседнего стола нам прислали три солёных рыбки. Идиллия питейного заведения была восстановлена. Мы наслаждались янтарной жидкостью и грызли свою тараньку. Всё происшедшее казалось просто недоразумением. И вдруг…

«Смотри, гад, патруль ведёт», – сквозь стекло стены было хорошо видно, как с горки катился ревнитель дисциплины и порядка, а за ним неторопливо шествовал патруль. Дело принимало серьёзный оборот, теперь уже валить нужно было нам.

«Парни, уходите чёрным ходом, а этому… я сам «пятак» начищу», – сказал нам высокий мужчина.

«Валя, проводи. Пивка попить мальчишкам не дал, зараза», – обратился он к женщине, протиравшей столы.

Валя вывела нас во двор и показала едва заметную в зарослях кустов тропинку, по которой мы и ушли.

Не знаю, начистил ли «пятак» подполковнику наш спаситель, но уверен – путного полковника из орущего в пивняке на солдат офицера с канистрой никогда не получится.

28.10.12.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

Я ЖИВУ В ПРЕДДВЕРЬЕ ЧУДА

Василий ЛЕДКОВ

В чуме, где пели легенды, звучали мифы, меня тянуло как в театр. Ненецкое Слово-и бытовое, и художественное-самой высокой пробы, цветистое духовитое, спрессованное энергией мудрости.

Василий Ледков

В 1998 году я взял интервью у замечательного ненецкого писателя Василия Ледкова. Первым делом я напомнил ему его же строки:

Я живу в преддверье чуда,
в жажде взлётов и высот.

Поэт ведь действительно так и жил.

– Василий Николаевич, вы недавно сказали, что поэзия – «индикатор духовного здоровья человека, общества, страны. По стихам легко определить дух времени, нравы и вкусы общества, его мировоззрение, психологический климат в стране, где живёт автор». Если исходить из этих слов, то каким был, на ваш взгляд, дух времени, психологический климат у нас лет 10–15 назад и какая жизнь сейчас?

– В этом отношении сейчас дух неплохой. Мятущийся. А раньше он был скрытый. Сейчас столько свободы дано, что люди теряются. Они даже не умеют думать.

– У вас раньше выходили книги на японском, арабском, английском и многих других языках. А сейчас?

– А сейчас я жду издания финского эпоса «Калевала», который перевёл на ненецкий. Готовил себя к этому делу больше 30 лет... Хотят в Финляндии издать. Наверное, скоро выйдет. Долго я искал издательство, нашёл.

Вот у меня «Калевала», 850 страниц машинописного текста. Пять лет переводил...

– С 1967 года вы стали жить литературным трудом. Это и сейчас удаётся?

– Живу нормально.

– При том, что почти не издаётесь?..

– Да.

– Пенсии хватает?

– Да нет. Но я работаю в институте национальных проблем образования, это в Москве. Зарплату получаю. Хотя не очень большая, 400 тысяч. Потом, помогают мне скандинавские страны. Ну, в общем, хватает.

– В Скандинавии ваши спонсоры?

– Да нет, я в редакционном комитете Баренц-региона. Антологию готовим из произведений авторов наших стран.

– Вы почти 30 лет назад в Архангельск переехали. Почему не жилось на родной земле? А ведь писали:

Здесь на острове
начал путь я,
И умру,
должно быть, здесь.

– Ну, возможно, надо ехать туда, чтобы умирать... Я был колхозником, потом учился в Ленинграде, филфак пединститута окончил. Имел неосторожность сказать, что для Крайнего Севера кадры готовятся не так. Это стало известно... Приехал в 1959 году в родной округ. На совещании учителей в Нарьян-Маре выступил представитель КГБ, который сказал, что у нас появились социально опасные элементы. Подозревали меня... Через некоторое время я вступил партию, думал, что снимут с меня подозрение, – ни черта. В округе не мог жить. И переехал сюда. Здесь, думал, снимется это... Нет. Но диссидентом я не был.

– В чём вас подозревали?

– Мне очень много писем приходило. Из Японии, Бельгии, много-много. И как только письмо придёт, мне говорят: «Василий Николаевич, мы хотим с тобой встретиться». Я отдавал им эти письма. Уехал в Архангельск. Думал, здесь большой город. Конечно, небольшой. По сравнению с Ленинградом.

– Когда вы в первый раз поехали за границу?

– Только в 91-м году. Я же невыездной был.

– Но вы давно написали такие стихи:

Есть ямы,
овраги и горы крутые,
и много зловонных
трясин и болот.
Но светел и ясен,
твой берег, Россия,
где сердце моё,
не старея, живёт.

Получается, что заграница – «зловонные трясины и болота». Или я не прав?

– Нет. И в России их полно. Везде полно.

– Вот ещё ваши строчки:

За совесть живу на земле,
не за страх,
судьбу, как оленя,
беру за рога я.
Как часто
мы спорим о мелочах,
о главном порой забывая.

А что главное? В том старом стихотворении ответа нет...

– А главное – надо быть человеком.

– Вы пишите:

Не мёрзший
тепла не заметит,
пожалуй...
День светел стократ
после ночи слепой.
Хочу проходить
через льды и пожары,
везде и во всём
оставаясь собой.

Вам удалось остаться собой?

– По-моему, удалось.

– Это было трудно?

– Пожалуй, трудно... Но простота, она всегда простота. Понимаете, надо быть человеком простым.

– Что это такое – «простой человек»?

– Надо быть, как все.

– Поэт не может быть, «как все». Раз поэт – он уже другой...

– Да нет, именно вот в этом-то и весь секрет. Надо быть простым. Вот Коля Рубцов. Я его знал. До конца был простым. Да и вообще вот: как же можно сказать, что я, мол, поэт?! Это же вообще дико!.. Ненормально, Поэт, писатель прежде всего должен быть очень простым человеком, доступным. Но ему надо уметь слово на вес, на цвет и вкус оценивать.

– Снова возьму в руки вашу старую книжку:

Я живу в преддверье чуда,
в жажде взлётов и высот.

И теперь так же живёте?

– Так же.

– И каких чудес ждёте?

– Чудо, я думаю, сотворил, переведя «Калевалу». Этого на мой век хватит... Но ещё я чудом считаю, что овладел русским языком. И культуру, пожалуй, познал. Не только русскую, но и греческую, и среднеазиатскую, и индийскую, китайскую, японскую. И скандинавскую. Дак это же чудо!

– Ваши строки:

Я мал был и тёмен.
Мы книг не читали.
Во мне не звучали
под вьюгой, под солнцем
слова «диалектика»,
«космос» и «стронций».

Цензура к слову «стронций» не прицепилась?

– Нет, не прицепилась.

– А что вы имели в виду под этим словом?

– Солнце. Но и химический стронций, который в воде, тоже... Мой друг Огрызко, литературовед, который в «Литературной России» работает, написал, что Ледкову для того, чтобы публиковаться, надо было сменить обыкновенный язык на эзопов.

– А при чём эзопов язык тут:

В партийном строю я –
боец рядовой,

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

Иллюстрация к эпической поэме Э.Лённрота “Калевала”

как всё коммунисты,
за всё я в ответе.

Больше не захотелось быть «за всё в ответе»?

– Я и сейчас в ответе.

– *А почему же не коммунист?*

– А зачем?.. Я слишком многое прочитал чтобы там оставаться.

– *Но невозможно быть за всё в ответе!..*

– Раз живу, дак я, значит, обязан. За всё. А как же!..

– *И удаётся быть в ответе?*

– По-моему, да. Раз стороной не хожу, значит, отвечаю. Раз дало время такое право – быть человеком, значит, наверное, надо за всё отвечать. Стараться, по крайней мере. А уж не получилось, дак не получилось, другое дело.

– *Да много ли от нас зависит-то?!..*

– Сейчас такое трудное время. Мы сами себя часто убиваем... Вот я честно голосовал за Ельцина. Потому что всё-таки свободы больше, чем раньше было. И за Ефремова буду голосовать... Вот я захотел выпить, пошёл и купил. А раньше-то ведь не было такого.

– *А зачем выпивать, если жизнь хорошая?*

– Я выпиваю в том случае, когда что-то сделал и не могу отключиться от материала...

– *И что вы сделали сейчас?*

– Переводы для антологии по Баренц-региону.

– *И когда антология выйдет?*

– Наверное, в 97-м году. Я для неё и финнов, и шведов переводил, и русских писателей. На ненецкий язык. Очень быстро этот проект осуществляют. Умеют там это. Издатель Бенгт Похьянен дал слово: в один час, в одну минуту все семь томов на всех семи языках будут готовы...

– *А мы-то будем так работать? Раз-два – и готово...*

– Я думаю, будем. Но ещё долго будут мешать Зюганов, Лукьянов, Рыжков...

– *Вы написали, что некоторые финны говорят на красивом ненецком языке лучше, чем многие молодые ненцы. Это плохо – надо же что-то делать!.. Как быть?*

– Очень тяжёлый вопрос. В детских садах говорят на русском... И потом, мы-то другие были люди. И шаманов, и сказителей знали. Телевизоров не было, каждый день нам рассказывали сказки. Фольклор, религия, философия – всё нам шло. А сейчас очень многие ненцы стесняются своего языка и даже своего узкоглазия. Они и русского языка не знают, и ненецкого не знают. Теряется культура, религия...

Ледков тяжело вздохнул:

– Это очень трудный вопрос. Вероятно, будем открывать кочевые школы. Потому что нельзя терять себя. Никак нельзя!..

– *Василий Николаевич, сколько у вас книг вышло?*

– До единой не считал. Около 20. То ли больше, то ли меньше.

– *Все мы родом из детства. Вы в десять лет, как пишет московский литературовед Вячеслав Огрызко, наравне со взрослыми день и ночь неводили рыбу, «полностью уходившую на армейские нужды». Прямо-таки полностью?*

– Да. В Варандее навага лежала горами. Всю отправляли на фронт. Как и сёмгу.

Чтобы рыбу не украли, её люди с винтовками сторожили. В воздух стреляли, когда мы, мальчишки, к ней подбирались. В интернате-то нам голодно было. Рыбаки нас однажды поймали, загнали в дом. Мы боялись: что будут с нами делать? А они навагу сварили и сказали: «Садитесь, ребята, кушать». Мы такого не ожидали и заплакали.

За каждой рыбёшкой следили. А рыбаки, наверно, на свой страх и риск нас накормили.

Война мне казалась одной долгой-долгой холодной и голодной зимой.

– *О том, как конфликтовали во время великой Отечественной войны с Советской властью, вы, конечно, знаете. Что именно?*

– Не только в Архангельской области были бунты. Но и на Ямале, и в Ханты-Мансийске. Там говорили: «Берёзово возьмём – Москва

сама сдастся». А здесь говорили: «Воркуту возьмём – Москва сама сдастся».

Из-за чего бунты? Из-за того, что всю рыбу, всё мясо увозили на фронт.

Волнения случались и до войны. Из-за налогов. Уходили ненцы из Большеземельской тундры на Полярный Урал, на Ямал. И попробуй их найди в тундре, если самолёты там в ту пору не летали.

Когда кровь проливалась, это происходило из-за провокаций со стороны НКВД. Чекисты, милиционеры тоже хотели ордена получить... А ненцу противопоказано убивать похожего на себя. И религия не позволяет этого. У меня в романе «Месяц малой темноты» об этом написано. Пётр Пырерка убил «кулака». Так в его чум лет 30 никто не приезжал... Ему не только руку не подавали – не разговаривали. Он стал отшельником.

– Вы считаете, что поэту, писателю надо уметь оценивать слово «на вес, цвет и вкус». У вас это когда стало получаться?

– Я вырос среди ненецкого «дворянства» – среди шаманов, певцов, сказителей. Наверно, с детства и научился так оценивать, когда слушал сказки, легенды. Их исполнял, например, крупный шаман Иван Петрович Ледков, чародей слова.

В чумы, где пели легенды, звучали мифы, меня тянуло как в театр. Ненецкое Слово – и бытовое, и художественное – самой высокой пробы, цветистое, духовитое, спрессованное энергией мудрости.

Учился я на филологическом факультете герценовского пединститута. Студентом переводил на ненецкий, Пушкина, Лермонтова. Это тоже помогло. Переводами занимаюсь до сих пор. Скоро выйдет антология писателей стран Баренц-региона. Вся поэзия, 188 авторов, там – в моём переводе. И часть прозы.

– Вам сейчас пишется?

– Да, пишу, стараюсь. Хотя время такое – пока не очень определённое, трудно сориентироваться. Что в тундре происходит сейчас, точно не знаю. А не видя людей, жизнь отображать не могу. Фантазировать же не люблю. Пишу только о том, что знаю очень хорошо.

С 1961 года разрабатываю материал по так называемым вооружённым выступлениям ненцев. Встречался с их участниками, когда ездил на Ямал, Полярный Урал. Будет что-то в прозе. Пока нет, потому что отвлекался то на антологию, то на перевод с русского на ненецкий «Калевалы», карело-финского эпоса, то на изучение записей финскими учёными ненецкого фольклора XVIII–XIX веков.

– Что для вас главное дело жизни?

– Сохранение ненецкого языка. Лет восемь работаю в московском институте национальных проблем образования. Занимаюсь правописанием. Очень трудно на письме передать звучание ненецкого слова. Сейчас теряется его напевность, аромат. Надо, чтобы грамматика была максимально близка к звуковому письму, чтобы звуки в словах не терялись. Когда удастся это сделать, и ненцы, и те, кто изучает наш язык, будут ощущать его чистоту.

Ненцы продолжают терять себя. Как раз из-за языка. Многие говорят на плохом русском. Те, которые не в тундре живут. Они и свою культуру, религию, мифологию плохо знают. Положение могут с пасти кочевые школы. Но их пока нет.

– Уже в юности у вас была программа сохранения национальных традиций. Что в неё входило?

– В 1959 году на пятом курсе пединститута мы с Володей Санги, который тоже стал писателем, собрали студентов сего северного отделения, 500 человек – ненцев, ханты, манси и других. Я выступил с докладом, в котором говорил, что учитель – личность уникальная в тундре и тайге, но помимо его надо готовить и врачей, инженеров, геологов, лётчиков, астрономов. А из нас готовили только

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

педагогов. Мало того, ненцев почти поголовно делали лингвистами, они заканчивали филологический факультет, а чукчи – географический, ханты – математический. Естественно, было их «перепроизводство».

Санги сделал содоклад. Начались прения. Такие бурные!.. В это время в аудитории появился секретарь парткома, напуганный жизнью, из репрессированных. Он нас разогнал. Что, мол, тут такое устроили, не спросив разрешения руководства института!.. В тот день в Ленинграде как раз был Хрущёв, который остановился в «Астории». Мы с Санги нашли большой конверт, положили туда доклады и крупными буквами написали: «Первому секретарю Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Никите Сергеевичу Хрущёву». Сели в такси – и в гостиницу. Там охрана большая. Почти каждый за руку останавливает. Мы конверт показываем, нас пропускают. Почти до самого Хрущёва добрались. Главный, наверно, охранник сказал, что передаст наши доклады.

В общежитие мы прибежали довольные. А вечером на собрании меня исключили из комсомола. Но к экзаменам всё-таки допустили. Вскоре в парткоме сказали: «Доигрался, в обком партии тебя вызывают. Вот пропуск, иди». Я весь вспотел. Побежал в Смольный. А меня там женщина встретила очень приветливо: от Никиты Сергеевича пришло на ваше имя письмо. Он вас сердечно благодарит за то, что подняли серьёзный вопрос. Университет для народов Севера – это дело доброе, но долгое, много хлопот. Но уже принято постановление ЦК партии о том, чтобы всех выпускников средних школ принимать в вузы страны вне конкурса со сдачей экзаменов на местах. К тому же, при хабаровском вузе открывается отделение для подготовки специалистов по оленеводству, рыболовству, звероводству, охотничьему промыслу.

Однако в институте был издан приказ о том, чтобы выдать мне диплом только через два года при предъявлении характеристики с места работы.

– *Но ведь обком партии мог бы сказать своё веское слово, обратись вы туда.*

– Я об этом и не подумал даже.

Поехал в округ. Я вам рассказывал, что ко мне относились как к социально опасному элементу. В Варандее директор школы на меня волком смотрел...

В 61-м году пригласили меня на первую конференцию писателей народов Крайнего Севера, в Комарово. Я к той поре уже три книжки стихов выпустил. Меня в Союз писателей рекомендовали, а через четыре месяца приняли. Потом я на Высших литературных курсах в Москве учился.

А программа-то, которую мы с Санги продумали, ведь осуществилась. Весь Крайний Север был обеспечен специалистами разного профиля.

Тем не менее за границу я не мог ездить. Был «под колпаком». Знаю, что моё дело в КГБ – толстое... Сейчас я за рубеж свободно езжу.

– *Как думаете, может ли плохой человек писать хорошие стихи?*

– Нет, наверно. Что он может написать? У него в душе-то, наверно, всё черно – значит, и стихи чёрные.

Я и Сталина, и Мао Цзе-дуна читал. Была такая серия «Стихи вождей». Плохие стихи. Обычные графоманские.

– *Книги ваши не выходят сейчас?*

– Ну почему? В Нарьян-Маре скоро избранные стихи издадут. Бывает, что где-то опубликуют мои стихи, а я и не знаю. В Коми, например. И в Москве.

– *Это же нарушение авторского права. Вы деньги упускаете.*

– Да ладно.

– *У «Калевалы» много будет читателей, как думаете?*

– Тысячи три-то будет, если не больше. Так это хорошо.

В следующем году поеду в Финляндию на международный симпозиум переводчиков «Калевалы». Буду там договариваться с обществом «Калевала», чтобы купили мою рукопись и издали. Раз меня приглашают, значит, заинтересованы во мне.

Обычно мои книги выходили по три тысячи экземпляров. Не залёживались на прилавках. Мне теперь и дарить нечего...

Одна моя книга в Америку ушла, в библиотеку Конгресса.

– *Вы давно не бывали на родной земле?*

– Давно. Очень тянет к общине «Длинное озеро», которая организована между Каратайкой и Варандеем. Заработаю денег и съезжу.

– *Сможете оленьей упряжкой управлять?*

– А как же! Такое невозможно забыть.

...После интервью прошло четыре года. В 2002 году поэта не стало.

Беседовал
Сергей ДОМОРОЩЕНОВ

Алина ЧАДАЕВА

ВХОЖДЕНИЕ В МАНГБО

Мангбо – по-нанайски – Река. Монгольские предки дали ей имя «Амар», «Дамур», что значит – «Большая Река». Да уж куда больше: от монгольских степей до Охотского моря, от истока до устья – четыре с половиной тысячи километров.

Маньчжуры называли её «Сахалиян-ула» – «Чёрная вода». Я узнала об этом недавно и запоздало поняла, почему десять лет прожила на её берегах и сегодня – вторично – мысленно вхожу в ту же Реку: именем прописана.

Говорят, нельзя дважды войти в ту же реку. Но, видимо, можно, коли моё имя – Алина – Судьбой вписано в древний топоним, как и в название острова Сахалин, с которым я разделила тоже десять лет моей жизни.

Но были и не столь явные – географически – знаки. Первая командировка, которую мне предложило Хабаровское издательство, – селение Сикачи-Алян – на правом, вниз по течению – берегу Амура. Недалеко от селения – базальтовые валуны. На них – петроглифы (от petros – камень) – изображения, выбитые каменными орудиями в эпоху неолита. Время – мощный, беспощадный фильтр, и всё непроницаемей его покров над тайным смыслом кем-то оставленных знаков.

Никто лучше моего покойного друга Владислава Зубца, владевшего словом, известным разве что в занебесных сферах, не вопрошал диковинный пейзаж личин, выбитых на камне, но будто искрящихся высоковольтными разрядами. Мы – группой – были вместе с ним у сакральных базальтов. «Мы», отлицезрев, пошли к машине, и только Влад Зубец счёл «непорядочным» «уйти, не оглянувшись». Заметьте: непорядочным. Так говорят об этикете в общении с живым, мыслящим существом. Позже Влад перенёс свой мысленный диалог с личинами в свою великую книгу «Течение Нижнего Амура» (Владивосток. Дальнаука. 2002.)

«И вот – один, и что-то опять вползает в душу. Но зачем и почему изображения эти бросили на берегу, открытом тысячелетиям, погодам и сезонам? Один ответ – простейший: «Возможно, дерзкий вызов: вы все здесь соберётесь Временем, а мы храним космические тайны». Второй ответ: «Как будто бы в камнях таится трансформатор... с высоким напряжением... К чему крайне опасно подключаться». И – третий: «Поэзия сакральности, послание кому-то». Если подниматься по лестнице, ведущей в начало начал, вопрос закономерен: «Ведь им навязан взгляд? «Гипноз неолитический». Но – кем навязан?»

Влад чувствовал, что этим взглядом нельзя не облучиться. Я, может быть, только теперь поняла, что моя духовная инициация – посвящение в недра Мировой Религии – началась тогда и там, у петроглифов Сакачи-Аляна. (Позднее топоним «обрусел» и стал произноситься – Сикачи-Алян).

Мангбо – Сахалиян – ула – ныне Амур – гибкое, вечно скользящее тело Чёрного Дракона. Когда-то он победил Белого Дракона, несущего смерть. Белый цвет у

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

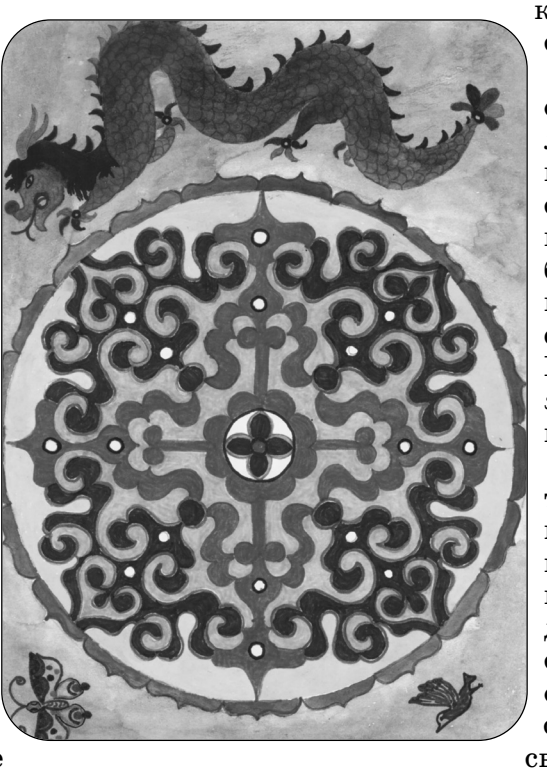
пращуров нани (да и теперь) был траурным, погребальным.

Чёрный Дракон – сам себе двойник. Говорят, залёг он на дно могучей Мангбо-реки, вытянул «лапы» до самого Станового хребта, и стали они притоками Зея и Бурея. А две правые «лапы» возложил на китайскую землю, дотянулся даже до Японского моря. И стали эти «лапы» притоками Сунгари и Уссури. Уста же свои погрузил в Охотское море (от эвенского «окат» – река) и с тех пор всё пьёт и пьёт воду из Татарского пролива, наименованного так французским путешественником Лаперузом.

Второе «Я» Чёрного Мудура обитает в небе. У самого солнца. Мне показала это Анна из нанайского рода Онинка – на своём рисунке. Она раскрасила извивы его чешуйчатого тела зелёным цветом, а кончик хвоста и когти на лапах выглядели розетками неизвестных на земле цветков. Голову «её» Дракона с буйной гривой венчают «золотые рога» – того же цвета, что и солнце, каким его раскрашивают дети. Он и живёт, а лучше сказать, пребывает, возле Светила Вселенной. К нему не прикасаясь.

Но что за необыкновенное Солнце видит нанайская женщина, вместе с Мудуром! Оно похоже на компас. В центре – крест. Четыре его «стрелы» – неизбежность четырёх сторон света, уходящих в бесконечность. Рассудочно геометричны. Оранжево-алы. А в просветах, как бы в средостениях, на контрастно-синем жёлтому цвету фоне, пульсируют контуры «наконечников» солнечных стрел. Различимы ритмы сердцебиения. И возникает образ: Солнце – сердце Вселенной. Добрый Солнечный Змей с зорким оком – посредник между небом и энергией земных вод.

Ещё один персонаж населяет пространство возле крестоносного Солнца – бабочка с нарядной бахромой на крыльях. Странная «бахрома»: больше похожа на крупные чешуйки, что на теле Солнечного Мудура.

Я потом пойму, откуда бы взяться хрупкой кокони – бабочке на космической сцене рисунка.

Потом, позже...

А пока – в дождливый августовский день 1973 года я впервые вступила на горячий от влажных испарений асфальт Набережной Амура в Хабаровске. В тот месяц вода в реке поднялась высоко, так что перехлёстывала через парапет. И приходилось обходить стороной мутные брызги.

Посреди тротуара совершенно невозмутимо сидело зелёное существо, похожее на худого гигантского кузнечика. Тощие передние лапы были сложены крест-на-крест, будто пучеглазый незнакомец пребывал в молитвенном трансе.

Первый, но и в последний раз – лицом к лицу я встретилась с богомолом. Человек наградил его этим умильным именем из-за смиренности позы, которая была, однако, манёвром, подстерегающим жертву, какой мог оказаться такой же «кроткий» сородич. Богомолы склонны к каннибализму.

Природа преподала мне очередной урок – бинокулярного зрения и несложную аксиому о лицевой стороне и изнанке тварного мира. Богомол был как бы привратником у входа в страну, которую мне ещё предстояло открыть. И Мангбо – река Сахалиян-ула – была в неё моим проводником.

«Не больше ли душа – тела, а тело – одежды» – мысль Христа, вложенная в человека изначально. На втором витке моей дальневосточной эпопеи, среди житейской суеты обустройства на новом месте, вольный дух требовал свободы от домашних оков, словно предчувствуя открытие неведомых мне дотоле правремён, племён, ещё помнивших Первозамысел о них Творца.

Луна сменила фазу.
Волна ушла в бреду.
Я старенькую фанзу
На отмели найду...

Река привела меня к фанзе на краю селения Дзяри, что лежит на крутом берегу Мангбо. Дом – де – был мал, об одно окно. Дверь крепилась на кожаных ремнях. Под крыльями двускатной – из тростника – крыши виднелось круглое чёрное отверстие – чонко: выход и вход для духов – незримых обитателей

нанайского жилища. Деревянная труба из пустотелого ствола дерева, четырёхгранно отёсанного, стояла на некотором удалении позади фанзы. Курилась реденьким сизым дымком.

Вошла. «Бачигоапу!» – поздоровалась. Старик Колбо сидел на накан – деревянном настиле, покрытом циновкой, сплетённой из камышёвых стеблей. Поближе к топящейся печке-голдён. Курил даи – трубку с длинным чубуком. Ноги по-китайски поджаты. Скрещённые ступни чуть прикрыты коротким мужским халатом-тэтуэ. Развёрнуты плечи. Поза – хозяина дома: мафа – муж – господин. Чёрной смоли коса – ниже пояса.

– Лоча! – увидев меня, сказал Колбо. – Русская Алян пришла. Переступила черту?

– Переступила, – ответила я. – Только не помню, где и как. Может, по дороге к вам, верхним людям, упала в глубокую яму или уснула под деревом с широким дуплом...

Я знала, что моё имя на нанайский лад звучит как «Алян», что значит – «Черта, грань между миром живых и мёртвых». В капище Сакачи-Алян, где сквозь тысячелетия глядят на нас вневременные личины, возле которых и я побывала, собирались души умерших и духов, которых призывал шаман во время камлания.

Жена Колбо Давсанка примостилась на низкой скамеечке напротив зева печи, подбрасывала дрова. Курила трубку-даи с длинным чубуком. В такт движений женщины позвякивали серьги – хойпонсал, вдетые по три в мочки ушей, и сандя-ха, продетая через хрящевую перегородку носа.

Я спросила: Зачем – столько?

– Душа уходит из тела человека на ночь, когда он спит, в Верхний Мир, и надо, чтобы она нашла обратную дорогу в тело, поэтому – и столько дырок – в ушах и в носу.

Чернёное серебро кос у Давсанки уложено вокруг головы. Как у русских женщин: значит, замужняя.

Оба – муж и жена – в праздничных халатах. Вышивка закрывала оплечья, запястья рукавов, разноцветной радугой кружила на подоле халата женщины. Узоры, похожие на спирали лиан лимонника, очерчивали контуры одежды, словно отгораживали облачившегося в неё от невидимого мира, защищали от вторжения злых духов. Не потому ли шея человека и верхняя часть вышитой одежды назывались одним и тем же словом – «монгон». Монгон вверху левой полы, не прерываясь, переходил в харпин, а от пояса до подола – в хэту. По воротнику и по левому (ближе к сердцу) борту халата вились, чередуясь, трилистники клевера и крутолобые завитки – символы Великого Дерева Душ: Омиа-мони... В Ветхом Завете оно имеет аналог и называется Древом Жизни.

Древние нани никогда не держали в руках Библии, но, как и все народы мира, знали, что оно пребывает в Занебесье. Не потому ли, что первые люди, или фантомы людей, – Адам и Ева, бывшие там до изгнания из Рая, запечатлели – сейчас бы сказали – в генах своей крови его Образ, и мы носим в себе этот Образ как защитную матрицу Жизни.

Для подтверждения райской картины подол женского халата – элэ был оснащён радугой – агди пойкани, что значит – гром и сверканье, а после них – умиротворяющие цветные дуги – как бы врата в Занебесье. Так человек одевал себя в защитные силы извечно одухотворённого космоса.

...В котле, вмазанном в плоский верх печки, булькало варево. Давсанка сняла крышку, помешала ковшиком. – «Не готово ещё». Увидев, что я разглядываю илга – узоры на халатах, взяла лоскуток с начатой на нём вышивкой, пригласила во двор. Мы вышли.

На улице мирно сочетались времена года. Амбартакто утопал в снегу, хоть и был приподнят сваями-ногами над землёй. На «ногах» надеты вёдра без дна, конусом вниз. «От мышей, – пояснила Давсанка, – чтоб не влезли. Там ведь много чего хранится – и сети, и одежда

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ МР

для тех, кто уйдёт к Верхним Людям, и юкола вяленая...»

Взяла меня за руку, «хочешь, – говорит, – я тебе загадку загадаю? – показала на амбар. – Зверь без головы, четыре ноги, хвоста нет, никуда не бежит, на одном месте стоит. Если свалишь, на целый год еды хватит. – Засмеялась, прикрыла рот ладонью. – Ну, как, угадала?»

– А это что? – спросила я. На зелёной весёлой лужайке, что соседствовала с зимней, покрытой снегом землёй, были вбиты четыре рогатины. Но не парно – одна отстояла чуть в стороне. На траве валялась небрежно брошенная мокрая сеть с зеркальцами застрявшей крупной рыбьей чешуи.

– А это... – придёт ночь – сама увидишь. Здесь тоже, как на земле: день-ночь, день-ночь – часы в небесной груди. Сейчас Сиун светит – Солнце. Вот ты узоры на моём халате разглядывала. Наклони веточку рябины и через листья на солнце смотри. – Я взглянула. Сквозь зелёные парные пальчики листьев светилась солнечная золотая парча.

– Наши женщины у него научились, как вышивать узоры. Силуэн – шов называют. Из двух слов: сиун – солнце, улэн – красивый. Долго не смотри на солнце, Алян. Непочтительно это, грех-соромбори. – Я, и правда, зажмурилась: заслезились глаза.

– Вот я тебе скажу, почему так. Старики говорили: отец был – Луна-Биа, мать – Солнце-Сиун. Остарели они, не могут в небо выходить. А были у них сын и дочь, краше их никого нет. Сын – храбрый мужчина: «Я, говорит, днём светить буду, а ты, сестра, ночью. Сестра ни в какую: «Ночью я зверей боюсь».

Мать детей рассудила: «Пусть женщина днём светит». А сын не соглашается: «Да-а, – говорит сестре, – ты вон какая красивая, все парни на тебя заглядываться будут, как тут устоять? Мать на помощь пришла: «Дам я тебе, дочка, иглу длинную. Кто на тебя посмотрит – ткни тому иглой в глаз». И стала дочь Солнцем-Сиун. Посмотри на неё подольше – ослепнешь. А отец дал сыну-Луне медный диск – толи, какие шаманы на груди носят. – «Держи, говорит, этот щит всегда перед собой, чтобы небесные звери не напали». Вот поэтому Луна-Биа не светит, только блестит, как медный щит-толи.

Святитель Тихон Задонский в полузабытой в наши дни книге «Сокровище духовное, от мира собираемое» тоже не велел долго и неотрывно глядеть на солнце. «Глаза помрачаются и повреждаются», – писал и даже сравнивал Солнце с Богом. «Тако кто Бога – вечное солнце – непостижимыя Его тайны тщится испытать – у того ум помрачается... Берегись, человек, испытывать, что не дано тебе знать». В книге святителя Тихона глава есть, так и называется «Солнце». Будто слышал он нехитрую нанайскую сказку, возникшую в незапамятные времена за тридевять от русского Задонска земель, и не отверг её, «языческую», а как бы продолжил.

Солнце, которому святитель гимн поёт, – зеркало образа Христа, Его небесный символ: «светлейшее», «праведное». «Когда солнце сияет на небе, всё ясно бывает. Всякий видит путь, по которому надо идти, и куда идти... Так и в душе бывает, которую Христос, солнце праведное, просветит».

...По голубой глади неба плыли странные облака: точь-в-точь узоры на оплечьях халата Давсанки. Белооблачные, по краям узоров словно обведённые цветными карандашами. По облакам, как по сугробам, катилась – летела упряжка. Белая крылатая собака-вачиан, впряжённая в нарту, на которой сидели длинноокосые мальчик и девочка, мчалась со всех ног и крыл, спасая свою живую поклажу от кого-то невидимого.

Тревога передалась и нам с Давсанкой, очевидцам невиданного зрелища. Из-под земли, снизу, пробился холодный вихрь, закрутился воронкой, превращаясь в смерч. Глубоко под нами разверзлась земля и означились контуры Заземелья,

будто там, в Нижнем Мире, ходило волнами земляное море. Обитатели его земноводны: ящерицы-исэлэн, лягушки-хэрэ, змейки-муйки, похожие на земляных червей, – соединили собою две стихии – землю и воду.

Смерч поднимался всё выше, пока не обрёл очертания зловещего чудища: зрачки к носу сошлись, на голове пламя котёл лижет, в котле человечина варится; ручищи в крови, на пальцах когти чёрные, за поясом нож...

– Дупсул-мафа – тёмный старик-великан, – шепчет мне Давсанка. – Детьми захотел полакомиться...

Почернело небо. Тучи серыми воронами расклевали белоцветные облака. Точно копья, целятся молнии в вачиан. Белой молнией увёртывается от них собака.

– Сои, смерч, – шелестят в испуге поникшие травы...

– Сои-и, – свистит ветер и хлещет их бичами дождя...

Ветер-сои –
свирепый пастух
Гонит стадо
замученных туч,
Рвёт их
на серые лоскутки.
Кем-то выпущен
древней злобы Дух,
С подземельных
повержен круч.
В мире ни огонька, ни зги,
Не пробьётся зари луч,

Только молний
сверкает бич.

– Чёрный ветер – изгнанник Света, – шепчет мне Давсанка. –

С птиц срывает перья,
как лепестки.
Ломает руки деревьев.
Волком воет,
к ночи озверев.
Сдувает людей – сор.

– Вечен Света и Тьмы спор, – шепчет мне Давсанка.

Вдруг стихло всё, посветлело. Далеко-о в небе вачиан летит, еле видно её. Ребятишки ничего, не свалились с нарты. Как приклеенные сидят.

Бабочек откуда-то взялся целый рой. Не летают, а тоже, как приклеенные к воздуху, висят. Будто нарисованные. Крылышки жёлтые, по краям – кайма чёрного бархата. Я помнила их русское название: китайский махаон.

– Это меонги, духу – Целителю – Мео помогают, – громко говорит Давсанка. – Теперь не страшно. Ни им, – показала на улетающую нарту, – ни нам, смотрящим, Беду отвели меонги.

Дупсул на наших глазах вдруг сморщился, почернел, брюхо опало, меньше, меньше сделался, в подземном мире растворился. По верху земли будто волна прокатилась, вздулась холмами, зашелестели, заюркали в них ящерицы, лягушки ощерились беззубыми ртами, будто в хохоте закатились, зашипели мелкие змейки...

Хасор-хасор – шелест-шуршание...

Сим-м би. – Тихо стало.

Холмы в холмики превратились, в бугорки, и тотчас выросли на них деревца с разноцветными листьями, с облаками по-птичьи перекликаются ... чинчи-чинчи...

– Благодать! – говорю я.

Давсанка мне русским изречением отвечает: Где мёд – там и мухи; где благодать – там и злые духи. Пока мы тут любуемся, Дупсул-мафа снова людской злобой, как упырь, надувается, злой костёр на голове разжигает – распаляется, соромборисал – грехами человеческими огонь кормит. Пока зло на земле живёт – до тех пор и Тёмный Старик жив. Потому он и великан, что воюют друг с другом люди. Кто лживым словом убивает, кто стрелой, кто пулей... Чрево Матери-Земли от бомб, снарядов, буровых скважин, словно чёрной оспой изрыто. Мы зовёмся НА-НАЙ – Человек Земли. Из земли взят и в землю отыдеши, – русские говорят. Да только будет ли постелью земля... Знаешь, как по-нанайски «дыхание»? – ЭРИЭН. И «воздух» – ЭРИЭН. И у вас, у лоча, «воз-дух» – «дух» – «дыхание».

– Да,– сказала я. – У всех народов – «святым духом всяка душа живится»...

– А – дымом? – Живится? А газами вредными? Помню,

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

я ещё на земле жила – на берег Мангбо выйду – другого берега не видно, птицы перелететь не могли: река, как море. А теперь – Мангбо чуть не в брод перейти, электростанции в верховьях всю воду выпили; рыба дохлая по берегам валяется – пасти раскрыты, глаза из орбит вылезли – химией отравлена. Голову вверх поднимешь – самолёты режут на лоскутки небесное полта-одеяло. В порезах голубая кровь проступает. Белый дым, как Белый Дракон, следом вьётся, словно воздух горит... Дупсул радуется – есть чем поживиться. Ты думала, сгинул он, под землю провалился. А вот – смотри...

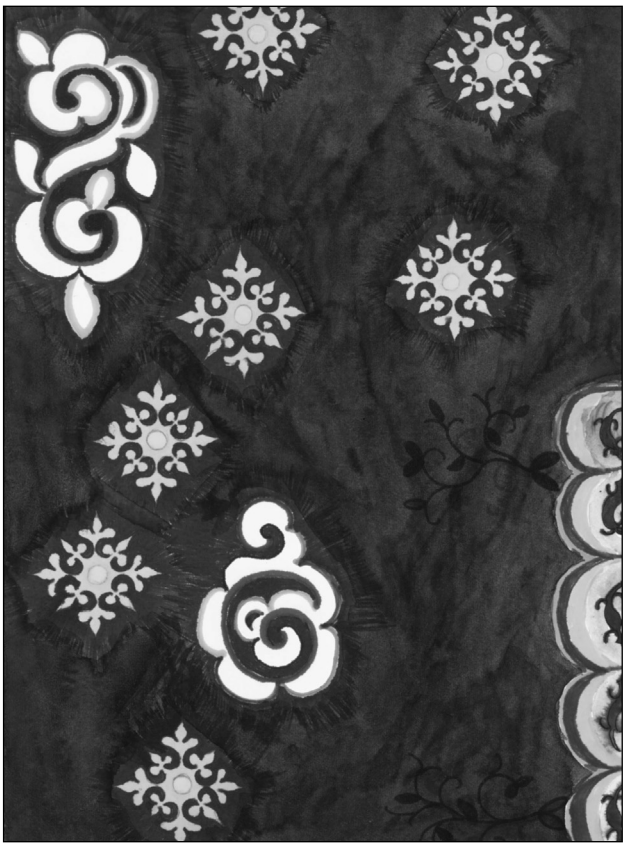
Давсанка подняла руки к небу, раздвинула его, будто полотнища занавеса.

...Всё ещё бежала по небу крылатая собака – вачиан, легко скользила за ней нарта с детьми. Так девять дней и девять ночей летели они, потом на землю спустились. Вачиан даже из нарты не выпряглась, легла, спит – устала. Дети чувствуют – отклеились от нарты. Травки сухой набрали, вачиан на неё переложили, обхватили собаку за шею, уснули с ней вместе. Потом встала вачиан, ход под землёй прорыла, выросла трава возле входа – не видно стало следов. Что-то тревожна стала собака, ушки насторожила, воздух нюхает... Потом говорит детям:

– Опять учуял Дупсул-мафа наш след, опять к нам идёт. Не буду ждать – навстречу ему пойду. А вы наберите воды на три дня, дров побольше принесите и посуду приготовьте, да достаньте мне бересту-тало.

Всё, что велела собака, принесли дети. Тогда взяла она уголь из очага-голдён, на одном куске бересты своё изображение нарисовала, на другом – Дупсул-мафа. Вырезала по контуру, отдала детям:

– Смотрите на эти рисунки. Если на моём изображении

кровь выступит, значит, ранена я. Тогда положите его на пуксу – вот сюда, на боковую нару-накан, еду перед ним положите, а кровь отирайте мягкими черёмуховыми стружками-саори. Если же у Дупсул-мафа кровь покажется, бросьте тало-бересту с его изображением на горячую золу в голдён, пусть загорится береста...

Заплакали дети, вачиан им лица лизнула, будто поцеловала, вышла из землянки, у входа наблевала – на этом месте дремучий лес вырос – следов незаметно. Бегом побежала вачиан, скоро из глаз скрылась.

Рык и лай послышались, визг...

Потемнело всё, как перед грозой... Видно стало, как на чёрных тучах в смертельной схватке сцепились вачиан и Дупсул-мафа. Как вихрь, кинулась на врага собака, лодыжки ему клыками рвёт, а он нагнуться, отогнать её не может: котёл кипящий на голове мешает. Упадёт котёл – хачохан – пропадёт сила у Дупсун-мафа.

– Знаешь ли,– спрашивает меня Давсанка, – отчего нани собак почитают? – Особенные они. Злого духа чуют, поэтому по ночам и воют, голову к небу поднимут – и воют. Это они злого духа отгоняют. Вот, выйди из дому ночью, присядь за спиной собаки и гляди между её ушами – тоже чёрта-бусяку увидишь.

– Теперь смотри, как дети своей спасительнице-вачиан помогают...

Словно сам приподнялся полог неба, и увидели мы землянку, в которой ребятишки остались. Спать не ложатся, шушукаются между собой, с берестяных изображений глаз не сводят. Вдруг видят, будто у вачиан жиденькая кровь пошла между лопатками. Стали дети целебную траву, стружки мягкие к ране прикладывать. Но вот и у Дупсул-мафа из-под лопатки да из груди кровь хлестнула чернее сажи. Бросили они его берестяной портрет в печку, на горячую золу. Вспыхнула береста синим злым огнём...

Однако не помогло, видно, лекарство собаке – ещё сильнее на бересте кровь означилась.

Вдруг слышат: стонет кто-то... Оказывается, уже в землянке раненная вачиан лежит. Бросились к ней дети: то водой поят, то к ране травы прикладывают. Нет, лучше не становится. Обняли брат и сестра любимую собаку за шею, заплакали.

Вэчэкэн моя, вэчэкэн!
На душе твоей –
смертная тень.
Защитила ты нас,
вэчэкэн.
От беды спасла, вэчэкэн.
Хоть словечко скажи,
вэчэкэн!
Чем помочь, услужить,
вэчэкэн!

Лежит, стонет вачиан. Жизнь из неё ручьями крови исходит. Чуть не пополам перегрыз её злой дух Дупсул-мафа.

Вдруг кто-то дверь отворил, свет хлынул в землянку. Пожилой охотник вошёл.

– Э-нэ-нэ... – сел возле раненной вачиан, головой качает. – Надо что-то делать...– Быстро на ноги вскочил, в тайгу направился. Убил трёх кабанов. Третий – чёрной масти, посреди спины – белая полоса. Это самый нужный кабан – калагдан. Если кто при смерти – только такой кабан может его спасти. Стал мэргэн-охотник в котле варить чёрного кабана с белой полосой. Бурлит варево в котле – а у вачиан будто силы прибыло. Потихо-оньку поднялась, стала камлать. Елеле в бубен бьёт, потом увереннее, крепче, и начала затягиваться, заживать рана. Вачиан кружится, и от её силы всё закружилось в землянке, и превратилась белая крылатая собака в красавицу длиннокосую... Недаром дети «матерью» её называли.

Говорит им красавица-фудин:

– Должна я покинуть вас.

Дети плачут, она их утешает:

– Не плачьте обо мне,
нэкуэнэ,
И не печальтесь, дети.
Мне жалко вас,
мои нэкуэнэ,
Вы мне дороже
всех на свете.
Но больше с вами
мне не жить, нэкуэнэ,
Нельзя, родные дети!
Должна я
предкам послужить,
нэкуэнэ,
Шаманами они
при жизни были, дети.
Я ухожу к ним
в небеса, нэкуэнэ,
Прощайте, дети!
Всё в мире чудеса,
нэкуэнэ!
Поверьте.

И поднялась в небо длиннокосая красавица, и долетела до третьего облака, смотрела вниз, на любимых своих детей-нэкуэнэ... А они воздевали к ней руки, восхищаясь своей небесной фудин.

***

– Знаешь, что напоминает мне эта история? – обратилась я к Давсанке. – Очень, очень давно древние персы считали собаку священным животным. Её кормили первой, самыми отборными кусками. И не было прощения тому, кто убивал собаку. Мудрый Ахура Мазда, как называли персы Творца Мира, так заповедал её чествовать:

«Ванхапара-ёж – дикая остромордая собака – создание Святого Духа – каждое утро (с полуночи), до того, как взойдёт Солнце, выходит убивать тысячами создания Злого Духа».

По представлениям персов, когда человек умирал, его душу вели через Мост Выбора – Чинват. Для праведного он был широким, и в конце Моста его радостным лаем встречали две собаки, подбадривая в пути. И молча встречали неправедного, для которого Мост был уже игольного ушка, и путь им предстоял в ад. А в конце Моста праведная душа лицезрела прекрасную Деву, овеваемую ароматным дуновением ветра и, наверное, похожую на «небесную Фудин» нанайцев. Свою дивную Деву персы называли Даэна. Это не имя, а как бы зеркало, отражающее всё лучшее, что сумел сотворить добрый человек на земле.

Даэна... – какое дивное созвучие, словно цветок распускается...

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ МР

– Вот и у нас, – откликнулась Давсанка, – Небесная Красавица не имела имени. Просто «Небесная Фудин» – и всё.

***

Но отчего мне почти каждую ночь снятся собаки? – думала я. – Всегда голодные. И я судорожно ищу, чем их накормить. То ли сторожат мою душу от ночного вторжения злых сил. То ли уведомляют, что ТАМ встретят. Так и кажется, что за тощими собачьими спинами маячит тень египетского Анубиса. Фигура «собачьего бога»: мужской торс – вроде бы и в профиль, но плечи развёрнуты фронтально, на раменах – собачья голова. Анубис не просто провожал душу усопшего в загробный мир, но числился одним из судей Царства Мёртвых. Перед судом – взвешивал её. Представить только! – взвешивал душу! На чашах обыкновенных, похожих на наши деревенские, весов, только очень высоких, выше самого Анубиса.

Есть другой портрет «собачьего бога»: статуэтка из гробницы Тутанхамона. Лежащий гладкошёрстный пёс... Сторожко подняты «стрельчатые» уши. Радары. Дан утончённый духовный слух: слышать то, что недоступно людям.

Тайна сопряжения человека и животного, не всякого, но по каким-то причинам избранного, требует хотя бы поверхностного к ней приближения.

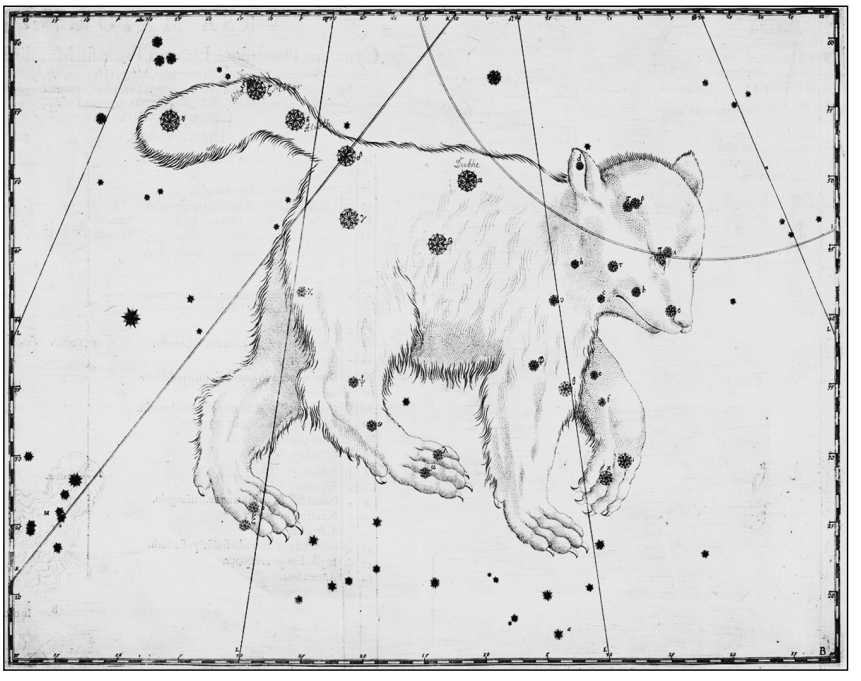

По правилам православной церкви собаку гонят прочь не только из храма, если она туда забредёт, но и от его ворот, потому как считают её «нечистой». Гонят её и иудеи. Но вот в III-м веке новой эры появились иконописные версии о Песьеглавце – Кинокефале – святом с головой собаки – Христофоре. Оправдательных сюжетов много. Один из них – предание о племени киноцефалов (собака на латинском языке – cane), намеренно изменявших свои лица под собачьи, чтобы устрашать врагов. В Византии, потом и на Руси появились необычные иконы святого Христофора, выполненные в условной, как египетское изображение Анубиса, манере: мужчина с головой собаки. Предполагают, что мистические корни этой иконы восходят к древнегреческому богу Асклепию, у которого был священный пёс, исцелявший больных. Да и сам Асклепий – Эскулап, младенцем найденный охотниками, был вскормлен, говорят, молоком собаки.

В России, кроме икон и фресок на данную тему, был и лубок: «Святой мученик Христофор». И крест в руке, и кольчуга под алым гиматием, и копие, и – голова собаки на плечах.

Но – почему Христо-фор? Христа несущий? Или – носящий?

Не единственны, однако, древнегреческие корни иконного образа. Есть и римская традиция. Римлянин Репрев, человек-гигант, искал, чем мог бы услужить Христу. Отшельник посоветовал ему переносить путников через опасный, бурный поток. Однажды довелось Репреву переносить маленького мальчика. Понёс. Посреди потока мальчик вдруг стал неподъёмно тяжёл.

Объяснил своему пере-носителю, что Он и есть Христос, а тяжёл, потому что несёт на себе все тяготы мира. Отсюда и имя – Христофор – несущий и носящий Христа. На картинах Босха, Дюрера – Репрев – человек как человек. Но так или иначе, в памяти веков – сверсталось воедино: св. Христофор с головой собаки. И – не докопаться до причины. Достаточно означить тайну и возвести её контуры в прочтении одного из евангельских эпизодов.

«Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал роскошно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях и желал напитаться крошками, падающими со стола богача, и ПСЫ, проходя, лизали струпья его».

Не только, наверное, ради «крошек», подходили к нищему псы, но и исцелить гнойные раны болящего бедняка, как поступил бы и «пёс-исцелитель» Асклепия.

Всё рифмуется между собой в реально-метафизическом пространстве. И – нанайская вачиан – крылатая собака, с которой я начала отсчёт этой темы, – тоже.

***

Над той, зимне-летней землёй, где мы с Давсанкой стояли, солнце так и не заходило, светило ровно, безоблачно, словно ему были неведомы сумерки и рассветы. Внезапно опустился полог, разделил пополам свод неба, и одна половина стала бархатно-чёрной. Кто-то щедрым жестом рассыпал по бархату драгоценные каменья. Лучи, исходившие от них, были игольно остры и расшивали ткань неба узорами, словно стараясь быть понятыми людьми.

Моё астрономическое образование не простиралось далее узнавания созвездия Большой Медведицы. Угловатые её контуры были похожи на детский рисунок, по которому вышили «крестиком».

– Что ты! Какая Медведица? – возмутилась Давсанка. – Видела – вЕшала во дворе стоят? – Ещё и сеть от воды не просохла, бросили и растягивать даже не стали.

– Кто бросил? Почему?

– Предки наши. Не знаю, когда. Вот жили двое – отец, мать. Была у них дочка – фудин. А больше никаких детей не было. Красавица. Раз пришёл к ним юноша-мэргэн. Стал их дочку себе в жёны сватать. Обрадовались старики: сына ждали – не дождались, а он сам заявился. Стали все вместе жить в мире и согласии. Как-то старик говорит зятю: «Сделай вешала . Улов большой, на чём сеть сушить будем?» Пошёл зять во двор вешала делать. Вечером зовёт старика свою работу поглядеть. Вышел мафа – а радоваться нечему: четыре рогатины зять ровно вбить не мог в землю – все по-разному раскорячились: одна короче, другая длиннее, одна от другой то широко отстоит, то узко. Рассердился старик, схватил топор, на зятя замахнулся. Тот – бежать, мафа – за ним. Старуха следом выскочила, за мужем бежит. «Не убей сына! Не убей!» – кричит. А он и слышать не хочет, гонится за зятем во весь дух, на бегу подпрыгивает. Бегут, бегут – никто никого догнать не может. Вдруг, в один миг, взлетели в воздух и превратились в звёзды. Дочка возле дома стоит вслед им смотрит, а над ней – и вешала в небо поднялись и тоже звёздами стали.

Видишь – непарно друг с дружкой стоят, – Давсанка показала на «Ковш» Большой Медведицы.– А зять, старик и старуха так проворно бегут, что как будто на месте стоят. У мафа над головой м-а-аленькая звёздочка, то мигнёт, то погаснет. Это старик топориком над головой машет.

– А если догонят они друг друга?

– Тогда и конец света будет.

Иллюстрации (стр. 60-64) Анны ОНЕНКО

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ МР

Игорь КОХАНОВСКИЙ

ЕСЛИ И МЕНЯТЬ ПРОФЕССИЮ,

Случайных людей на Колыме, пожалуй, не бывает. Диву даёшься, какие неисповедимые дорожки привели человека в этот суровый край. Игорь Кохановский тоже попал на Колыму не случайно. Игорь Васильевич рассказал об этом, а также о недолгих годах работы в «Магаданском Комсомольце», о жизни в Магадане и области, о дружбе и о музыке в интервью.

– Вы закончили строительный институт, какое-то время работали по специальности, а потом уехали в Магадан. Как так получилось?

– Это очень длинная история. И начинать её рассказывать нужно с моего отца. Он работал у Берзина, руководителя ОГПУ. Берзина очень боялся Сталин, и он отослал в тридцатых годах его на Колыму, проверить, есть ли там золото. Когда Берзин приехал, там были ещё подпольные американские прииски. Конечно, поняв, что и здесь устанавливается советская власть, американцы быстренько уехали.

Мне в Магадане рассказывали, что Берзин привёз в Москву чемодан золотых слитков. И Сталин его отправил организовывать кампанию по добыче золота. Берзин стал собирать команду из людей, с которыми он работал раньше. И в 35-м или 36-м году родители уехали в Магадан. А в 37-м году там родился я.

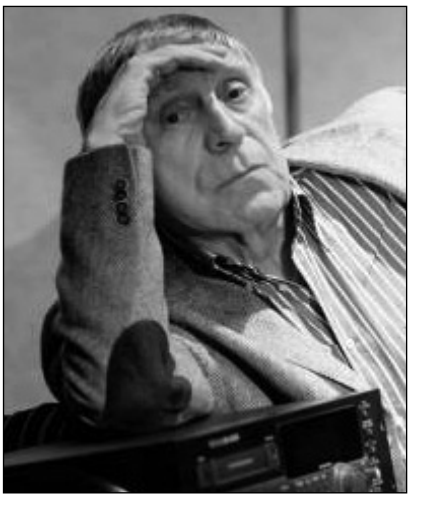
В это время началась ежовщина, Берзина вызвали в Москву якобы для отчёта. Его встречали на курском вокзале пионеры с портретами Сталина, Калинина и Берзина (он был очень популярной личностью). А за 40 километров от Москвы вагончик с Берзиным отцепили, тут его и видели. Через некоторое время его расстреляли – инкриминировали ему то, что он, якобы, хотел Чукотку продать американцам. Вслед за этим начались посадки. Отца посадили.

Был апрель 1937 года, весна. А с витаминами на Колыме – полная лажа. У меня начался дикий авитаминоз. Я весь чесался, мама говорила, что было кровавое месиво, а не ребёнок. Консилиум врачей постановил вывезти семью (меня и пятилетнюю сестру) как тогда говорили, «на материк». Что мама и сделала. Таким образом, я спас семью – так бы и маму посадили, неизвестно, что бы было со мной и с сестрой. Мама рассказала, что как только мы переехали на Урал, я сразу перестал чесаться.

Отцу повезло. Он сидел всего полтора года, но вышел стариком. Заключённых сутками держали в стояках – это такие

ТО В МАГАДАНЕ

шкафы, в которые рабочие одежду вешают, с дырочками для еды и для воздуха. Мама рассказывала, что на третьи сутки у него лопнули голенища на военных сапогах. После того, как Ежова спустил Берия (он тогда сказал знаменитую фразу «Скоро сажать будет некого»), стали выпускать политических заключённых. В это окошко попал мой отец. Его выпустили, реабилитировали, восстановили в партии, и он последние годы работал председателем совхоза в Наро-Фоминске.

О Наро-Фоминске у меня остались ягодные воспоминания. Там были обалденные плантации клубники. С тех пор я к этой ягоде равнодушен, потому что когда созревал урожай, всех жителей вызывали – собирать. Это был 40–41-й год. Я очень хорошо запомнил этот момент, и как началась война, запомнил. Все собирали ягоду в лукошко, а я – в рот, ну, маленький человечек. Отец был под Наро-Фоминском, там были страшные бои, его ранили...

– *Как же вы решились вернуться после столь нерадостных событий?*

– Когда я окончил институт, я уже писал стихи, думал, что серьёзные, даже публиковали меня в институтской газете. В 1961-м году я узнал, что есть литературное объединение «Магистраль», которым руководил Григорий Левин. Из этого объединения вышли такие известные писатели как Владимир Войнович, Булат Окуджава, и другие. Я пришёл на собеседование, почитал свои стихи, и меня приняли. Этот момент можно считать началом моей поэтической карьеры.

В литературном объединении было два обозревающих критика. Один из них – Александр Аронов, второй – Виктор Гиленко.

Много лет спустя, когда меня приняли в союз писателей, я поступил на высшие литературные курсы, потому что у меня было техническое образование, а мне хотелось упорядочить свои литературные знания. Семинар у нас вёл Александр Межиров. Участники семинара – профессиональные поэты, всё серьёзно, но это ни в какое сравнение не шло с семинарами, которые были у Григория Михайловича Левина.

Я писал стихи, а для меня до сих пор мука мученическая куда-нибудь прийти и предложить свои стихи. Поэтому я искренне благодарен Вячеславу Огрызко – это

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

первый человек, который стал безотказно печатать мои стихи, и даже поэмы!

У меня был двоюродный брат, Саша Бирюков, сейчас его уже нет в живых. Он окончил юридический факультет МГУ, он учился с Евгением Сидоровым, известным критиком. Когда Саша узнал, что я пишу стихи, он предложил отнести их Жене, который на тот момент заведовал разделом литературы и искусства в «Московском Комсомольце». Стихи понравились, а Цыбин написал обо мне какие-то хорошие слова, как тогда было принято, тем самым выдав мне путёвку в жизнь. Стихи опубликовали. Сидоров пригласил меня, начал расспрашивать, где я работаю, чем занимаюсь. Я рассказал, что работаю на стройке Химки-Ховрино прорабом. Когда я приехал, там стоял один дом. Я занимался нулевым циклом – нужно было проложить все коммуникации, мы копали траншею под водопровод – восемь метров под землёй. Она шла по центральной улице деревни, в которой ещё жили люди...

Сидоров мне предложил познакомиться с ребятами из промышленного отдела, и, возможно, написать что-то о строительстве. Это был 1964 год. У власти был Хрущёв, который как раз тогда объявил «Сто дней большой химии». За эти сто дней в строй должны были ввести в строй очень много химических предприятий, которые создавались в то время очень активно. В частности, где-то под Москвой строился какой-то очень большой, чуть ли не крупнейший в

Европе комбинат по переработке аммиачной воды. Меня попросили съездить туда, разузнать, что к чему. Я поехал, попал на планёрку, где сорок строительных организаций спорили между собой – кто из-за кого задерживает строительство, кто что не сделал, перекидывали ответственность как мячик друг другу. Я написал, как всё это увидел, и редакции так понравился материал, что его напечатали сразу на первой полосе под названием «Плотина у живой воды». Это был мой первый материал. В качестве иллюстрации была карикатура – игра в пинг-понг: шарик – будущий комбинат, и его все перекидывают друг другу. С тех пор я стал для них что-то писать.

Саша отнёс мои стихи в популярный молодёжный журнал «Смена», там тоже опубликовали два стихотворения. Я пришёл туда познакомиться и застал такой разговор. Сидел сотрудник редакции, очеркист Владимир Новиков, и отчитывал какого-то молодого человека, который, судя по всему, окончил медицинский институт: «У тебя такая профессия – хирург, ты шесть лет учился, и ради стихов бросаешь такую профессию?! Вот, Игорь строит Химки-Ховрино, и это не мешает ему печатать у нас стихи». На что я ответил, что уже не строю Химки-Ховрино. Мне так понравилось писать, что я ушёл с работы и решил работать на вольных хлебах в «Московском комсомольце». Тогда Новиков сказал: «Мой друг, если и менять профессию, то начинать нужно не с «Московского комсомольца», а с «Магаданского»». Оказалось, что он год как работает в Москве, а до этого он был главным редактором «Магаданского комсомольца». А мой двоюродный брат Саша Бирюков после окончания юридического факультета МГУ (отец его был дружен с моим отцом, их одновременно посадили, и вместе они вышли) попросился распределить его в Магадан. Он работал там в прокуратуре и стал писать в «Магаданский комсомолец». Его материалы очень понравились, и его пригласили работать. Он отработал два года под руководством того самого Новикова. Тогда Саша написал какой-то сценарий, который отправил в Москву. И его приняли на Высшие сценарные курсы.

Мы разговорились с Владимиром Новиковым. Он сказал, что если я хочу издать книжку (а я очень хотел), то лучше всего это делать в Магадане. Что такое Магаданская область? Это четыре Франции, одна Чукотка чего стоит! (тогда Чукотка входила в состав Магаданской области. – Прим. ред.) Им всегда требовались сотрудники, к тому же в Магадане было хорошее книжное издательство. Я принёс свой материал о строительстве, поскольку я был специалистом, и хорошо разбирался во всех тонкостях. Новиков отправил материалы в газету «Труд», куда статью приняли, и даже заплатили гонорар, но сказали, что печатать её не будут, потому что если её напечатать, придётся менять КЗОТ.

Новиков списался с ребятами из Магадана, я приехал туда в 1965 году, меня приняли. В 68-м вышла моя книжонка «Звуковой барьер». Вскоре после того, как издал книжку, я, конечно, оттуда свалил, но предварительно устроился через знакомых в старательскую артель на Чукотке, под Певеком – мыть золото, чтобы заработать каких-то денег на первое время. В Москву я окончательно вернулся из Магадана 25 сентября 1969 года.

– *Сбылись ваши ожидания по поводу Магадана?*

– Я написал очень много стихов – про Магадан, и про Север. Это была отличная школа журналистики, школа жизни. Какие удивительные люди работали на артели! Я даже вёл дневник и хотел потом книгу написать, но к прозе меня так и не потянуло. Сам город Магадан очень интересный – он весь соткан из легенд. Мне такие истории рассказывали о мужестве, выживании, лагерях – просто фантастические!

Даже когда я уехал, мне периодически встречались магаданцы на жизненном пути. Но нечасто. Оказывается, Миша Шуфутинский был в Магадане. Когда он приезжал туда, меня там уже не было.

– *Может быть, вы с кем-то подружились на Колыме?*

– У нас была компания по молодости, потом распалась, только мы с Володей Высоцким долго ещё дружили. Но когда оба женились – он на Марине, а я на своей жене, то уже редко виделись. Можно сказать, у меня в жизни был только один друг – Володя Высоцкий, а так – я очень тяжело схожусь с людьми. Мне кажется, дружба – понятие юношеско-молодёжное. С годами человек, мне кажется, больше занят своими мыслями и заботами, которыми совсем не обязательно с кем-то делиться и обсуждать.

Мы с Володей продолжали видеться, но я уже понимал, что мы живём в совершенно разных жизненных ритмах. У него был бешеный образ жизни, у меня – созерцательный. Но таких близких друзей у меня больше не было.

Был 1977 год. Он как раз построил квартиру на Малой Грузинской, я к нему приехал, а до этого мы с ним встретились абсолютно случайно в Красной Пахре. 1 мая 1977 года. У нашей семьи там была знакомая, которая предложила посидеть с дочкой на майские праздники. И я только свою машину поставил – смотрю – мерседес Володькин. Мы с ним обнялись. Он рассказал, что Марина приехала, а на майские и сходить-то некуда. Он заказал баню и меня позвал, а к бане я его приучил в своё время. Я вырос в Москве, на Неглинной, 14, это Сандуновские бани, и я очень рано к этому делу пристрастился.

Мы с Володей поступили в инженерно-строительный институт вместе, благодаря моему первому спортивному разряду по хоккею, я был кандидатом в мастера спорта. Поступили-то вместе, а он проучился семестр и ушёл в школу-студию МХАТ, а так как школа-студия рядом, у меня дома были весёлый сабантуи. Как-то после такого гульбища рано утром, в 8 часов мы просыпаемся всей компанией от стука в дверь. Пришёл мой институтский приятель Славик Соколов. Он купил билеты в баню, а раздевалка там очень маленькая. Дело было зимой, и места не хватало. Славик попросился у меня оставить верхнюю одежду (он был с друзьями, всего шесть

человек) и позвал нас тоже в баню. Я говорю: «Васёчек, пойдём?», – а мы с Володей так друг друга называли. Он говорит: «Не-не-не, Васёчек, у меня голова так болит», а мы накануне очень прилично поддали. На что Славик сказал, что парилка – это самая лучшая похмелка. И мы пошли. Они его в четыре веника отхлестали, Володька был без чувств, его под белые рученьки в холодный душ, и так ему стало хорошо! С тех пор он полюбил баню.

И в эту памятную встречу, в 77-м, мы пошли в баню. Долго не виделись, много разговаривали, пять часов там провели. Потом он вдруг опомнился – Марина-то,наверное, обиделась! И правда: пришли, а она с ним не разговаривает. Правильно: она приехала на два дня, а муж целый день с другом в сауне провёл.

– Как вы считаете, если бы Высоцкий дожил до наших дней, каким бы он был?

– Он был бы таким, как Дима Быков. Дима очень остроумный, и Володя был очень остроумный, он умел подмечать всё, и, конечно, всё это безобразие, что творится вокруг, не принял бы. И Говорухин, г*вно это, ещё его именем козыряет. Человек, который называет интеллигенцию г*вном, возглавляет в Думе Комитет по культуре! И ещё говорит, что Высоцкий не принял бы каких-то там олигархов... Он бы тебя в первую очередь не принял, что ты стал таким ж*полизом, извините за выражение!

– Вы смотрели фильм «Высоцкий. Спасибо что живой»?

– Конечно, смотрел. Я понимаю, что Никита хотел сделать. Но благими намерениями, как говорится... Во-первых, это была очень плохая идея – сделать абсолютную копию Высоцкого. По моему мнению, это убило фильм, потому что он неживой, это маска, лучше бы играл живой актёр. Во-вторых, я не понял, как так получилось, что главный герой картины не Высоцкий, а полковник КГБ. А я не хочу, чтобы главным героем был кто-то другой, если фильм о Высоцком. Фильм хорошо снят, хорошо смотрится, но послевкусие... Хотя, Никита молодец, что он вообще решился на это. Задумка была – показать, в каком ужасном времени ему приходилось работать, какая жуть его окружала, а жуть как-то нивелировалась, а осталась история с наркотиками и с КГБистом. Грустно.

– Вопрос к вам как к профессионалу, как к автору текстов огромного количества песен. Как вы считаете, что больше повлияло на современную российскую эстраду: советская музыкальная традиция или западная поп-музыка?

– Влияние Запада совсем нет. Оно было во времена Советского Союза. ВИА, с которыми я очень тесно работал и которые я очень хорошо знаю, пытались всё новое, что на Западе есть, каким-то образом втиснуть сюда. Когда же всё это дело рухнуло, первое место занял блатняк. Как в своё время сказала Ахматова: половина страны сидела, половина – сторожила. Это естественно. Я на дух не принимаю шансон, эту низкую музыкальную культуру. Я мало слежу сейчас за музыкой, последнюю песню я написал года два назад, и то потому, что меня попросили. Мне это было так неприятно и неинтересно – я писал на музыку, которая мне не нравилась, просто ради заработка. Это раньше я мог выбирать. Как говорил Юра Антонов – главное, чтобы песня попала в кабак, тогда можно год жить и плевать в потолок.

Раньше в каждом ресторане были музыканты, они играли, и посетители танцевали. Теперь я не знаю, где есть рестораны, где танцуют. И если песня попадала в ресторан (существовало такое МОМА – Московское объединение музыкальных ансамблей, и такие структуры были по всей стране), в ресторан где-нибудь в Ташкенте, то за неё я

рубль двадцать получал. А так как ресторанов таких было очень много, миллионы, наверное, я был в то время очень обеспеченным человеком. Я мог себе позволить писать стихи на музыку, которая мне нравилась, и мне многое нравилось. Сейчас же я пишу, потому что надо. Вроде есть покупатель, есть певица, у которой есть богатый попик, который платит, а куда эти песни уходят, я так и не знаю. Это не только у нас.

Я помню, в 80-х было столько хитов! Один «SweatDreams» чего стоит! Сейчас же нет ни одного. Всё расплывчатое, невнятное. Из современных поющих людей в нашей стране я с симпатией отношусь только к Кристине Орбакайте. Она, не обладая большими вокальными способностями, имеет свой стиль. Сейчас другое понятие хита. Раньше хит держался и год, и больше. Сейчас даже если это хит, его помнят, от силы, пару месяцев. Сейчас так много всего, что и хорошее пропадает. Сейчас – время усреднённости, время серости. Я стихи написал про 21-й век: «Век двадцатый был красным, ты же – серый, как мышь» Серость везде: в политике, особенно в политике, серость в кино; я не слежу за живописью, но если вспомнить: раньше выставка Глазунова была событием! Невозможно было туда попасть. Сейчас никаких событий не происходит, я уже не говорю про нашу попсу, по-моему, это такое болото.

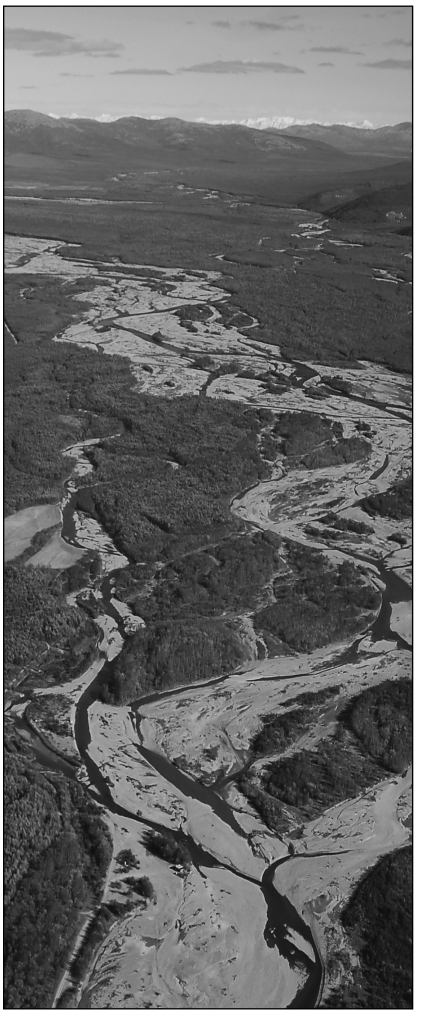
Почему люди становятся певцами, для меня – полная загадка. Я всегда с симпатией относился к Саше Буйнову, но почему он певец – для меня непонятно. Он был хорошим музыкантом, прекрасным аккордеонистом и клавишником, почему он вдруг стал петь – загадка. Миша Шуфутинский, при всём моём к нему уважении, когда руководил ансамблем «Лейся песня», занимался своим делом. Да, он – звезда шансона, но для меня шансон – вообще неудобоваримая, несъедобная пища, отходы, в которых я не хочу копаться.

– *Такая тенденция прослеживается во всём мире?*

– Да, но на Западе музыкальная культура несколько выше нашей. Там на симфонические концерты хрен попадёшь. А у нас – пожалуйста. У нас страна была и остаётся отсталая, крестьянская. Я в этом доме живу с 1978 года, многие соседи поменялись за это время, и я вижу, кто не москвичи. Крестьянский уклад, «мерзости деревенской жизни», при всём при том, что это хлеб и культура, топчется на месте, по сравнению с тем, куда шагнула история человеческой цивилизации. Я недавно в статье прочитал определение «постиндустриальный феодализм»: отъехать немного от Москвы – все дома разрушенные, покосившиеся, а в центре посёлка стоит огромный особняк за каменным забором, к которому ведёт единственная асфальтированная дорога, в особняке живёт барин, на которого все в округе работают. Он платит гроши. А холопы какими были, такими и остались, и ничего не хотят больше знать. Это ужасно.

– *Над чем сейчас работаете?*

– Стихи пишу!

Беседу вела Любовь ГОРДЕЕВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ МР

Леонид БАБАНИН

ПОД ЩУКУ

Организм человека, приученный к определённому рациону питания, очень консервативен. И без особого восторга воспринимает эксперименты с потреблением новых, тем более – экзотических продуктов и напитков. Кто-то из нас экспериментирует движимый жаждой новых ощущений и любопытством, а кто-то – под влиянием обстоятельств, попав в чуждую среду обитания. И пропитания.

Помню, в молодости, обуреваемый романтическими порывами, я подолгу жил на стойбищах лесных ненцев, каслаясь (кочуя) с ними по бескрайним просторам ямальской тундры. Мужественные люди, умеющие не просто выживать – жить в тяжелейших условиях немилосердной северной природы.

Давно было, но, как вчерашний день, помню стойбище Пяк Бориса, расположенное на реке Катучей, у речушки Ям бой (притоки Надыма). Октябрьские морозы натянули на окрестные озёра свинцового отлива ледяной панцирь. Неистово мёл сухой колючий снег, будто кто-то сверху взялся от души посолить землю. Пора охоты на белку.

Внезапно мы обнаружили, что у нас иссяк весь запас чая. А через несколько дней испили и последний сахар (честно говоря, он весь ушёл на бражку). Ну, надо же, мяса в достатке любого – глухарь, капалуха, беличье даже. У берега в садке плещутся-томятся сотни три живых щук, от трёх килограммов в весе каждая. Бакалейных припасов тоже ещё хватает. А вот чаёвничать нам, видно, ещё долго не доведётся. Беда не беда, но традиционный уклад тундровой жизни нарушился серьёзно. Чай, ведь, это не просто жаждоутоляющий напиток. Чай – это беседа, отдых, душевный пригрев и уют. Чаепитие тундровому человеку в нескончаемой череде хлопот – как долгожданный берег для уставшего пловца.

Однажды утром Мария, жена Пяк Бориса, поставила на стол парящее блюдо с отварной щукой. А в чайную посуду нацедила... отвар багульника. Усытив желудок парой увесистых кусков, я, вожделея чайного удовольствия, сделал смачный глоток из вместительной кружки. И тут же глубоко усомнился в том, что готов стать почитателем этого напитка. Лучше уж водичкой жажду увлажнять.

С той поры, изо дня в день, мясные и рыбные блюда на нашем столе неизменно сопровождал напиток из багульника. Ничем не подслащённый, разумеется. К горьковатому вкусу его мы быстро притерпелись. Хоть и без удовольствия, но и без отвращения запивали сытную еду багульничником. Дней через десять перестали тосковать и по сахару. Так прошёл месяц. Сковало льдом и перечливые сибирские реки.

Мы продолжали жить суетно-размеренной жизнью обычного оленеводческого стойбища. Ни впечатлений, ни событий особых... Хотя! Что это за голоса слышатся от реки? Выбираемся из чума, надо же – гости пожаловали.

Пастухи-оленеводы из 12-го стада казымского совхоза – Пяк Николай, Пяк Иды Вэку, Молданов Андрей и ещё двое с ними. Встреча, хоть и неожиданная, но ожидаемая. Закончилось межсезонье, реки встали, болота замёрзли. Значит – открылись пути-дороги для лесного и тундрового люда.

У оленеводов год расписан, как в бухгалтерских гроссбухах. Весной – отёл, летом надо дымокурами оленей от гнуса спасать, в августе-сентябре – кто может рыбу на зиму запасает, в октябре собирают оленей по тундре. Ну, а в начале зимы можно и в соседние стойбища наведаться, погостить. Тут же все почти родственники между собой.

Радуясь новым людям, я вдруг поймал себя на мысли, что не могу оторвать взгляда от их мешочков на поясах. Без гостинцев не должны были заявиться. А вот догадались ли прихватить чаю и сахара – вопрос.

– Узя, узя, – широко улыбаясь, приветствовали мы друг друга по-ненецки, обнимаясь, приятельски охлопывая плечи, спины, перекидываясь дружескими шутками и подначками.

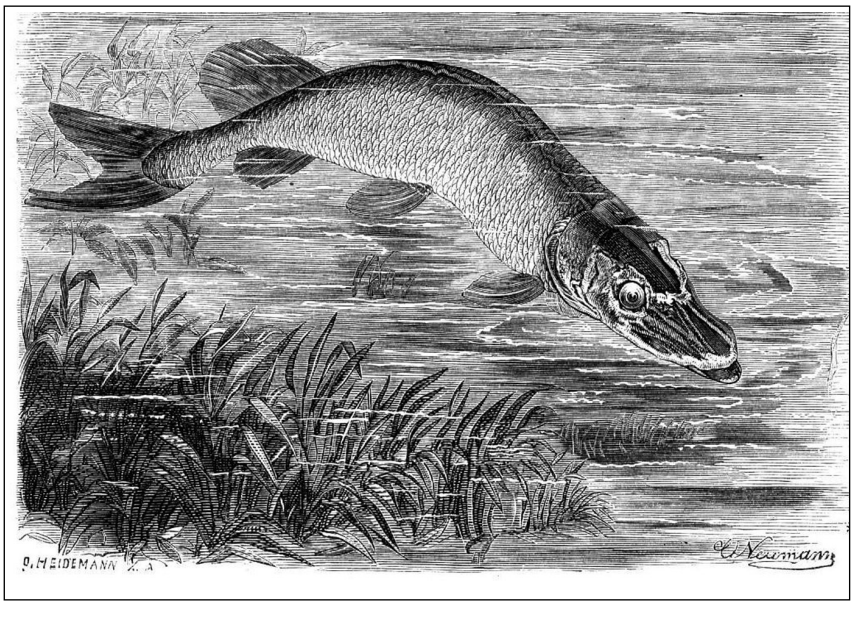
Идя от реки, оленеводы заприметили наши садки и не удержались, выдернули из воды по увесистой щуке. Для них это – лакомство. Самим-то редко удаётся выбраться на рыбалку. За оленями глаз да глаз нужен. По блеску глаз, по выражению лиц наших гостей мы видели, насколько желанным для них было – как можно быстрее насладиться сочным мясом свежайшей рыбы.

Пяк Николай степенно и ловко примостил своё сильное, литое тело на ближайшую нарту. Не глядя снял с охотничьего пояса острейший нож, заточенный с одной стороны – под правую руку. Неуловимо-быстрыми и точными движениями надрезал тушку, сволок с неё тугую чешуйчатую кожу. Потом он пластал щуку тонкими ломтями, отправляя их в рот прямо с ножа. Тщательно, смакуя вкус, пережёвывал рыбу, успевая пересказывать новости своего стойбища, вспоминая самые забавные, запоминательные события, фразы словечки жены, детишек своих.

Щука умалялась на глазах. Янтарные кусочки с необыкновенно красивым разводом-рисунком мышц, аппетитной жировой прослойкой методично исчезали во рту оленевода. Удивительно, но ни одной капелькой крови, ни одной чешуйкой или косточкой Николай пространство возле себя не обсорил. Не успели мы путём оклематься от эмоций, вызванных встречей, как в руке Николая остались только хвост, голова и хребет. Я-то знал, что выбросить это у него рука не поднимется. Оленеводы щучью голову и хребет обычно вывешивают на перекладине, высоко над землёй, высушивают и запасливо прибирают. Потом, протяжными зимними ночами долго вываривают рыбьи остовы в котле. Наваристая похлёбка получается для собак.

Это я на Николая загляделся. Между тем, остальные пастухи проделали всё точно так же, как он. Ну, разве что, не так артистично.

Борис был очень рад гостям. С удовольствием, пощуриваясь, слушал их рассказы, торопко вставлял в разговор свои новости – как прошла весновка, чем запомнилось лето, осень, сколько оленей пало, сколько щук взяли в запор, о родственниках, об урожае белки. Не прерывая несмолкаемого говорения, Пяк Николай,

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

будто между прочим, достал из мешочка кулёчек с заваркой. А Пяк Иды Вэку тут же усластил наши взоры пригоршней крупнокускового сахара.

Гости вяловато-сытыми движениями обтёрли рты, ножи, для приличия ещё несколько минут подкидывали в затухающее общение словечко-другое, приглядывая, между тем, куда можно было бы опрокинуть сомлевшие от усталости тела. Мария копошилась у железной печи, прибирала трапезную утварь, развешивала мокрую одежду оленеводов. А на печи, пыхтя весёлым парком (казалось – пританцовывая от нетерпения) закипала пара чайников. В одном – обжившийся в нашем меню – багульник, в другом – кипяток под настоящий плиточный чай. А на блюдечке перед нами белели кусочки самой желанной сладости в мире.

Стараясь не шуметь, я достал чайную кружку, отломил от плитки долю прессованной заварки, уложил её на дно и доверху залил крутым кипятком. Мелкие чаинки, отлипая от куска, лохмато кружили в меняющей цвет воде. Через пару минут от кружки шёл густой, пьянящий дух свежего чая. Я принял в пальцы самый маленький осколок сахара, положил в рот, бережно прижал языком к нёбу и стал чутошно посасывать его, прислушиваясь к сладостному ощущению.

Оленеводы безмятежно сопели, похрапывали, по-детски раскинувшись на лежаке из оленьих постелей (так здесь называют шкуры оленя). Вот они, настоящие богатыри тундры. Богатырство их не в телесных габаритах – в духовном могуществе, упорстве, терпении и трудолюбии. Мороз, дождь, гнус, волчья досада, однообразное питание, общение, окружающая природа. Никакое угнетение неспособно надломить их неутомимую волю, отвадить от подвига тундровой жизни. Между прочим, жизнь эта воспринимается ими совсем не так, как приезжие из городского уюта люди её воспринимают. Тундровому человеку его жизнь не в тягость, он утоляет свою душу постижением глубинного смысла этой жизни. Потому и видит-чует в ней много интересного и занимательного. В уместный час столько может поведать вам тундровых историй – вешай уши, да слушай!

Вот разохотился на такую историю Иды Вэку. Рассказал как пастух Молданов Андрей в стаде дежурил. Охранял оленей от хищников. Всё было тихо, спокойно, он и приютился в дремоту. Немного времени прошло, сквозь чуткий сон слышит – олени всполошились. Открыл глаза, и аж захлебнулся оторопью. Прямо к его нарте несётся разъярённый медведь. Из оружия у Андрея – нож на поясе, да «мелкашка» (малокалиберная винтовка). Схватил он винтовку, направил дуло на зверя, а сам, что есть силы, закричал на него:

– Не трогай меня, не трогай оленей моих! В тундру иди! Рыбу кушай, диких оленей лови!

Перед броском на жертву медведь обычно встаёт на задние лапы. На расстоянии двух-трёх прыжков от Андрея косолапый вскинул передние лапы и в страшном рыке оскалил свирепую пасть. Щёлкнул выстрел мелкашки. Всё. Остался только нож. С ножом против медведя – шансов чуть меньше, чем, если затеешь одной спичкой растопить лёд на реке Катучей. Погиб!

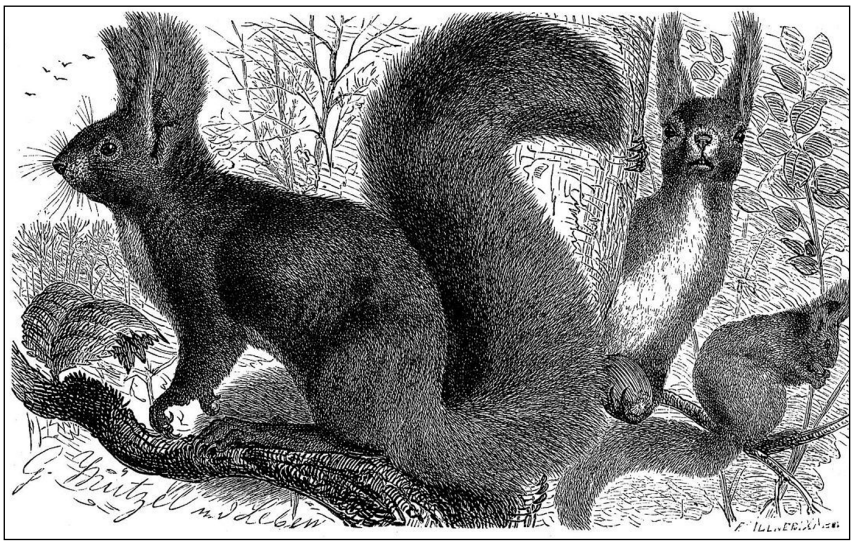
Однако, видит – медведь уронил лапы на землю, отбежал в сторону метров на сто и... спрятался. Андрей

второй атаки ждать не стал, схватил хорей и неистово погнал оленей к стойбищу. Пастухи быстро подхватились, примчали к тому месту, где Андрей дежурил и огляделись. Медвежью тушу обнаружили неподалёку, опасливо окружили её. Медведь был мёртв. Суматошный выстрел Андрея угодил ему точно в сердце. «А если бы на несколько сантиметров в сторону вошла пулька?! – ёжась от внутреннего озноба, мусолил Андрей докучливую мысль, – однако, он бы меня сейчас свежевал, не я его».

Однако я отвлёкся от сладостного предвкушения долгожданного чаепития. Взял ещё один кусок сахара, подсластил густо заваренный чаёк. Раз прихлебнул, другой. Что-то не то. Слишком терпко. Не тот вкус, не те ощущения. Сахар сладок, да чай почему-то не утоляет желания чаёвничать. Эх, не выдержал я, плеснул себе в кружку отвара багульника и вот уж попил-понаслаждался.

Разумеется, варёная щука с отваром багульника – не единственное кулинарное впечатление, которое отложилось в моей памяти. Запомнилось ещё одно ненецкое блюдо. Белка. Главный промысловый интерес ненцев. За осенне-зимний сезон справный охотник добывает их до полутора тысяч штук. Белку ценят не только за мех. Её мясо для некоторых семей часто становилось основой рациона питания в зимнее время.

Дождавшись охотника с промысла, семья добытчика принимает связку белок и тут же все принимаются их

обдирать и обрабатывать. Тушки потрошат и укладывают стопками по десятку штук. Так их и замораживают. Если семья небольшая, в брикет сложат пять, а то и три тушки. Представляете, сколько брикетов намораживала за зиму семья хорошего охотника?! Кстати говоря, нежное мясцо идёт не только на готовку в семью. Охотники-промысловики, отправляясь в гости к родственникам или друзьям, живущим на реке, берут с собой беличьи брикеты. Лучшего гостинца и не придумаешь. А уж рыбаки, в свою очередь, одаривают их рыбным свежачком.

Перед готовкой брикет заносят в чум, размораживают. Потом от тушки отсекают хвост и лапки. (Особо впечатлительные люди могут поёжиться от вида хрупкого тельца, увенчанного маленькой головкой с чёрной бусинкой носа и двумя метёлочками усиков). Да, если попадётся кедровая белка, в её желудке вы обнаружите приличную горку очищенных кедровых орехов. Запеките желудочек с орешками на буржуйке до румяного цвета. Ах, какое лакомство!

Вспоминается одна трапеза в чуме Пяк Бориса. Однажды морозным зимним вечером супруга его Мария извлекла из закрома брикет беличьего мяса. Память услужливо подсказала мне вкусовые ощущения предстоящего ужина. Бельчатина, которую мы будем запивать напитком из багульника или брусники/черники. Однако Мария на этот раз уготовила нам сюрприз. В тот день под беличьи тушки она поставила перед нами кастрюлю ненецкого компота.

Слышу саркастические усмешки: «Это ты, Лёня, врёшь! Никогда не варили ненцы, ханты, манси компотов».

Не варили? А что же тогда стояло тогда на столе в чуме гостеприимных Бориса и Марии?! Черника, морошка, брусника, водяника – истолчённые, залитые кипятком, услащённые сахаром.

– Эй, эй, – останавливает меня кулинар-правдолюб, – а как же удалось сохранить морошку до зимы? Ведь она поспевает в июле, в жару?

Так знайте. В тундре почва за лето прогревается самое большее – сантиметров на

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

двадцать. Ниже – лёд. Так вот, запасливые хозяева вырубают в земле небольшую (обычно – метр на метр) прямоугольную яму. Аккуратно выбирают мох, укладывают в яму птицу, рыбу, мясо, ягоду – что угодно. Сверху припасы укрываются тем же мхом, как одеялом. Вот вам и самый надёжный северный холодильник. Одним словом, возможностей для приготовления самых разнообразных напитков, отваров, компотов у хорошей хозяйки – предостаточно.

Прошло много лет с тех пор. Не забылось, не затёрлось в душе, в памяти моей – угощения, еда, напитки моих добрых друзей. Ненцы научили меня ценить и подобру использовать все дары суровой северной природы.

Обычное дело в моём домашнем обиходе – выложить в кастрюлю, например, отборной черники, залить водой, довести до кипения, выключить газ, минут через пять довершить отвар марьиным корнем и пучком иван-чая. После того, как напиток остыл, разливаю его по графинам, определяя им приютом вместительное лоно рукотворного холодильника.

Приготавливая напитки из ягод, стараюсь их чередовать. После брусники – клюкву, потом – чернику и голубику, морошку, княженику и так далее. Никогда не забываю обогатить напитки целебными травами. И полезно, и вкусно. Правда, с травами нужно быть осторожным. Если сам не собираешь, покупать только у тех травников, которым доверяешь. Чтобы сбор тот был из заповедных мест, а не с обочин дорог. И чтобы отсушены они были как следует, по всем правилам обхождения с лечебными травами.

– Это клюква у вас такая душистая? – спросил меня один командировочный из Екатеринбурга, осушив пару бокалов клюквенного напитка, наваренного с корнем шиповника.

– Ну да, – не стал я детализировать рецептуру. Да и какая ему разница?! Если захочет баловать-одаривать себя полезным и отрадным питием, сам освоит и рецепты, и составы их. А так – пусть пьёт, что дают и смакует.

Моё же пристрастие к природным напиткам (а они не переводятся на моём столе)

служит хорошую службу и мне, и детям моим. Мы, практически, не подвержены ни простудным заболеваниям, ни гриппу, ни потере иммунитета, ни другим ослаблениям организма.

Между прочим, любой напиток требует к себе определённого отношения. Просто так взять и выглохтать сдобренную чем-то жидкость – дело нехитрое. По-хорошему, каждое питейное довольствие диктует и определённую душевную предрасположенность к нему, и температуру, и консистенцию, и даже – посуду. Приятная сердцу моему девушка Татьяна, например, упрощает идеальный образ свой, подавая мне некий напиток тусклой полупрозрачности в большой чайной кружке, и называя его – кофе.

Каждый год ко мне приезжают на охоту и на рыбалку гости из различных городов России. И не было ни одного человека, который бы не восторгался северной кухней – из охотничьих ли трофеев, из рыбацких ли. От утиной похлёбки, от малосола из сиговых рыб, от щучьих котлет, от ухи из налима, от клюквенного и брусничного морса, и многого другого. Но вот парадокс – возвращаясь с реки, из леса в посёлок, они, часто тормошат меня:

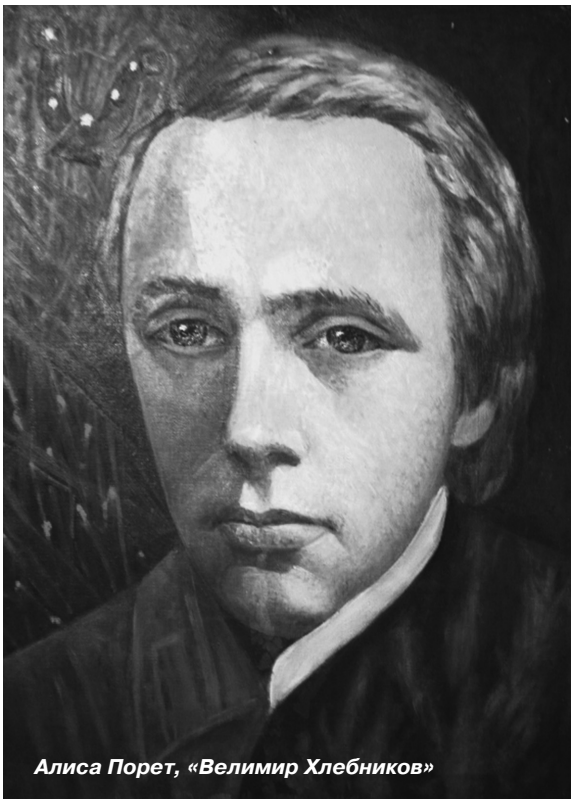
– Лёня, где тут у вас нормальный кафе, с нормальной едой?

То есть, едой с нитратами, кучей разных непонятных добавок, ароматизаторов, консервантов и т.п. – делаю я вывод. Такая еда, думаю я умом, стала для них наркотиком, без которого они уже не могут существовать. Этих уже не соблазнишь отваром багульника, настоем трав, ягод. Неужели всё, чем природа нас пытается спасти, оздоровить – безнадёжный анахронизм, прошлое без будущего?!

пос. БЕРЁЗОВО,
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра

В программной декларации «О расширении пределов русской словесности» (март 1913) великий поэт и мыслитель Велимир Хлебников (1885–1922) писал: «Она <русская словесность. – М.Л.> не знает персидских и монгольских веяний <...> Из отдельных мест ею воспет Кавказ, но не Урал и Сибирь с Амуром, с его самыми древними преданиями о прошлом людей (орочоны)». Хлебников стремился восполнить это знание: благодаря поэмам и многочисленным стихотворениям достаточно хорошо исследованы подробности его путешествия в Иран в 1921 году. Менее изученным на сегодняшний день остаётся вклад поэта в творческое освоение культуры народов Севера и Дальнего Востока. Недостаточно внимания обращается на такие его произведения, как рассказ «Око. (Орочонская повесть)», в основе которого лежит орочский миф о кровосмешении, на северные мотивы в «сверхповести» сДети Выдры», на ряд целый поэм и стихотворений, тематически обращённых к Северу. Надеемся, что это – дело будущего. А сегодня мы предлагаем вниманию читателей отрывки из хлебниковской поэмы «Шаман и Венера» (1912). Полный текст этого произведения вы можете найти в большинстве изданий поэтического наследия Велимира Хлебникова.

Максим ЛАВРЕНТЬЕВ

Алиса Порет, «Велимир Хлебников»

Велимир ХЛЕБНИКОВ

ШАМАН И ВЕНЕРА

Шамана встреча и Венеры
Была так кратка и ясна:
Она вошла во вход пещеры,
Порывам радости весна.
В её глазах светла отвага
И страсти гордый, гневный зной:
Она пред ним стояла нага,
Блестя роскошной пеленой.
Казалось, пламенный пожар
Ниспал, касаясь древка снега.
Глаз голубых блестел стожар,
Прося у жёлтого ночлега.
«Монгол! – свои надувши губки,
Так дева страсти начала.
(Мысль, рождена из длинной трубки,
Проводит борозды чела). –
Ты стар и бледен, жёлт и смугол,
Я же – роскошная река!
В пещере дикой дай мне угол,
Молю седого старика.
Я, равная богиням,
Здесь проведу два-три денька.
Послушай, рухлядь отодвинем,
Чтоб сесть двоим у огонька.
Ты веришь? Видишь? – Снег и вьюга!
А я, владычица царей,
Ищу покрова и досуга
Среди сибирских дикарей.
Ещё того недоставало –
Покрыться пятнами угрей.
Монгол! Монгол! Как я страдала!
Возьми меня к себе, согрей!»
Покрыта пеплом из снежинок
И распустив вдоль рук косу,
Она к нему вошла. Как инок,
Он жил один в глухом лесу.
<...>

Шаман не верил и смотрел,
Как дева (золото и мел)
Присела, зарыдав,
И речь повёл, сказав:
«Напрасно вы сели на обрубок –
Он колок и оцарапает вас».
Берёт с стола красивый кубок
И пьёт, задумчив, русский квас.

Он замолчал и, тих, курил,
Смотря в вечернее пространство.
Любил убрать, что говорил,
Он в равнодушия убранство.
И дева нежное «спасибо»
Ему таинственно лепечет
И глаза синего изгиба
Взор шаловливо мечет.
И смотрит томно, ибо
Он был красив, как белый кречет.
<...>

Вдруг сердце громче застучало.
«Могол, послушай, – так начала
Она. – Быть может, речь моя чудна
И даже дика, и мало прока.
Я буду здесь бродить одна
(Ты знаешь, я ведь одинока),
Срывать цветы в густом лесу,
Вплетать цветы в свою косу.
Вдали от шума и борьбы,
Внутри густой красивой рощи
Я буду петь, сбирать грибы,
Искать в лесу святого мощи,
Что может этой жизни проще?» –
«Изволь, душа моя, – ответил
Могол с сияющей улыбкой. –
Я даже в лесу встретил
Дупло с прекрасной зыбкой».
В порыве нежном хорошея,
Она бросается ему на шею,
Его ласкает и целует,
Ниспали волосы, как плащ.
Могол же морщится, тоскует.
Она в тот миг была палач.
Она рассказывает ему
Про вредный плод куренья.
«Могол любезный, не кури!
Внемли рыданью моему».
Он же, с глазами удовлетворенья,
Имя произносит Андури.
Шаман берёт рукою бубен
И мчится в пляске круговой,
Ногами резвыми стучит,
Венера скорбная молчит
Или сопровождает голос трубен,
Дрожа звенящей тетивой.

Потом хватает лук и стрелы
И мимо просьб, молитв, молений
Идёт охотник гордый, смелый
К чете пасущихся оленей.
И он таинственно исчез,
Где рос густой зелёный лес.
<...>

И вот приходит от труда,
Ему навстречу выбегает,
Его целует и ласкает,
Берёт оленя молодого,
На части режет, и готово
Её стряпни простое блюдо;
Сидит и ест… ну, право же, не худо!
Шаман же трубку тихо курит
И взор устало, томно щурит.
И, как чудесная страна,
Пещера в травы убрана.
<...>

«Шаман, ты всех земных мудрей!
Как мной любима смоль кудрей,
И хлад высокого чела,
И взгляда острая пчела.
Я это всё оставлю,
Но в песнях юноши прославлю
Вот эти косы и эту грудь.
Ведун мой милый, всё забудь!
И водопад волос могуче-рыжий,
И глаз огонь моих бесстыжий,
И грудь, и твёрдую и каменную,
И духа кротость пламенную.
Как часто после мы жалеем
О том, что раньше бросим!»
И, взором нежности лелеем,
Могол ей молвит: «Просим
Нас не забывать,
И этот камень дикий, как кровать
Он благо заменял постели,
Когда с высокой ели
Насмешливо свистели
Златые свиристели».
И с благословляющей улыбкой
Она исчезает ласковой ошибкой.

1912

НА НАШИ ИЗДАНИЯ ВЫ МОЖЕТЕ ПОДПИСАТЬСЯ ПО КАТАЛОГУ "РОСПЕЧАТИ":
"МИР СЕВЕРА"
ИНДЕКС - 47303. ПЕРИОДИЧНОСТЬ - РАЗ В ДВА МЕСЯЦА.

"ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ"
ИНДЕКС - 50232